

ХАМИД ГУЛЯМ

ТАШКЕНТЦЫ

РОМАН

...НО ВСПОМИНАЕТСЯ ВДРУГ СОРОК ПЕРВЫЙ,
ТОТ СОРОК СТРАШНЫЙ, ОТЧАЯННЫЙ ГОД.
ВИЖУ ДОРОГУ В УХАБАХ И ЯМАХ
ГРОЗНОЙ ВОЙНЫ,— ТЫ О НЕЙ НЕ ЗАБУДЬ...

Уз
Г 94

Авторизованный перевод с узбекского
ВЛАДИМИРА КАРПОВА

Рисунки
народного художника Узбекистана
В. У. КАИДАЛОВА

Художественное оформление
М. РЕЙХА

Г $\frac{70303-88}{352(06)-77}$ Рез.—77

© Издательство литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1977 г.
(оформление).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

ОЙНИСА

Анхор протекает через махаллю Арпапая, которая тянется от Бешагача до Караташа; потом за Фарабинским садом он сливается с арыком Исламабад, поворачивает к махалле Зевак и, минуя окраину Чакар, выходит на простор, к полям Чапанаты.

Все, что на берегах, видно и в воде: дома, деревья, люди. Плывут в реке свои облака, свое солнце, свое небо. Кажется, что не махалля Арпапая отразилась в Анхоре, а весь мир с его делами, заботами, страстями.

День-деньской хлопочут здесь, на Анхоре, крупорушка и две мельницы. В тени растущего по берегам тала стоят арбы, лошади, ослы. На них привезли сюда зерно.

Старики крестьяне из дальних и ближних мест, пока мелют их пшеницу и обдирают неочищенный рис — шалу, отряхнув пыль с шапок и халатов, идут помолиться в Ишанмечеть. Она тут же, в махалле Арпапая.

Растут на берегу Анхора раскидистые карагачи. Два из них, говорят, сверстники махаллинских стариков-аксакалов. А вот сколько лет третьему карагачу, точно неизвестно. Но триста, триста пятьдесят, наверное, будет.

Три карагача эти дают такую обширную тень, что ее хватает на многолюдную чайхану, мясную лавку и шашлычную, которые разместились здесь. Сюда приходят поить и купать своих лошадей арбакеша-угольщики, что живут в тесном переулке неподалеку от фабричного сада.

Кроме арбакешей, там живут еще десять-пятнадцать семей. Это люди с соседнего кожевенного завода, шорноседельной фабрики и разных артелей.

Здесь же, в самом начале улочки, на левом углу, и живет Ойниса. У ее дома растет яблоня — «белый налив».

В пятом часу, с рассветом, прилетел скворец, сел на яблоню и начал свою каждодневную песню. Если прислушаться, похоже, что он подражает соловью. Но это у него не всегда получается.

Где-то, скрипнув, отворилась калитка. Худощавый высокий парень повел под уздцы к Анхору вороного тонконового коня.

Ойниса только что растопила печь — тандыр. Раскатала лепешки и присела на супу, ожидая, пока накалится печь. Задумалась. Топот коня прервал ее мысли. Подойдя к очагу, заглянула — как там огонь? Вскинув на согнутую руку пустое ведро, вышла на улицу. Улица еще тиха. Кое-где девочки, встав спозаранку, побрызгали водой и подмели у своих калиток, да так чисто, что хоть дастархан накрывай на земле. В таловой роще, на берегу, к Ойнисе поспешно подошел парень, что поил коня.

— Давайте помогу.

— Спасибо, Абдулладжан.

Парень, взяв ведро, пошел к воде.

Ойниса прислушалась к утренней тишине. Она была как удивительная музыка. Чуть слышно двигались воды Анхора, глухо шумел дальний водопад. И только воробьи немного досаждали своим чириканьем. И скворец, сидевший на яблоне, стал подлаживаться под их гомон: «чახ-чახ», «чух-чух».

Со стороны Ишанмечети донесся призывный голос муэдзина. Конь оторвался от воды, вытянул шею и громко заржал. Ойниса невольно улыбнулась этой странной переключке.

Абдулладжан с полным ведром ловко взбежал на пригорок и, не слушая Ойнису: «Не надо, я сама», — занес ведро во двор и поставил на веранду.

Ойниса сказала:

— Маме передай, пусть побыстрее выходит.

— Ладно, тетушка.

Когда за парнем захлопнулась калитка, Ойниса пошла в летнюю кухню, поставила самовар, затем принялась за лепешки. Она кидала круглые куски теста на побелевшие от жара внутренние стенки тандыра. Зной печи обдавал лицо. Щеки будто воспламенились, в глазах зажглись яркие искры.

Сдобные патыры набухали, бесцветное тесто оживало на глазах, оно дышало, ширилось и вдруг засияло золотистым блеском, зарумянилось, как щеки здорового загорелого ребенка.

Ойниса уложила готовые лепешки в круглую плоскую корзину и укрыла чистой тряпичей, чтоб подольше оставались горячими. Закипел самовар. Она перенесла его на супу на медный поднос. Затем поставила на середину супы низенький столик, постелила вокруг него стеганые одеяльца-курпачи.

Ойниса ждала приглашенных вчера подруг: мать Абдулладжана — Кумри и Анну Николаевну Попову, с которой работала на фабрике «Красная заря». Потому и приделась с утра: голубое платье с кокеткой на груди, на голове белая шелковая косынка. В свои сорок два она выглядела стройной, еще полной сил женщиной.

Поджидая гостей, Ойниса села на мягкую курпачу и, в который уже раз, стала перечитывать письмо от сына. Юлдаш извещал, что придет в ближайшие дни, просил сходить к родителям Гульназ, договориться о свадьбе. То, что сын стал взрослым и вот теперь приближается день его свадьбы, наполняло сердце матери гордостью и радостью. И ей вспомнились дни ее молодости, Таштемир и их короткое, но большое счастье.

Вспомнился и родной кишлак Хандайлик у подножья Кураминских гор, рядом с истоком Чирчика. Когда смотришь на кишлак издали, реки не видно — одни урюковые да яблоневоы сады.

Бурными были те далекие годы. Отца Садыка-ата ранней весной 1918 года выбрали председателем первого сельского совета. Свирепствовали басмачи. Они то и дело появлялись в кишлаке. Однажды из Ташкента прибыл отряд красноармейцев. Командовал ими Таштемир. В ущелье произошла жестокая схватка. Красноармейцы одолели басмачей, изловили главарей — курбаши. Суд над ними вершили сразу после боя, во дворе кишлачной мечети. Приговор от имени Революционного военного Совета зачитал сам командир красноармейцев Таштемир. Но басмачи продолжали грабить и жечь кишлаки. Поэтому Таштемир часто приезжал со своим отрядом. Каждый раз он останавливался в доме Садыка-ата.

В своей единственной дочери старик души не чаял. Вольно она росла. Целыми днями собирала цветы и яго-

ды. Идя к роднику за водой, грациозно несла кувшин на плече и пела. Звонкую ее песню подхватывали горы и, словно играя, уносили в лазурное небо.

В те дни беззаботного девичества непонятная грусть иногда сжимала ее сердце. Ойниса порой замирала, будто на краю обрыва, когда и сладко и страшно смотреть вниз. В такие минуты она очень явственно ощущала, как в ее легкую и радостную жизнь входит что-то огромное, желанное и все же пугающее.

Возвращаясь из дальних походов, Таштемир подолгу, до поздней ночи, беседовал с Садыком-ата. Ойниса готовила им плов, подавала чай. Девушка невольно слушала разговор мужчин. Чаще говорил Таштемир. Он рассказывал удивительные вещи о новой жизни — Ойниса никогда не слыхала такого в своем кишлаке. Да и не все она понимала. Но ее заворожил мужественный и в то же время мягкий, добрый голос красного командира. В этом человеке все было необыкновенно загадочно.

Обычно на рассвете Таштемир седлал коня и отправлялся в путь. А в ушах Ойнисы все звучал его голос, и виделась ей смотрящие из-под густых бровей его черные глаза. Когда же он исчезал надолго, она с тоской глядела на извилистую горную тропу, сбегавшую с гор в долину, туда, где жил Таштемир.

Переживания девушки не остались незамеченными. Не случайно Садык-ата в очередной приезд Таштемира стал подробно расспрашивать его о семейных делах. Ойниса зашла к ним с чайником и слышала, как Таштемир сказал:

— Отец мой — Кулдаш-мираб. Народ его уважает за честность и справедливость. Мать обучает в своем доме девочек махалли, все зовут ее ученой женщиной — отин.

Когда Ойниса вышла, Садык-ата спросил безразличным тоном:

— Вы женаты?

Ойниса, услышав слова отца, замерла, чутким сердцем она уловила, что тон отца напускной, что он тоже с волнением ждет ответа.

Таштемир медлил. Молчал. Вечностью показались Ойнисе эти секунды. Наконец он сказал:

— Было бы все благополучно с Советами, жениться успею.

У Ойнисы слово «Совет» связывалось с сельским со-

ветом председателем которого был ее отец, поэтому слова ташкентца прозвучали для нее так:

«Здравствovali бы Вы,— жениться успею».

После этого разговора Садык-ата и Таштемир прошли в сельсовет. Ойниса, притаившись за тутовым деревом во дворе, смотрела им вслед. Садык-ата, не оборачиваясь — знал: дочь поблизости,— сказал:

— Доченька, оседлай коня гостю. Мы сейчас вернемся.

Она слышала немало рассказов командира об этом буланом, с белой звездой на лбу, коне. Не раз он выручал его в бою. На теле скакуна было немало рубцов и шрамов.

Ойниса некоторое время наблюдала за конем, который хрустко жевал клевер. Конь, хоть и чувствовал, что за ним наблюдают, продолжал жевать, не обращая внимания на постороннего.

Ойниса решительно шагнула к нему. Конь стоял спокойно. Осмелев, она протянула руку, погладила шею, гриву и тихо сказала: «Ты хорошая, смиренная лошадка...» Затем, развязав повод, вывела коня во двор. Ей захотелось выкупать его в прозрачной горной реке, напоить родниковой водой.

Конь покорно стоял, пока она мыла его, распутывала и расчесывала гриву. Даже когда Ойниса окатила его из ведра студеной водой, он только запрядал довольно ушами, но не двинулся с места. В лучах солнца красавец-скакун сверкал, чистый и прибранный.

Послышались шаги. Ойниса оглянулась, и сердце замерло: к ней шел Таштемир.

— Эге-ге, тебе здорово повезло, красавец мой! Как о тебе позаботились! Спасибо вам.

Ойниса смутилась. Наверное, надо было бы убежать, но ноги не повиновались.

Таштемир подошел к ней очень близко, взял из ее рук повод и вдруг спросил:

— Хотите, я увезу вас в Ташкент?

Девушка на мгновение растерялась, не поняла смысла, который вкладывал в свои слова Таштемир. Опомнясь, она улыбнулась и спросила смело:

— А что я буду делать в Ташкенте?

— Будете учиться.

«Будете учиться!» Значит, он думает о будущем, о

всей их жизни. Он желает ей счастья!.. Лицо девушки стало вдруг очень серьезным.

Таштемир пытался заглянуть ей в глаза.

— Вы мне не верите?

— Верю. Только... Только что скажет папа?

— Ваш папа согласен. Если вы скажете «да», справим свадьбу и уедем в Ташкент.

Ойнису будто обдало жаром, она затрепетала и, не в силах устоять на месте от закружившего ее вихря счастья, побежала прочь. Сияющая, влетела она в дом.

Отец набивал дорожными припасами хурджуна гостя.

— Что случилось, доченька?

— Да вон тот... ташкентский...— смущенно сказала Ойниса и убежала в комнату.

Садык-ата улыбнулся. Он спустился с веранды навстречу гостю, который шел к дому, ведя коня.

Таштемир был взволнован, не смотрел старику в глаза, его загоревшее в походах лицо блестело от испарины.

После отъезда Таштемира Садык-ата ни о чем не сказал дочери. Только с болью в душе подумал о жене, умершей десять лет назад: «Была бы жива—порадовалась».

В тот же день Садык-ата привез из кишлака Хумсан сестру. Начались приготовления к свадьбе, в них и промелькнуло лето. Свадьбу справили осенью в Хандайлике. А потом и в Ташкенте, в маленьком домике на Арпапае, куда переехали молодожены...

Двор на Арпапае.

Те же, что и при Таштемире, дом, веранда и супа, на которой в тени виноградника сидит в задумчивости Ойниса. Виноградник вырастил Таштемир. И белый налив, что простер ветви над крышей дома, тоже сажал он.

Всего три счастливых года.

Счастливые дни и ночи коротких свиданий. Были жена и муж, а встречались, как влюбленные,— ненадолго, в перерывах между боями и походами.

Потом появились ненаглядные сынишки — Юлдаш и Эргаш.

И вдруг страшный вечер зимой 1921 года. Таштемир лежал на этой самой супе, а она обнимала его бездыханное тело, целовала заросший подбородок, навеки закрывшиеся дорогие глаза. Рыдания душили ее. Двухлетний Юлдаш, чувствуя своим сердечком беду, ползал у гроба. А Эргаш ни о чем не знал — он лежал в качалке.

Прошло двадцать лет. И все эти годы, каждый день Таштемир стоял перед глазами Ойнисы, любовь жила в ее сердце.

Двадцать лет Ойниса каждое утро отправляется на фабрику «Красная заря», а вечером возвращается обратно. А Таштемир незримо всегда с ней рядом — и в будни, и в праздники, и в горе, и в радости.

Дети выросли. Юлдаш стал геологом. Занимается изысканиями в песках, за Бухарой. Эргаш окончил техникум, работает агрономом в одном из ферганских колхозов.

Юлдаш пишет:

«Дорогая мамочка, дела мои идут хорошо. Здоров, как всегда. Очень скучаю о вас. Скоро приеду.

Дорогая вы наша, обрекли мы вас на одиночество: я в пустыне, Эргаш в Фергане. Это меня очень удручает.

Помните, я как-то рассказывал вам о девушке Гульназ из медицинского института? Она кончает в этом году. В письме Гульназ мне сообщила — уже сдает госэкзамены. Это значит, можно готовиться к свадьбе. Так что, мамочка дорогая, можете смело идти и сватать! Дом Гульназ прямо на берегу Кичкирика, рядом с садом нашего деда. Отца девушки, Дадавая-ака, вы знаете, обаятельный человек. Но мачеха, ее зовут Лобар, хитра, как лиса! Будьте с ней осторожны!

В общем, надеюсь на вас. Да, пожалуй, свадьба — единственный путь, чтобы собрать под свое крылышко сыновей. Гульназ будет вам помощницей. Она придется вам по душе, я уверен.

До свиданья, дорогая мамочка.

Постоянно скучающий о вас, ваш сын Юлдашбай.

Бухара, 1941 год, 18 июня».

Юлдаш очень похож на Таштемира. Стать, глаза, брови — все отцовское. И серьезен он, как отец, и говорит всегда понятно и приветливо. Это, должно быть, от убеждения в правильности своих мыслей, любви к работе, чистоты души. Хоть и тяжело ему в безводной пустыне, хоть и мучает нестерпимый зной, а вот из письма видно: духом он бодр, полон сил, помыслы его чисты, жизнью он доволен.

Ойниса начинала беспокоиться — подружки запаздывали. Не идет ни Кумри, ни Анна Николаевна. Договорились встретиться пораньше. Солнце уже поднялось, а их все нет, Ойниса вошла в дом. Осмотрела себя в зеркале. Волосы наполовину уже седые, но все еще густы, только на висках поредели. Морщинки на лбу — след невозвратимой утраты. Да и смуглое лицо несколько бледно. И в глазах грусть.

В комнате, между двумя нишами портрет Таштемира. Сфотографировался за месяц до гибели. На папаше звездочка, на груди орден Красного Знамени. Двадцать три года было ему тогда. Веселая улыбка, в глазах огонь жизни.

Ойниса подошла к портрету, пристально посмотрела на мужа и, как живому, сказала:

— Вот сватать пойду. Сына нашего Юлдаша женить будем. В муках, слезах, в горе, но все же вырастила его. Был бы ты рядом, вместе порадовались бы. Пусть они будут счастливы, пусть не знают горечи утрат и разлук.

Ойниса всматривалась в дорогие черты, а Таштемир продолжал весело улыбаться, словно говорил ей: «Иди, не бойся, они будут счастливы!»

Ойниса не сдержала подступивших слез — расплакалась.

Когда она, отерев слезы, вышла во двор, Кумри и Анна Николаевна уже были там.

— Что это вы, сваха, не торопитесь! — с приветливой улыбкой сказала Анна Николаевна. — Лепешки завернули, все подготовили, а сами куда-то исчезли!

— Здравствуйте, Аняхон! Проходите, Кумрибану! — Ойниса обняла подруг, пригласила на супу: — Чай готов!

— У девушки чай слаще, там попьем! — засмеялась Анна Николаевна. — А может быть, и пловом угостят!

— Обязательно угостят! — уверенно сказала Ойниса. — Я верю Юлдашу, Гульназ отличной невесткой будет!

Подруги поднялись на супу, сели на одеяло вокруг столика. Ойниса разломилла два совсем еще горячих патыра, налила гостям чай.

— Значит, говорите, они переписываются? — с интересом спросила Кумри.

— Конечно, Кумрибану, раз полюбили друг друга,

значит, переписываются. Теперь уж так, новые времена — новые нравы.— По глазам Ойнисы было видно, что ей по душе эти нравы...— И свадьбу справим по-новому!

— Дай бог,— сказала Кумри и, вспомнив что-то, торопливо добавила:— Да, я пригласила свою подругу Назикхон. Уж она такая говорунья — лучше свахи не сыскать.

— Хорошо сделали, что пригласили,— вежливо сказала Ойниса.

— Но при сватовстве болтливость, знаете, может боком выйти,— вмешалась Анна Николаевна, вкладывая в свои слова и другой смысл: «Прежде чем приглашать, надо посоветоваться».

Ойниса поспешила сгладить возникшее чувство неловкости:

— Назикхон знает дело.

— Ну что ж, пошли!— Анна Николаевна поднялась со своего места. Кумри, молитвенно подняв руки, произнесла:

— Боже, пошли нам удачу!

Она подняла лепешки, завернутые в скатерть-дастархан. Ойниса заперла калитку.

На улице женщин поджидала арба, на которой сверх паласа были постланы курпачи. Для Ойнисы это было сюрпризом.

Она сказала Кумри:

— Дорогая моя, стоило ли затруднять себя хлопотами с этой арбой...

— Какие тут хлопоты!

В сторонке, под яблоней, сидел на стульчике принарядившийся Абдулладжан.

— А ну, сынок, поставь нам стульчик,— попросила его Кумри.— А где тетка твоя?

— Вон идет!

Полнотелая Назикхон, наряженная в атласное платье, скрипя лакированными лодочками, приближалась к ним.

Абдулладжан помог женщинам взобраться на арбу, подал матери сверток с лепешками и стул. Затем, ловко вскочив на вороного, взмахнул плеткой и щелкнул по оглобле.

— А ну, давай, черноглазый!

Арба загрохотала по деревянному мосту через Анхор.

Глава вторая

БЕССОННАЯ НОЧЬ

В долгие летние дни, когда духота просто давит, вечер не приносит облегчения. Закроешь окно — в комнате пекло, откроешь — летит на свет всякая мошкара. Да и во дворе кружат вокруг лампы тысячи мотыльков, комаров и мошек — спасения от них нет!

У Гульназ сейчас самое ответственное время: государственные экзамены, надо заниматься и днем и ночью. А свет хоть не зажигай — мошкара со всей Арпапай слетается.

Тяжело сегодня на душе Гульназ.

Случилось это за ужином. Сидели на супе отец, мачеха и она — Гульназ. Лобар положила в шавлю перца сверх меры. А у Дадавай-ака больная печень, ему нельзя острое. Ну, он и пошутил после первой ложки:

— Да, перчика положили, Лобархон, щедро. Сразу видно, далеко не ходите за ним — грядка под рукой.

Лобархон никогда не отличалась чувством юмора. Она тут же перевернула все по-своему:

— Что бы я ни сделала, вам все не так! Никогда поесть не дадите спокойно!

— Я же сказал то, что есть, ханум, — мягко, пытаюсь погасить начинающуюся ссору, произнес Дадавай-ака. — Все хорошо в меру. Даже мед сверх меры — яд. А эта штука по самому-то названию — перец!

— Понимаю вас, отлично понимаю. Значит, я когда-то была медом, а теперь стала ядом! — распалилась Лобар. — День и ночь кручусь, как проклятая: и шью, и корову дою, и за курами убираю, и на базар бегаю, и стряпаю. Хоть бы сдохнуть скорей!

Когда Лобар вот так разоидется, Гульназ обычно встает и тихо уходит, потому что мачеха не постесняется в запальчивости сказать: «Все это ради вашей Гульназ, чтоб училась она спокойненько».

И в этот вечер Гульназ тихо встала с супы и ушла в комнату. Свет зажигать не стала. Села у раскрытого окна. А во дворе продолжался неприятный разговор.

— Кто вас заставляет работать так много? — спокойно говорил отец. — В доме, кажется, все есть. Моей

зарплаты на троих хватает. Все мы сыты, обуты, одеты. Так что упреки ваши, ханум, напрасны.

— Мои слова никогда не имели для вас значения!— продолжала в том же тоне Лобар.— Вечно вы недовольны. Другой бы такую жену на руках носил. Дочку вашу холила, лелеяла, вырастила, скоро доктором станет. А я? Кем я стала?

— Вот тебе раз,— Дадавай-ака грустно улыбнулся.— С большой головы на здоровую. Сколько раз я говорил: учись. Не захотели. Между прочим и сейчас не поздно. Пожалуйста. Молоды еще — учись.

— Легко сказать!— скривила губы Лобар.— А дела-ми кто будет заниматься?

— Вот-вот, дела вам заслонили весь мир!— Дадавай-ака, начиная злиться, хватил ложку переперченной шавли, поперхнулся, запил чаем.

— Вы, ханум, уж очень на деньги падки, на барахло. День для вас не день, если несколько рублей в сундук не засунете. Или не так.

— Да ну вас!— Лобар, сбавив тон, махнула рукой.— Все упрекаете. Хоть какая-то своя жизнь должна быть у меня?

«Своя жизнь» у Лобар выглядела так: спозаранку торговала молоком, несла на базар яйца, по воскресеньям целый день крутилась на барахолке — тубетейками спекулировала. Бывало, задерживали ее на базаре. Тогда Лобархон поднимала шум: «Да вы что! У меня муж — всеми уважаемый человек! Член партии! В Таштраме работает! Дадавай-ака! Или не слышали?»

— Стыдно мне за ваши базарные делишки,— укоризненно говорил Дадавай-ака.— Просто срам. Как в глаза людям смотреть? Прекратите это. Не желаете учиться — идите работать. Знаете Ойнису? Она на «Красной заре» начальник цеха. Попросите ее — она вас возьмет. Шить вы умеете.

— Очень нужно!— Лобар скривила губы.— Ойниса сколько лет работает, а что нажила?

— Опять вы за свое!— воскликнул Дадавай-ака.— В мире деньги не самое главное. Человека меряют не барахлом и не деньгами. Подумайте над этим. Я вам добра желаю.

Лобар понимает, куда клонит Дадавай-ака. Но у нее свои взгляды на жизнь. Сундук ее полон пересыпанных

нафталином отрезков бархата и шелка, между ними припрятана пачка червонцев... Пусть толкуют о честности да благородстве. А без вещей и денег не проживешь!

Дадавай-ака не первый год бьется с женой. Но его слова, как о стенку горох — не доходят они до Лобар.

Десять лет назад Лобар была хорошенькой двадцатичетырехлетней женщиной. Первый муж, колхозный бригадир, сильно любил ее. Но потом охладел. Наверное, потому, что она не рожала. Они разошлись. Некоторое время Лобар жила одинокой. В те годы стряслась беда в семье Дадавая-ака. Его жена умерла во время родов. Не удалось спасти и младенца. Дадавай-ака остался с одиннадцатилетней Гульназ. Он обожал ее, ни на шаг не отпускал от себя, нередко брал с собой на работу. Прошел год, справили поминки по Азизахон, друзья исподволь стали намекать, а потом и открыто уговаривать — женись. Для девочки женщина в доме просто необходима. Отмахивался Дадавай-ака: «Какой из меня ухажер». Тогда друзья нашли ему подходящую по годам подругу. Это и была Лобар.

Их познакомили будто случайно. Дадавай-ака пришел к своему другу, как обычно, с Гульназ. Был он видный, представительный, тридцать пятый шел ему тогда. Лобар он понравился с первого взгляда. Но Дадавая-ака больше интересовало другое — как эта женщина отнесется к Гульназ. Лобар заранее предупредили о безмерной любви Дадавая-ака к дочери. И она при первой же встрече расцеловала девочку, трогательно прижала к груди, заворковала: «Доченька моя, милая».

Дадавай-ака был тронут. Вскоре состоялась помолвка.

Десять лет прошло с той поры. Из ласковой горлинки Лобар превратилась во властную хозяйку. В первые годы, когда добрый муж пытался укротить ее, Лобар сбивала его с толку жеманством, притворными ласками. Постепенно она стала повышать тон и, наконец, дошла до громких скандалов. Зная, что Дадавай-ака терпеть не может ссор, она теперь умышленно прибегала к ним, когда хотела настоять на своем. Так было и сегодня.

Имя Ойнисы вдруг напомнило Лобар об одном важном деле.

— Да, совсем забыла! — воскликнула она и, хитро посмотрев на мужа, понизила голос: — Сегодня Гульназ

снова получила письма от Юлдашбая. Пишет, что собирается присылать сватов.

— Чужие письма читать неприлично, Гульназ может обидеться.

Лобар уселась поудобней, отерла возбужденное лицо шелковым цветастым платочком и запальчиво спросила:

— Почему это она должна обидеться? Я что, не мать ей?

— Ну ладно, ладно, вы мать,— поспешно согласился Дадавай-ака, зная заранее, что может последовать за таким вопросом. Однако и дочь в обиду давать не хотелось, и он сдержанно добавил:— Но не забывайте, ханум, Гульназ стала взрослой девушкой. Они дружат, с Юлдашем с детства. Полюбили друг друга. Неприятно им будет узнать, что вы читаете их письма. Да и Гульназ никогда не скрывает от вас ничего, с вами она делится как с родной матерью. Так ведь?

— Так-то оно так...

— Вот и хорошо. Прошу вас, никогда больше не читайте ее писем.

Лобар, надув губы, обиженно бросила:

— У вас всегда так. Дочь вам дороже жены.

Хотел Дадавай-ака сказать ей: «Не забывай, я женился на тебе только ради дочери!»,— но сдержался. Помолчав, коротко проговорил тоном, не терпящим возражения:

— Придут свататься — будьте готовы!

Лобар, которую так и подмывало возразить, все же прикусила язык.

Гульназ слышала весь разговор. Последние слова Дадавай-ака взволновали ее: отец согласен! В том, что Юлдаш женится на ней, Гульназ давно не сомневалась. И все же письмо Юлдаша с официальным предложением было для нее как-то неожиданно.

Радостно ей. Гульназ думает, как они устроят с Юлдашем свою жизнь. Только одно печалит. Жаль оставлять отца наедине с Лобар. Та приберет его к рукам. Добрый Дадавай-ака сам того не заметит. Проведет его хитрая Лобар...

Гульназ расстроилась. Взять бы сейчас письмо Юлдаша, перечитать — облегчить душу. Но лучше подождать, пока все заснут.

А во дворе не унимается Лобар: ворчит о том, сколько свалится на нее хлопот после сватовства, о том, что надо готовиться к свадьбе, а в доме ничегошеньки нет.

— А что есть у Ойнисы?— язвит она.— Дворик с куриную клетку да одна зарплата. Дети ее только закончили учебу, ничего нажить не успели. На что свадьбу справлять собираются?

— Вы думаете, о чем говорите?— Дадавай-ака опять раздражается.— Муж Ойнисы, покойный Таштемир, мой лучший друг был. Вместе росли. Вместе воевали. Его дети — мои дети. Ойниса мне как родная сестра. Не смейте плохо говорить о них!

Выведенный из себя, Дадавай-ака закашлялся, резко поднялся с супы, хотел уйти, но пошатнулся — нехорошо ему стало, чуть не упал. Лобар не двинулась с места. Видевшая все это Гульназ поспешила к отцу. Усадила его, дала чая.

— Спасибо, доченька,— отдышавшись, сказал Дадавай-ака.— Ложись, отдыхай. Я выйду на берег, подышу.

Гульназ проводила отца до калитки. На душе было тошно. Она знала — сейчас Лобар начнет срывать зло на ней. Но мачеха вдруг разрыдалась...

Это тоже было не ново. Лобар то распалаясь, то остывала, то метала громы и молнии, то прикидывалась овечкой. Скандалы сменялись то ласками, то слезами.

Отец после подобных размолвок обычно уходил из дому, чтобы успокоиться. А притворщица Лобар запиралась в своей комнате, будто переживала, на самом же деле готовилась к завтрашней торговле: пересчитывала и укладывала яйца.

Гульназ старалась не вмешиваться в распри отца и мачехи. Она и сегодня ушла бы к себе, но причиной раздора на сей раз была она, ее будущее, поэтому девушка не уходила.

Лобар неутешно плакала. Голубой шелковый платок слетел с ее головы. Полные плечи, обтянутые атласным платьем, вздрагивали.

— Успокойтесь, тетя,— попросила Гульназ.— Если я виновата, простите.

Лобар, прервав плач, краем глаза глянула на Гульназ.

— Твой отец во всем виноват,— сказала она, про-

должая всхлипывать,—рубит с плеча, не считаясь с возможностями. Свадьба разве легкое дело?

Гульназ с состраданием подумала об отце: с какой криводушной, изолгавшейся женщиной приходится ему жить! Не свадебные заботы пугают Лобар. Жадность ее терзает!

— Да, трудно вам, тетушка,— сказала Гульназ, буд-то сочувствуя.— Нелегко достаются вам деньги. Но запомните мои слова: ни деньги ваши, ни добро мне не нужны.

— Ах вот как!— с ехидной улыбкой сказала мачеха.— Хитрая, значит! И много у тебя припрятано денег?

— Целое богатство,— спокойно ответила Гульназ, всем видом своим показывая полную независимость от этой женщины.— Мое богатство — это мой папа, которого я ценю выше всего, и еще — мои знания, моя профессия. Когда я говорила о деньгах, вы, конечно, забеспокоились о своих червонцах. Не волнуйтесь, я их не возьму. Если вы даже умолять будете.

— Скажите, пожалуйста, моя дочь брезгует деньгами! Пусть по ним мыши бегают,— саркастически воскликнула Лобар. Но увидев, что Гульназ направилась к дому, Лобар окликнула ее:— Эй, подожди-ка. Может быть, прочтешь мне письмо Юлдаша?

— А вы его раньше меня прочитали,— прямо сказала Гульназ.— О сватовстве не беспокойтесь. Папа сам все уладит.

Гульназ ушла к себе.

Лобар убрала со стола. Остаток шавли, из-за которой начался весь этот скандал, приберегла на завтра, унесла самовар, погасила над супой свет.

В своей комнате она легла на ватное одеяло возле окна и долго думала. Смотрины, помолвка, свадьба — все это представлялось ей только бесконечными расходами. А потом еще приданое: бархатные подстилки, шелковые одеяла, пуховые подушки, платья. Правда, все это есть — припрятано в нишах и сундуке. Но жалко, ох как жалко отдавать!

Со стороны Кичкирика налетел свежий ветерок, принес с собой запах цветущей где-то неподалеку джиды и нежный аромат райхана. Но Лобар не ощущала прохлады. Ей было тяжело и тревожно. Даже украшения, что были на ней, казались тяжестью. Лобар сняла оже-

релье с массивной шеи, перстни с толстых пальцев, вынула серьги из ушей. Осторожно завернула все это в платок и положила в шкатулку, стоящую в нише. Вдруг ее обуял страх: мужа в доме нет, Гульназ закрылась в своей комнате,— самый удобный момент для вора. Лобар переложила свои драгоценности из шкатулки под подушку. Так-то надежнее! Гульназ в это время, занавесив окно плотной шторой, перечитывала письмо Юлдаша.

«Милая Гульназ, звездочка моя, очень тоскую!

Вот уже шесть месяцев, каждый день, каждый час, каждое мгновение думаю о тебе. Нещадно палит солнце, раскаленный песок обжигает ноги через подошвы сапог, потрескались от зноя губы. Но жар солнца слабее жара в моей груди. Прежде я только читал о муках разлуки. Теперь познал их сам. Если бы не надежда видеть тебя, это было бы просто невыносимо.

Моя любимая, моя дорогая Гульназ! Работа у нас близится к концу. Мы нашли то, что искали. Надеемся, что сокровища эти принесут много пользы Родине.

Сегодня, наконец, пришел приказ о возвращении. На днях тронемся в обратный путь. Приеду к концу твоих экзаменов. Твой диплом отметим как следует.

Обязательно покатаю тебя на самолете. В аэроклубе друзья меня, надеюсь, не забыли. Пролетим над твоим институтом, бросим на него сверху букет цветов. И над Кичкириком летаем и над нашей махаллей, над твоим домом. Хорошо?

Я немного виноват перед тобой, дорогая. Но ты ведь простишь меня? Не спросив твоего разрешения, я написал маме, чтобы она пошла в ваш дом со сватами. Судьба давно уже решила вопрос о нашем будущем.

Помнишь, поэт Бобир Мирзо сказал: «Если страдающий от любви все же свидится с любимой, то даже столетняя разлука мгновенно забудется...»

Гульназ моя! Неужели я тебя скоро увижу? Обойдем все наши любимые места.

Твой жаждущий встречи Юлдаш. 18 июня 1941 г. Кызылкумы».

Для Гульназ каждое слово в этом письме было дорого и полно огромного смысла. «Обойдем любимые места...» Их много, этих заветных, только им одним ведомых

мест! Тихие луга на берегу Кичкирика, цветущие сады и безлюдные луга, где так широко и просторно. Они приходили сюда однажды весной, на рассвете. В ярко-зеленой траве, еще не опаленной солнцем, Юлдаш находил фиалки с блестящими капельками росы. Он вплетал эти маленькие голубые цветы в косички Гульназ. Потом они шли дальше, через железнодорожное полотно, пахнущее смолистыми шпалами, и поднимались на усыянные тюльпанами холмы. Вокруг была тишина. Где-то высоко заливались жаворонки. И пестрый удод, вообразивший себя павлином, распутив хвост и крылья, щеголял под яркими лучами солнца.

В то утро Юлдаш говорил о небе. Он был геологом, но высь постоянно манила его. Поступив в аэроклуб, он научился летать и теперь обещал Гульназ поднять ее в небо.

Юлдаш не забыл про свое обещание,— сам напоминал о нем в письме.

В институте, где учится Гульназ, парней много. Но ни один не похож на Юлдаша. Может быть, ей это только кажется? Нет, ни в одном не видит она такой целеустремленности, такой жадности к жизни. И смелый он, и душа у него большая, открытая, и... красивый. Ну как не влюбиться в такого!

В прошлом году весенним вечером, когда они утомленные возвращались с предгорий с букетами тюльпанов, Юлдаш вдруг остановился у реки, под деревом светлолистой джиды. Тогда он впервые заговорил о любви. Прежде Юлдаш на такое не отваживался. А тут вдруг пристально посмотрел на Гульназ и сказал:

— Человек живет один раз, поэтому если он полюбил, го должен навсегда быть вместе с любимой...

В тот вечер они поклялись вечно любить друг друга и навсегда соединить свои жизни.

...Гульназ забыла о лежавшем перед ней письме—далеко унесли ее приятные воспоминания.

Тихо постучали в окно.

— Доченька, ты еще не спишь?

— Папочка... заходи.

— Ложись, моя милая доченька... Пока я жив, ничего не бойся. Бог даст...

— Спасибо, папочка!— торопливо сказала Гульназ. Она поняла, что он имеет в виду, смутилась.

— Красивую свадьбу сделаем!

Отец больше ничего не сказал. Затихли его шаги. Гульназ погасила свет, но еще долго не могла унять своего волнения.

Глава третья

СВАТЫ

Арба, прогромыхав по мосту через Анхор, миновала махаллю Кутарма и выехала на Хадру. Здесь Абдулладжан повернул на Иски-Джува. Миновали улицу, мощенную булыжником, проехали мимо кладбища и направились к Кичкирику. Навстречу распахнулись зеленые луга. Воздух был чистый, тянуло запахом трав и цветов, дышалось легко. И небо казалось тут более просторным и голубее, чем в городе.

Доехали до арыка, весело катившего светлую воду по улице, состоящей, казалось, из одних садов. Ойниса спросила Абдулладжана:

— Ты дом Дадавая-ака знаешь?

— Как же! Каждый год ему уголек вожу на зиму.— Абдулладжан указал плеткой в один из дворов справа от дороги.— Вон та крыша со стогом сена... Давайте отряхнем пыль.

Он легко спрыгнул с седла, обошел арбу. Подставил стульчик, помог женщинам слезть на землю. Все отряхнулись. Умылись прохладной арычной водой. Запаренный Абдулладжан выпил несколько пригоршней.

— Что же ты раньше не говорил, что знаешь Дадавая-ака?— упрекнула Кумри сына.

— Так вы же не спрашивали.

Толстая Назик подтолкнула сидевшую рядом Кумри:

— Сыночек весь в отца. Из Салима-ака тоже слова не вытянешь.

Грубоватые шутки Назик не раз уже смущали женщин. Опять выручила Ойниса. Чтобы сгладить неловкость, она заговорила о семье, к которой они приехали:

— Дадавай-ака близкий друг нашего Таштемира. Они росли вместе. Когда произошла революция в Ташкенте и Таштемир организовал отряд, первыми в него записались Дадавай-ака и Алиджан-ака. Четыре года

вместе служили. Хлеб, соль — все общее было. Хорошо помню то время, хоть двадцать лет прошло. Возвращались они после боев с басмачами усталые. Отдыхали в Фарабинском саду, рядом с нашим домом. Таштемир играл на тамбуре, Алиджан-ака на дутаре, а Дадавай-ака — на флейте. Пели иногда... Я, бывало, возьму детей — Юлдаш уже ходил, а Эргаш на руках был, — потихоньку подойду и слушаю. Хорошо у них получалось. Да вы, наверное, помните, Кумрихон, мы же их иногда вместе слушали.

— Помню, — задумчиво сказала Кумри. Она поймала яблоко, плившее по арыку, полюбовалась бело-розовым плодом и, вздохнув, сказала:

— Неужели двадцать лет прошло, дорогая?

— Да...

— Стареем, бабоньки, — сказала Анна Николаевна. — Младенцы женихами стали. Юлдаша уже сватаем!

— Ну, не вам говорить о старости! — Кумри откровенно любовалась гладким, без морщин, лицом Анны Николаевны. — Вы сейчас в самом соку. Только расцветаете.

— Однако нам пора, — напомнила Ойниса. — Пойдемте. — И, обращаясь к Абдулладжану, спросила: — Ты знаешь дом дедушки Кулдаша?

— Знаю.

— Поезжай туда и жди нас. Мы пойдем дальше пешком.

— Подождите, дорогуша, что вы делаете! — остановила ее Назик. — Давайте подведем на арбе, так будет солидней.

— Солидность — в человеке. Если ее нет, ни арба ни автомобиль не помогут, — весело откликнулась Ойниса. — Поезжай, Абдулладжан.

Свахи подняли лепешки-патыры, завернутые в скатерть-дастархан, и степенно двинулись в сторону дома Дадавая-ака.

Кумри шепнула Ойнисе:

— Вы знаете теперешнюю жену Дадавая-ака?

— Не-ет, — нетвердо ответила Ойниса, вспомнив предостережение сына.

— Я ее знаю! — воскликнула Назик, услышавшая разговор. — Лобархон — милейшая женщина. Красави-

ца. Прелесть. Дадавай-ака не надышится на нее. Она лишь бровью поведет, он уж тут как тут.

После такого описания Лобар совет Юлдаша быть с этой женщиной настороже показался Ойнисе еще более ценным. «Не зря он тревожится,— подумала она.— Ох, лишь бы все хорошо кончилось!»

Анна Николаевна, заметив тревогу на лице Ойнисы, утешила:

— Главное, чтобы молодые любили друг друга. Родителям остается только пожелать им счастья.

— Очень правильно вы сказали!— согласилась Кумри.

— Однако тот, у кого дочь,— хозяин положения! Сватать-то идем мы. А он может и заупрямиться,— громко возразила Назик.— Вырастить дочь не так-то просто...

— Потому мы вас и пригласили с собой,— сказала Кумри.— Мы не уговорим — вам придется выручать.

— Уломаю!— уверила Назик.— И на свадьбе пригляжу. И на ночь неподалеку от новобрачных останусь. Никуда она не денется!

Они вошли в тень огромного дерева, которое росло у дома Дадавая-ака. Раскидистые ветви были усыпаны крупными, словно коконы, ягодами тутовника.

— А будущая невестка, видать, чистюля,— с улыбкой сказала Кумри, показывая на выметенную площадку около ворот.— Посмотрите, блестит все кругом.

— Как же!— заспорила Назик.— Будут тебе нынешние девушки подметать.— Обнажив пухлые белые руки, будто хвалясь ими, она срывала ягоды и бросала себе в рот.— Это Лобархон потрудилась.

— Что это вы взялись хулить невестку!— одернула подругу Кумри.

Назик не ответила, продолжая уплетать ягоды.

Разговор, должно быть, услышали во дворе. Послышались голоса, шаги. Ойниса, подойдя к калитке, хотела постучать, но в этот момент она открылась и на пороге появился сам Дадавай-ака. Он был одет подомашнему: простые брюки, рубашка, легкие сандалии на ногах, зеленая тибетейка на голове.

— Вот неожиданность, Ойниса-бану! Ассалям алейкум!— засуетился он.— Прошу вас, проходите, пожалуйста!

Свахи, церемонно уступая друг другу право войти

первой, зашли во двор. Дадавай-ака повел их мимо цветника к супе, устланной новыми одеялами.

— Давненько вы у нас не бывали, Ойниса-бану,—учтиво говорил Дадавай-ака.— Как хорошо, что собрались наконец.

— Как у вас хорошо! Какой великолепный двор!—восхищалась Ойниса, разглядывая яркие цветы и вдыхая сладкий аромат райхана.— А где Лобархон? Она дома?

— Придет.— Дадавай-ака почему-то опустил глаза.— Скоро придет. А Гульназ дома. Эй, доченька, посмотри, кто пришел! Беги быстрее, твоя тетя Ойниса пришла!

На веранду вышла Гульназ, высокая и стройная. Волосы ее, заплетенные в мелкие косички, были подняты и уложены на голове короной. Густые черные брови вразлет четко выделялись на ее удлинненном чистом лице. Она была хороша той девичьей свежестью, которую обычно сравнивают с ранним утром. Только глаза были слегка припухшие, и веки покраснели.

Ойниса, не ожидая, когда девушка подойдет, сама пошла ей навстречу. Гульназ поклонилась ей. Ойниса же обняла ее, прижала к груди, поцеловала в лоб.

— Здравствуй, моя прелесть. Рада тебя видеть. Ну до чего же ты хороша!— сказала она прерывающимся от волнения голосом. И, заглянув в глаза девушки, нежно прибавила:— Ну дай, дай посмотрю в твои яркие звездочки.

Анна Николаевна тоже обняла Гульназ.

— Как прелестна, как очаровательна молодость!— воскликнула она, целуя девушку в щеки.— Ну как поживаешь, доченька? Экзамены не замучили?

Гульназ, хоть и много слышала от Юлдаша об Анне Николаевне, все же была поражена тем, как свободно она говорит по-узбекски: ясно, сочно копируя произносимые слова. Гульназ невольно залюбовалась этой статной русской красавицей с пышной огненно-рыжей прической, подчеркивающей белизну ее лица. Девушка сразу почувствовала, что эта женщина всегда искренна, такая не может кривить душой. И чувствуя еще большую любовь и доброжелательность Ойнисы, Гульназ подумала: «Наверное, и моя мама была такая же отзывчивая и добрая».

Девушка поклонилась и Кумри, и Назик. Те тоже, как требует обычай, обняли ее и, похлопывая по плечу, сказали:

— Здравствуйте. Как поживаете, как дела? Все ли у вас благополучно?

Дадавай-ака пригласил гостей на супу:

— Прошу вас, гости дорогие, усаживайтесь поудобнее.

Женщины опять начали предлагать друг другу: «Прошу вас», «Нет, вы, пожалуйста». Назик, махнув рукой на этот своеобразный ритуал народного этикета, первой бесцеремонно забралась на супу:

— Вот я и вошла.

Когда гости расселись вокруг столика, Дадавай-ака, как и полагалось хозяину, пристроился с краю. Он поднял сложенные ладони и произнес:

— Ну, дай бог вам здоровья, благополучия и исполнения желаний!

Гульназ расстелила дастархан.

Ойниса представила хозяевам своих спутниц:

— Вот их зовут Аня-хон. Они директор швейной фабрики «Красная заря», жена Андрея Григорьевича Попова. Того самого, который служил в вашем отряде, Дадавай-ака...

— Ну как же, как же! Очень хорошо помню Андрея-ака, — оживился хозяин. — И Туркфронт, и Фергану, и Ашхабад — все помню.

Ойниса так же коротко рассказала о Кумри и Назик.

Назик считала, что она при сватовстве будет играть первую роль, и с гордостью думала: «Покажу я им, что значит сваха! Убедятся — без меня ничего не получилось бы!» Но увидев, что Ойниса и Дадавай-ака очень старые знакомые, Назик поняла: напрасно она пришла, нечего ей здесь делать. Она сразу потеряла интерес ко всему происходящему, раскисла, как подмоченная лепешка. Чтобы хоть чем-то утешиться, Назик придиричиво наблюдала за невестой: как ходит, как подает, как села, как встала.

Гульназ накрывала стол, она принесла лепешки, подала фрукты. Все ставила и ставила перед гостями разложенные по блюдецкам и вазочкам фисташки, кишмиш, миндаль, домашние конфеты — кандолат, варенье раз-

ных сортов, душистый свежий мед. Затем принесла фыркающий самовар. Заварила чай. Разлила его в пиалки. Первую, как требует обычай, подала старшему из присутствующих — Дадавай-ака. Другую — Ойнисе-апа. Последующие — в том порядке, в каком Ойниса представляла своих спутниц. Гульназ едва заметно кивнула отцу — надо, мол, разломить лепешки.

Когда стол был готов, Гульназ, удивив своей скромностью следившую за ней Назик, ушла в сад.

А Назик еще больше выходила из себя: «Везет же людям — и девка хороша, и дом — райский уголок, весь в цветах и винограднике. Живут, наверное, как голуби воркуют, не то, что я, несчастная жена арбакеша-угольщика».

— Дадавай-ака,— сказала Анна Николаевна,— вот вы напомнили о временах, когда пропадали с нашими мужьями в походах. Мы, бедняжки, тогда жили в постоянной тревоге. Да и голодно было. Но не напрасно мы тогда страдали! Зато теперь жизнь хороша. Все наладилось. Дети выросли. Да такие стали—любо посмотреть! Вот хотя бы Юлдашбай — в двадцать два года — и геолог, и летчик! А Гульназ ваша? Врач! Разве до революции была хоть одна узбечка доктором?

— Правда, сестра, правда,— мягко сказал Дадавай-ака.

Гульназ тем временем нарвала в саду яблок и спелого винограда, принесла и подала отцу благоухающую корзину. Дадавай-ака разложил на столе янтарные плотные гроздьи и краснобокие яблоки.

— Кушайте на здоровье!

Гульназ хотела уйти от стола, но Анна Николаевна взяла ее за руку.

— Сиди с нами, дочка, тут все свои.

— Иди ко мне, милая,— Ойниса показала место рядом с собой.

Но Гульназ опустилась на кушетку только после слов Дадавай-ака.

— Садись, доченька.

— Мы были подругами с твоей мамой Азизахон. Душевная она была женщина, веселая, жизнерадостная. Всюду была желанной гостьей. Все ее любили.

— И мужественная была,— добавила Анна Николаевна.— Помню, в двадцать пятом году в парке «Ро-

хат» женщины сбрасывали паранджу. Азизахон тоже сняла и бросила ее в огонь со словами: «Будь ты проклята!» Я сама это видела. А ты тогда еще малышка была, годика три — не больше. Все за мамин подол от огня пряталась...

У Дадавай-ака влажно блеснули глаза:

— Уж что верно, то верно,— редкостная была женщина. Жаль, рано ушла от нас...

После этих слов наступило молчание. И Ойниса, и Анна Николаевна, и Кумри думали о прошлом. Назик была моложе их, ей не пришлось носить паранджу. Но у нее в сундуке хранилась богатая бархатная паранджа. Надевала она ее просто так — прихвастнуть, порисоваться перед друзьями на больших праздниках.

А Дадавай-ака в эти минуты вспоминал тот страшный день. Он возвращался с работы и еще на улице услышал стоны жены. Стремительно вбежал в дом, увидел Азизу, которая в муках извивалась на супе. Он завернул ее в одеяло и, прижимая к груди, побежал в больницу. Три дня страдала Азиза...

— Была бы жива Азизахон, какую бы она устроила свадьбу! — сказала Ойниса.

Анна Николаевна и Кумри вздохнули. Дадавай-ака низко опустил голову. Гульназ приникла к плечу Ойнисы. Только Назик, никогда не выдавшая такого странного сватовства, думала: «Ну и ну! Никаких намеков, никаких хитрых вопросов — напрямую говорят о свадьбе, будто давно все уже решено. Удивительно! О Лобархон, вырастившей невесту, даже и не вспомнили!»

Стукнула калитка, с улицы вошла Лобархон. «Легка на помине», — подумала Назик.

Небольшого роста, коренастая и сильная, Лобар была обвешана базарными принадлежностями: через плечо коромысло с ведром и бидоном, на согнутой руке — корзина из-под яиц. Одета она была просто: ситцевое платье с засученными рукавами, длинные шальвары, схваченные на щиколотках резинками. Лобар, видно, прошла немалый путь: кауши на ногах пыльные, лицо от жары и ходьбы покраснелось.

Гульназ, увидев мачеху при полных ее базарных доспехах, застеснялась, опустила глаза. Дадавай-ака только крякнул. А сама Лобар без всякого смущения

опустила коромысло, поставила кошелку и, направившись прямо к гостям, сказала:

— А, свахи пришли!

Назик первой спустилась с супы ей навстречу. Обнялись. Встали и другие женщины. Гульназ, воспользовавшись моментом, ушла на кухню.

Ойниса и Анна Николаевна поздоровались с Лобар как полагалось: обнявшись, похлопывали друг друга по плечам и спрашивали: «Как ваше здоровье? Как дела?» Вопросы оставались без ответа.

Таков был короткий ритуал приветствия.

Поднявшись на супу, Лобар села рядом с Назик и, вступив в роль хозяйки, молвила:

— Добро пожаловать.

Некоторое время все молчали, не зная, о чем говорить. Выручила Назик:

— Что это вы, подруженька, в такую жару на базар ходите? Измучились, наверное. Мы вас уже давненько ждем.— Назик кивнула на узел с лепешками, как бы намекая на цель прихода.— Патыр хотим разломить в вашем доме.

— Разломить патыр никогда не поздно.— Лобар помахала руками возле своего потного лица.— Устала, дорога длинная. Пойду умоюсь.

— Идите, милая,— ответила за всех Назик,— отдышитесь немного.

Дадавай-ака, как только отошла жена, предложил:

— Пока Лобархон придет, не желаете ли пройтись по саду? Доченька,— позвал он Гульназ,— покажи гостям наш сад. Пловом займется теперь Лобархон.

Сад был хороший, ухоженный, занимал с полгектара. Одну часть его покрывали тенистые шатры виноградника, другую — фруктовые деревья: яблоки, персики, урюк.

Назик бесцеремонно принялась трясти ветки. Выбирая самые крупные и спелые урючины, она шутила:

— Ешьте, подружки, у невесты фрукты бывают особенно вкусные.

Гульназ краснела, а женщины сдержанно улыбались. Чтобы скрыть смущение, девушка принялась угощать гостей. Самые спелые и яркие плоды она подавала Ойнисе, от которой не отходила.

Когда гости возвратились из сада, Лобар в свежем

платье стояла около супы и что-то громко говорила мужу. Услыхав шаги, Дадавай-ака сказал ей: «Тихо!»— и жена смолкла.

Все снова расположились на супе. Только Гульназ, видя, что мачеха села с гостями, пошла на кухню.

Взглянув на Дадавая-ака и Лобар, Анна Николаевна предложила:

— Ну что же, не пора ли поговорить о деле, которое привело нас в этот дом? Два молодых сердца полюбили друг друга. Мы посланники джигита. Двое влюбленных не только создают прекрасную новую семью, они соединят семьи боевых друзей — Таштемира-ака и Дадавая-ака. А их дети продолжат эту дружбу на долгие годы.

— Очень хорошо вы сказали,— поддержал Дадавай-ака Анну Николаевну.— Для меня это самое желанное. Судя по письму, Юлдаш со дня на день приедет. Гульназ скоро сдаст последний экзамен. Так что, мне кажется, никаких особых препятствий на нашем пути нет.

Лобар настороженно взглянула на мужа:

— В неловкое положение вы нас ставите. Все очень неожиданно. Мы не готовились к свадьбе...

— Дети наши достойны самого роскошного пира,— сказала Ойниса, поняв, на что намекает Лобар.— Но жизнь есть жизнь. Мы можем дать им только то, что у нас есть. Устроим для них веселую скромную свадьбу. Я кое-что накопила, все, что присылал Юлдаш, сберегла.

— Во всяком случае и мы,— не желая ронять свое достоинство, заторопилась Лобар,— и мы все, что положается, сделаем.

— Вот и прекрасно!— решительно взяла инициативу в свои руки Ойниса.— Вам совсем не нужно утруждать себя какими-то особыми заботами.

— Во всяком случае... коль скоро я ей мать...

— Той на словах легок, а как дойдет до дела, хлопот не оберешься,— вставила Назик.

Лобар и Назик явно вели к тому, чтобы подробно оговорить все свадебные заботы и особенно расходы. Поэтому Кумри поспешила отвлечь их и избавить присутствующих от этого не совсем приятного разговора:

— Лобархон, мы все понимаем. Никакой особой щедрости и расточительности не нужно. Свадьба эта по

любви, а не по расчету. И Ойниса-апа никаких претензий насчет приданого не имеет.

— Правильно,— поддержала подругу Ойниса и многозначительно посмотрела на Анну Николаевну.

Попова поняла ее и попросила:

— Кумрихон, подайте, пожалуйста, патыры!

Взяв протянутый узел, Анна Николаевна, не торопясь, придавая своим действиям подобающий в таком случае смысл, стала раскладывать на дастархане сдобные, глянцеvidные патыры. Обращаясь к Дадавай-ака, она степенно попросила:

— Разломите, отец.

Дадавай-ака взял одну лепешку. В наступившем торжественном молчании он поднес хлеб к лицу, приложил его к глазам. Отломив половину, раздал от нее всем присутствующим по кусочку. Другую половину положил перед Ойнисой.

— Это от нас Юлдашбаю!

Дадавай-ака обвел всех неторопливым, полным значения взором. Он был светел и величествен в эту минуту.

Вместе с ними все раскрыли перед собой ладони.

— Аминь!— торжественно молвил Дадавай-ака. Голос его слегка дрогнул, глаза заблестели.— Да исполнятся все лучшие желания наших детей. Да состарятся они вместе. Да будут у них внуки и правнуки. Пусть под сенью их благодатного счастья будет светлой и радостной наша старость.

От проникновенных слов Дадавай-ака лица женщины посветлели, и легко им сделалось на душе.

Обряд был свершен.

Сваты и хозяева обсудили, кого пригласить на свадьбу, что и где купить, где накрывать стол.

Потом гости ели ароматный румяный плов, поданный Гульназ. Пили душистый чай. Еще раз пожелали счастья молодым.

На этом и расстались.

Глава четвертая

В САДУ

Говорят, деда Кулдаша околдовали русалки.

Лет тридцать назад, когда он еще не был старым и работал мирабом на канале Кайковус, недалеко от Таш-

кента, его считали знатоком своего дела, и был он одним из самых уважаемых людей. Нелегко мирабу заслужить такой почет — воды всегда не хватает! Но Кулдаша за умение, честность и справедливость дехкане почитали как достойного человека. К тому же его в пятнадцать лет звали еще Кулдашем-силачом, он часто выходил победителем в состязаниях борцов.

Однажды весенним днем пришла тревожная весть об угрозе наводнения. Кулдаш созвал на хашар¹ всех землепашцев и садоводов, которые трудились на полях между Кайковусом и Кичкириком. По его совету дехкане стали укреплять берега арыков землей и хворостом. Кое-где насыпали валы. Чтоб отвести поток, вырыли арык от Кайковуса до оврагов Тахтапуля.

Вечером, когда все отдыхали, Кулдаш еще раз осмотрел плотину, дамбы, отводы и сам лег спать, постелив чапан под развесистым талом. Но заснуть не мог, тревожно было на душе.

Взошла луна. Ее слабый свет почти не пробивал черноту ночи. Грозно гудела вода, падающая с плотины. Тайнственно ухала сова, поселившаяся где-то в могучих орешниках на холме. В иные ночи Кулдаш не обращал внимания на это уханье, но сейчас оно просто жуть нагоняло.

Мирабу не впервой ночевать у головного арыка. Такая уж у него должность беспокойная. В пору, когда начинается полив и каждая капля драгоценна, люди вообще не знают, когда мираб спит — работает он с рассвета до ночи и с вечера до утра. Частенько в горячую пору возникают между дехканами ссоры из-за воды, и тут мирабу приходится быть миротворцем. Словом, нет ему покоя ни днем ни ночью. А когда нависает угроза наводнения, тут уж и говорить нечего. Не зря говорит пословица: «Огонь — беда, вода — еще страшнее этой беды». Если загодя не принять меры, вода все сметет, все поглотит — и поля, и дома, и людей...

В такую тревожную ночь беспокойные думы одолевают мираба.

Вспомнил он о своих домашних. Жена Рисолат и пятнадцатилетний сын, наверное, думают о нем, тоже не спят, ожидая беду...

¹ Х а ш а р — общественная стройка.

Кулдаш-ата не заметил, как задремал. Очнулся он от озноба и какого-то непонятного страха. Луна висела прямо над головой. Стояла непривычная, жуткая тишина. Ни гула воды, ни уханья совы, ни шелеста ветвей.

Не понимая, что происходит, Кулдаш-ата поднялся, подошел к плотине. И тут перед глазами все поплыло, в ушах зазвенело.

«Боже, что со мной?— произнес растерянно Кулдаш.— Почему я ничего не слышу?»— Он потер уши. Потом, набрав полную грудь воздуха, закричал: «Хо-хо-хо-хо!». Но не услышал своего крика. «Что же это? Неужели я оглох?!»

Дехкане на ближних полях, услышав его крик, подумали, что приближается паводок, повскакивали с постелей, схватились за кетмени. Но обнаружив, что воды не прибавилось, удивленные, пошли к мирабу. А тот ничего объяснить не может. Поняли только, что он заболел.

Кулдаш-ата, придя домой, рассказал о случившемся жене. Посмотрев на позеленевшее, осунувшееся лицо мужа, Рисолат поняла: он простудился. Она уложила его в постель, укутала одеялами, напояла горячим чаем с леденцами. И тут же принялась кипятить ему отвар из трав, помогающих от простуды.

Неделю пила его этим отваром. Полегчало ему. Повеселел Кулдаш-ата. Вернулась к нему сила. Однако слух полностью не возвратился. Голоса людей, звуки различал он неясно. И странно было то, что, когда ему кричали, он вообще ничего не слышал, а когда говорили тихо, кое-что улавливал.

Вот с тех пор и распространился слух, что Кулдаша околдовала русалка.

Прошло тридцать лет.

Абдулладжан, привезший на арбе свах к Дадаваю-ака, как и велела ему Ойниса-апа, подъехал к дому деда Кулдаша. Тот сидел у калитки.

Поздоровавшись с дедом, Абдулладжан, зная, что дед глухой, принялся было кричать ему в ухо. Но старик остановил его.

— Подожди, мои уши тебе не карнай, тише дуй, верблюжонок!

Услышав голоса на улице, вышла бабушка Рисолат. Она посмотрела на парня сквозь очки, закрепленные за ушами тесемками, и, кажется, узнала его.

— Ты сын Кумринисы?— спросила она.

— Да.

Бабка встревожилась:

— Что-нибудь случилось? Тебя кто прислал?

— Тетя Ойниса. Они остались в доме Дадавая-ака. А мне сказали: «Иди к бабушке и жди нас там».

— Очень хорошо, сынок. Заходи.— Затем сказала старику ровным голосом:— Наша Ойниса его прислала. Она приехала к Дадаваю.

Абдулладжан удивился: старик, не услышавший его крика, разбирает негромкие слова.

Абдулладжан выпряг коня, привязал его в тени тутовника и вошел во двор стариков.

Это был небольшой уютный и очень чистенький дворик. На берегу арыка стояло огромное, в обхват, дерево тутовника. Абдулладжан знал этот сорт — на нем с весны и до середины лета сладчайшие белые ягоды. Ветви тутовника закрывали от солнца дом, и веранду, и маленький дворик. Густая крона давала и тень, и прохладу.

Под деревом стояла низкая супа, накрытая разноцветной казахской кошмой, поверх которой были постелены новенькие, недавно простеганные курпачи. Около супы клумба цветов и душистых трав. Чего только здесь нет! От разноцветья рябит в глазах: красные, бордовые, голубые, фиолетовые цветы. Густо, как щавель, разрослась усма, которой женщины красят брови. «Уж не бабушка ли этим красится»,— весело подумал Абдулладжан.

Во дворике никого не было, парень вошел через открытую калитку в сад. Вошел и сразу остановился — дух захватило от аромата тутового варенья — шинни. Аромат шел от казана, вмазанного в очаг. Казан такой большой, что в нем можно готовить плов из нескольких пудов риса, недаром такие казаны называют махаллинскими. У очага священнодействовала бабушка Рисолат. Она то помешивала варенье деревянной ложкой, то снимала пену.

Абдулла подошел ближе и с интересом уставился на янтарное блестящее шинни. Оно тяжело поднималось, мерно хлюпало, пенилось.

Заметив, как заблестели у парня глаза, бабушка налила ему золотистое шинни на блюдце.

— На-ка, лизни.

Абдулла обмакнул палец и обжегся.

— Осторожно, сынок... Может быть, ты есть хочешь? Тогда пойди на веранду, там в нише лепешки лежат.

— Нет,— смущенно сказал Абдулладжан и стал осторожно снимать шинни с краев блюда там, где остыло. Он любил ягоды белого тутовника — бахт-тута. Лакомьясь ими, кидал в рот целые горсти. Мог съесть хоть полведра. Но тутовое шинни было гораздо слаще ягод. Лизнул с пальца несколько раз, и приторно стало.

— Ну, сладко?— спросила бабушка.

— Еще как! Кажется, вы сахара много положили.

— Ни крупинки! Эти ягодки сами истекают медом.

— А зачем вам столько шинни?

— Таким, как ты, лакомкам, милый.

Абдулладжан много слышал об этой доброй бабушке. Хоть и живет она на окраине города, на берегу Кичкирика, слава о ней идет по всему Бешагачу, особенно среди женщин. Лет двадцать-тридцать назад многие из них учились в школе, которую бабушка открыла в своем доме. После революции Рисолат пошла работать в новую — государственную школу. Ойниса в свое время была ее любимой ученицей и даже помощницей. Только недавно бабушка из-за плохого зрения перестала учить детей.

Ученики порой наделяют своих учителей самыми различными прозвищами, даже обидными. И у Рисолат тоже было прозвище, дети ее звали — добрая бабушка. У этого прозвища была своя история.

Старший сын Ойнисы Юлдаш очень любил свою бабушку, с малых лет привязался к ней. Когда он подрос, она научила его читать и писать. В первом классе он оказался более развитым, чем остальные ребята. И если его спрашивали, кто научил его тому или другому, он непременно отвечал: «Добрая бабушка». Так, с легкой руки Юлдаша, все дети стали звать ее между собой доброй бабушкой.

Дед Кулдаш всего на пять лет старше своей жены Рисолат. Но выглядит она куда моложе его. Никто не скажет, что ей семьдесят лет. Среднего роста, худенькая, подвижная, опрятная, она делает все домашние дела быстро и сноровисто, будто в доме молодайка. Она

ни разу ничем не болела. За своим же дедом ухаживает весьма умело, зная все его хвори, исцеляет его, как домашний врач. В ее деревянном сундучке всевозможные травы и снадобья: толченая в ступе корица, александрийский лист, джиджа, медовый отвар, знаменитое мумие и обыкновенный чеснок, поджаренный на сале, и множество других целебных средств. От каких недугов и в какой дозе они помогают, ей известно доподлинно.

Угостив Абдулладжана шинни, бабушка спросила:

— Ну-ка Расскажи, с кем Ойниса-апа пожаловала к Дадаваю?

— С ней приехала моя мама, тетя Назик и... русская апа, которая работает на фабрике вместе с тетей Ойнисой.

— Аня-хон?

— Да, тетя Аня.

— Тетя Ойниса что-нибудь взяла с собой?

— Лепешки-патыры.

— Это дело, — понимающе молвила старушка.

Из-под виноградника, обвинявшего дугообразные подпорки, вышел дед Кулдаш с садовыми ножницами в руках. Он был одет по-домашнему: старая, уже разгладившаяся в швах, тубетейка с маргиланским рисунком, выгоревший верхний халат. Его седая поредевшая борода и густые нависшие брови серебрились на солнце.

— Как мы предполагали, что Ойниса скоро придет к Дадаваю с патырами, так оно и вышло! Подарочек с вас за новую внучку-невестку, — бабка весело взглянула на мужа поверх очков.

— Молодец Юлдаш! — глаза старика озорно блеснули. — А подарок за радостную весть за мной не пропадет! Лишь бы той состоялся!

Дед задорно вскинул руки к бокам, молодецки глянул на свою жену и довольно сказал:

— Ну и молодец наш Юлдаш!

Абдулладжана эта сценка удивила. Старики всегда казались ему людьми, поблекшими от множества жизненных невзгод. В его представлении они являлись только кладезем мудрости. Он уважал стариков, искал в их словах большого смысла. Потому и удивился он задору деда Кулдаша. Но Абдулладжан был бы просто поражен, если б понял значение слов «Молодец наш Юлдаш!» Он воспринял их как обычную похвалу: послал

Юлдаш свою маму Ойнису сватать невесту — вот и молодец. Но для стариков эта фраза содержала чуть ли не целую поэму.

Однажды дед увидел Юлдаша с девушкой на берегу Кичкирика. Юлдаш давненько не заходил к старикам, а тут на тебе, сидит рядом с их садом и рассказывает басни какой-то девочке. Внук то ли не увидел деда, то ли смутился — в общем, он продолжал сидеть, швыряя камушки на дно оврага. Дед подошел с боку и несколько раз стукнул посохом о землю. Тут уж не усидишь, не сделаешь вид, будто не заметил! Юлдаш вскочил, низко поклонился и воскликнул:

— Ой, это вы, дедушка!

Поднялась и девчурка, румянец с щек Юлдаша перекинулся на ее личико. Она тоже почтительно поклонилась.

— Эге, да это же Гульназхон! — сказал дед, узнав дочь Дадавая. — Ну что, поймал-таки вас!

Парень и девушка стояли, опустив глаза.

— Ладно уж, не смущайтесь, пойдете к нам, покажу вас бабке.

И как ни отказывались, как ни упирались они, Кулдаш завел их в свой двор. Подведя к жене, шепнул ей шутливо, как бывшей учительнице:

— Ну-ка, полистай их тетрабочки.

А сам ушел в сад.

Эта выходка старика показалась молодым не очень-то подобающей его возрасту. Но Рисолат не увидела в ней ничего предосудительного. Она хорошо знала своего мужа и поняла его слова так: «Я смутил их немного, успокой их и помоги разобраться в чувствах, мне эта парочка явно нравится».

Бабушка принялась ухаживать за Гульназ. Приговаривая: «Как же ты выросла! Какая миленькая стала!» — усадила ее за стол на веранде. Расстелила дастархан и принялась угощать сдобными лепешками, орехами, курагой, джидой с красной кожицей, сушеным инжиром. Когда же она наполнила кумган, чтобы кипятить чай, Гульназ не выдержала:

— Позвольте мне. А вы отдохните.

И взяв у старухи кумган, направилась к очагу.

Бабушка нежно посмотрела ей вслед и подумала: «Не придется мне долго листать их тетрабочки, тут все

ясно! На листочках написано про любовь, не надо их ворошить!»

Потом они все вместе пили чай. И Гульназ вдруг попросила:

— Бабушка, почитайте нам, пожалуйста, что-нибудь из ваших газелей.

Для Рисолат эта просьба была приятным сюрпризом: она полагала, что молодежь теперь увлекается чем угодно, только не старинными книгами и поэзией. Старуха пристально посмотрела на Гульназ. Длинные ресницы девушки были опущены, белые пальцы теребили бахрому скатерти. «Красива, скромна да к тому же, видать, еще и умница», — ласково подумала Рисолат.

— Ну, пожалуйста, бабушка, — повторила девушка, не поднимая глаз.

— Разве тебе откажешь!

Она принесла из комнаты книгу — рукописный сборник в толстом кожаном переплете. Полистала, остановилась на одной из страниц и тихо молвила:

— Ну, слушайте пятистишия об Увайси-ханум из Маргилана.

Влюбленный в одну с лицом пери, умираю,
Не видя ее лунный лик, от тоски умираю,
В одиночестве без любимой день и ночь умираю,
От разлуки изнемогая и мучаясь, умираю,
Ах, друзья, как увидеть ее, ведь я умираю!

Душу я теперь за тебя отдам, все в тебе сошлось,
Все дерзания, все в тебе сошлось.
Мысль моя и желаний стон, все в тебе сошлось.
Сохрани любовь мою, Увайси, все в тебе сошлось,
Ну, а мне судьба — догорать в любви, умираю я.

Добрая бабушка читала мелодичным распевом, с таким чувством и проникновенностью, что молодые люди живо представили историю прекрасной любви. Да и не так уж трудно было тронуть их стихами. Им казалось, что эти пятистишия об их чувствах, об их любви.

— Спасибо, бабушка дорогая, — растроганно проговорила Гульназ, когда Рисолат закончила чтение. — Вы очень красиво читаете!

— Бабушка, — вдруг спросил Юлдаш, — а вы за деда по любви вышли?

Гульназ с упреком глянула на парня: какой бестактный вопрос! Юлдаш смутился. А бабушка спокойно сказала:

— Давно это было, не тревожь прошлое.

Появился дед Кулдаш. Он нес в поле халата яблоки-скороспелки. Он, видно, слышал вопрос внука. И, увидев к тому же книгу стихов на коленях жены, весело сказал:

— Эй, жена, я велел тебе полистать их тетрадки, а они, кажется, разворошили твою?

Рисолат неторопливо закрыла книгу.

— Эта тетрадь и их тетради — одна и та же тетрадь, почтенный Кулдаш-бобо.

Гульназ с восхищением смотрела на старуху: «В такие годы такой ясный ум!»

Дед взглядом тоже воздал должное своей жене.

— Ну что ж, готовь подарки внучке-невестке. А от меня Юлдашбаю вот этот сад!

— Вот это да! — Рисолат пришла в восторг от щедрости мужа...

Так состоялось первое знакомство стариков с подругой Юлдаша.

А время летит, сегодня уже Ойниса сватать ее пришла! Скоро, наверное, придет сюда.

...Дед Кулдаш поманил пальцем Абдулладжана и спросил, показывая садовые ножницы:

— Чеканить умеешь?

— Немного.

— На, — дед вручил ему ножницы. — Пойдем-ка, верблюжонок, поработаем.

Абдулладжан пошел в сад.

Они шли по длинному коридору виноградника. Абдулладжан поднял руку и не достал до листьев. «Высоко, — подумал он, — пожалуй, на арбе проехать можно».

— Запоздал я нынче с предурожайной чеканкой, — пояснил дед парню, — сил не хватает. Вон с тем виноградником сладил, а как дошел до этого, понял: сам не управлюсь.

Абдулладжан посмотрел вдоль коридора, половину его пробивало солнце. На земле лежали обрезанные ло-

зы с поблекшими листьями. Грозди винограда, еще не янтарные, а матово-зеленые, но уже налитые и тяжелые, свисали по всему коридору. Там, где старик расчистил лозы, грозди были освещены, и можно было уже различить виноград по сортам — где хусайни, где чарас, где тайфи, где нимранг. А на непрореженной еще части виноградника грозди задыхались в густой листве, не пропускавшей солнечных лучей, свежего ветра.

Дед приказал:

— Начинай, верблюжонок!

Но Абдулладжан приступил не сразу. Он осмотрел чеканку, сделанную дедом раньше. Заметив среди срезанных лоз зеленые грозди винограда, с сожалением сказал:

— Пропали бедные.

— Много ты понимаешь, — обиделся дед. — Зато другие кисти будут крупнее и слаще.

Кулдаш показал Абдулладжану что и как делать. Потом понаблюдал за его работой. Парень оказался сноровистый. Он быстро находил пустую лозу и ловко обрезал ножницами все лишнее.

— Молодец, — похвалил дед, — в ученики годишься.

Они работали молча. Абдулладжан — в самом верху, куда деду трудно добраться, Кулдаш — пониже.

Часа через два со стороны двора послышались женские голоса. Дед Кулдаш уловил их и сказал:

— Пришли, кажется. Ты продолжай, да смотри старайся!

А сам, набрав в полу спелых осыпавшихся яблок, направился к гостям.

Женщины, окружив Рисолат, все еще тараторили во дворе. Бабушка отвечала им, находя для каждой из них ласковые слова — она знала и помнила этих женщин девочками.

— Ойнисахон, милая ты моя, поздравляю тебя с невесткой! Уж такую красавицу и умницу тебе бог послал. А ты, Аняхон, ну-ка дай на тебя полюбуюсь, давно не видела, очень рада, что ты здорова и, как всегда, весела. Ой, ты ли это, Кумриниса, лучшая отличница моя. Похорошела! Тьфу, тьфу, не сглазить бы, какие вы все прекрасные. А ты, Назикхон, раздобрела, ну просто булка на сливках.

Растроганные женщины, перебивая друг друга,

спешили сказать доброй бабушке тоже что-нибудь приятное:

— Мы очень соскучились по вас, бабуся.

— Вы хорошо выглядите, пошли вам бог здоровья.

— Позвольте и вас поздравить с прекрасной внучкой невестой!

Наконец Рисолат пригласила гостей на супу. Когда они расселись, дед Кулдаш спросил Ойнису:

— Ну, слажено?

— Договорились, отец,— улыбаясь нетерпеливому любопытству тестя, ответила Ойниса.— Патыр разломили.

— Слава аллаху,— истово произнес дед, молитвенно раскрывая ладони.— Аминь. Пусть Юлдашбаю всегда сопутствует счастье!

Дед, взяв корзину, ушел в сад за фруктами. А женщины опять застрекотали наперебой, превознося будущую невестку:

— Ну что тебе луна, ну просто солнышко,— млея от восторга, говорила Кумри,— будто ее всю жизнь в молоке купали.

— А хозяйка какая, все в ее руках спорится: дом блестит чистотой,— вторила Назик.

— Вот теперь у вас в родне свой врач будет,— говорила Анна Николаевна.

Ойниса сказала коротко:

— Главное, у нее душа хорошая, добрая.

Дед вернулся с корзиной яблок и абрикосов:

— Угощайтесь, сестренки!

Кумри спросила:

— А вам приходилось видеть дочь Дадавая-ака?

— Ну, еще бы!— воскликнул гордо дед Кулдаш.— Пока вы надумали сватать, мы с бабкой их давно уже помолвили.

Женщины дружно расхохотались.

Глава пятая

В О Й Н А

Сегодня воскресенье. Через неделю, в следующий выходной день, свадьба. Все думы, все хлопоты Ойнисы вокруг нее. Той на словах легко. А как до дела доходит, голова кругом идет. То надо купить, это

достать, туда сходить, с тем договориться. Ойниса просто разрывается.

И все же ей радостно. Сына женит! Это придает силы, окрыляет! Не знает покоя счастливая мать. Возвратясь с работы, тут же принимается за свадебные дела: шьет сыну и невестке постельное белье, стегает одеяла, треплет и расчесывает шерсть для курпачей, расшивает узорами наволочки для подушек. Когда спит — неизвестно. Конечно, подруги помогают. Кумри кроит, шьет, гладит. Часто приходит Анна Николаевна, да так вместе с Ойнисой наработается, что здесь же и заночует. Дома ее никто не ждет. Муж, военный, сейчас служит под Москвой.

Анна Николаевна ходила к Дадаваю-ака, сняла с Гульназ мерку для платьев нового фасона, сделала выкройки. Вернувшись к Ойнисе, затарахтела «Зингером». Кумри расспрашивает ее о муже. Попова, не отрываясь от работы, отвечает:

— Андрей Григорьевич всю жизнь военный. А военная жизнь — чемоданная, в постоянных разъездах. Мы всю Среднюю Азию с ним объездили. Он с басмачами воевал вместе с Таштемиром, Дадаваем и Алиджаном. В Испании был добровольцем, с белофиннами дрался. В общем, всю жизнь я его жду, а он воюет. Весь в шрамах и рубцах.

— А сейчас почему вы к нему не едете?— спрашивает Кумри.

— Он скоро вернется. Подал рапорт. Обещали перевести. Привыкли мы к Узбекистану. Андрей написал, что со дня на день ждет разрешения на выезд. Может быть, даже на свадьбу успеет.

— Было бы хорошо, — говорит Ойниса.

— Я ему передала ваше приглашение.— Анна Николаевна продолжает стучать на машинке.

— Приехал бы — сделал для Юлдаша дорогой подарок.— Ойниса вспоминает, как Андрей Григорьевич иногда возился с маленьким Юлдашем, давал ему подержать шашку, показывал маузер. У мальчишки глаза сияли от восторга.

А Кумри думает о своем.

— Неужели опять будет война?— спрашивает она, прижимая к себе сынишку.

— Все может быть,— печально отвечает Анна Нико-

лаевна. — Гитлер захватил почти всю Европу, разве он теперь остановится? Нет, у него разыгрался аппетит, он полезет дальше.

Ойниса тяжело вздыхает.

— Верно говорите. Очень беспокойно на душе. Неужели и детям моим придется пережить то, что перенес их отец?!

— И когда только люди избавятся от этих проклятых войн!— говорит Кумри. Посмотрев на грустное лицо Анны Николаевны, она думает: «Завела я этот разговор и всех расстроила». И чтобы как-то сгладить тяжелое настроение, говорит:— Андрей-ака обязательно придет на свадьбу. Он любит Юлдаша. Если не переведут к тому времени, попросит у начальника отпуск. Я чувствую, непременно он придет!

— Хорошо бы! — произносит Анна Николаевна...

Поздно вечером за Кумри пришел подвыпивший муж, арбакеш Салим. Анна Николаевна ушла с ними вместе.

Ойниса после ухода подруг села за письмо. Юлдашу сообщила, что свадьбу готовят. А Эргашу велела приезжать быстрее; на него, как на брата, больше всех забот ляжет.

Утром, когда Ойниса во дворе взбивала новые подушки, появилась с огромной черной сумкой худая письмонощица Олияхон. Весело и громко поздоровалась:

— Ассалам алейкум! Сегодняшний «Кизил Узбекистон». Поздравляю вас со скорой свадьбой!

— Спасибо, Олияхон! Вы все бегаєте... Как поживаете?

— Живу хорошо! Не забудьте пригласить на свадьбу, Ойниса-апа!

И письмонощица исчезла так же стремительно, как и появилась.

Ойниса подумала: «А ее пригласить нужно обязательно». Эта жизнерадостная девушка всегда была душой компании, ее охотно звали в гости. В атласном платье и яркой тубетейке, она хорошо танцевала, озорно пела частушки-лапар.

Ойниса просмотрела газету. Обычные сообщения: идут ночные поливы хлопчатника, строится канал недалеко от Ташкента, соревнуются на заводах. А из-за рубежа тревожные вести. Оттуда всегда веет тревогой.

Утро было солнечное. Но прохлада еще держалась во дворе под деревьями. Издали доносился мерный шум водопада. Было хорошо и тихо вокруг. Но душу томило какое-то предчувствие.

Ах, если б рядом был Таштемир. Он бы взял на себя свадебные хлопоты. Все шло бы иначе. И не было бы этой непонятной тревоги в сердце.

Ойнисе снова вспомнилось страшное зимнее утро двадцать первого года. Таштемира привезли на арбе. Он потерял много крови. В долгой дороге его натрясло, он лежал без сознания. Его внесли в дом. Он бредил. Губы посинели. Жар все усиливался. Врач из военного госпиталя сокрушенно покачал головой и, не глядя Ойнисе в глаза, вышел. Вышли все, оставив Ойнису наедине с умирающим мужем.

Ойниса смотрела на Таштемира. «Неужели все?» Неужели она видит мужа последние минуты? Вдруг Таштемир открыл глаза. Хотел что-то сказать, но губы только едва покривились. Тогда он взглядом показал на качалку-бешик. Ойниса поняла: он хочет видеть детей. Быстро распеленала Эргаша, позвала ползавшего по ковру Юлдаша. Поднесла мальчиков к мужу. Таштемир слабой рукой прижал к себе сыновей. Держал их у груди, а в глазах была такая горечь, такая тоска от надвигающейся вечной разлуки, что Ойниса не выдержала, затряслась в беззвучных рыданиях. Таштемир тихо прошептал:

— Остаются с тобой...

Он закрыл глаза, какая-то тень легла на его лицо. И Ойниса поняла: все кончено.

Она зарыдала от боли и ужаса. Выбежала во двор. А двор уже был полон. Собрались родственники, друзья. Пришла, наверное, вся махалля. Анна Николаевна и Кумри взяли у нее испуганных детей.

«Милые, добрые подруги, сколько пережили мы вместе», — подумала Ойниса. Они всегда ее поддерживали. Помогали растить детей.

Ойниса беретла детей как зеницу ока. В них продолжал жить Таштемир. В каждой черте лица, в изломе бровей, глазах, в стати, в порывистых движениях, во всех проявлениях характера сыновья повторяли своего отца. Он жил в них, а они росли из него, давшего им жизнь...

Да, много было горя в прошлом. Но вот, наконец,

пришла и радость. Свадьба. Счастье... Только почему так беспокойно на душе?

Ойниса хотела заглушить тревогу работой. Перебрала в шкафу платья, нашитые для невестки, переложила в нише новые одеяла и курпачи. Собрала лоскутья, оставшиеся от шитья Анны Николаевны и Кумри. Подмела, прибрала. «Может быть, сегодня приедет муж Анны Николаевны. Надо испечь для него самсу и патыр». Расстелив клеенку, принялась за тесто. Заскучав от тишины и одиночества, включила радио. Знакомый, но сегодня какой-то необычный голос диктора с леденящей строгостью произнес:

— Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!..

Сердце Ойнисы замерло. Холодея, она прислонилась к столбу веранды. «Война!!!» Диктор еще ничего не сказал. А в сознании пульсировало и билось только одно грозное и страшное слово: «Война! Война! Война!»

Потом радио говорило о нарушении договора, о вероломном нападении фашистской Германии, о том, что война будет большая и жестокая.

Ойниса слушала, а в голове метались новые беспокойные мысли. Это уже была не прежняя непонятная тревога, а ясное, огромное, заслонившее все ощущение беды. «Где сейчас Эргаш и Юлдашбай? Слышат ли они это сообщение? Юлдаш в пустыне, но у них есть радио. Значит, они уже знают. А если знают, стало быть, немедленно отправятся в военкомат. О боже! Их ведь могут сразу отправить на фронт! Неужели я их даже не увижу?»

А из репродуктора уже неслись военные марши. И вдруг музыка прерывалась, и диктор грозно бросал тяжелые, как слитки металла, слова:

— Говорит Москва!..

Он повторял одно и то же, каждый раз заканчивая:

— Наше дело правое, победа будет за нами!

Но все, что он говорил, сливалось в сердце Ойнисы только в одно слово: война! Та самая война, которая отняла у нее любовь, мужа, счастье.

Дом вдруг показался Ойнисе холодным и жутким, как в тот морозный день, когда здесь умирал Таштемир. Она выбежала на улицу.

Около чайханы под карагачами было необычнолюдно. На деревянных нарах, покрытых паласами, сидели

мужчины. Неподалеку собрались женщины с детьми, они гомонили тревожно. Но как только начинало говорить радио, все затихали, ждали: не скажут ли чего нового?

Кумри первой увидела Ойнису. Она поспешила ей навстречу.

— Несчастье-то какое! Что теперь делать будем?— Она ткнулась в плечо Ойнисы и тихо заплакала.

— Успокойся, Кумри, милая! — Ойниса погладила подругу по вздрагивающей спине.— Беда свалилась на всех. Все вместе и осилим ее. Не плачь...

Женщины окружили Ойнису, спрашивали:

— Мужья наши скоро уйдут на фронт?

— Сыновей тоже брать будут?

— А Гитлер Ташкент бомбить будет?

— Что делать?

«Что делать?» Этот вопрос теперь стоял перед каждым. Что делать — Ойниса еще сама не знала, а у нее просили совета другие. Женщины глядели на нее беспокойно, растерянно и ждали. Они были уверены, жена красного командира, работающая на фабрике в новом городе, должна знать больше других. Она все объяснит, успокоит, посоветует.

Ойниса думала: «Бедные, бедные — горе только начинается. Сколько непоправимых утрат впереди! Война, как пожар, закружит по вашим домам, перекидываясь с крыши на крышу. Кто же знает, что теперь делать?»

С грустью оглядев окружающих, Ойниса сказала:

— Я такая же, как вы. Знаю столько же, сколько каждая... Трудно придется нам, сестры... Эта война будет тяжелая. Мужчины, конечно, уйдут на фронт. И мужья, и сыновья уйдут... Это неизбежно. Если они не пойдут на войну, кто будет защищать нас с вами, наших детей?.. Им надо идти...

— Нет!— вдруг взвизгнула Назик.— Я своего мужа не пушу! Ни за что ни пушу!

Это было смешно. Но никто не улыбнулся.

— Беда огромная,— тихо продолжала Ойниса.— Но мы должны ее пересилить. Надо идти по домам, сестры. Чего мы здесь будем толпиться понапрасну? Готовьте своих мужчин в дорогу. Слушайте радио, может, что новое сообщат.

Женщины стали расходиться. Кумри, отправив детей домой, пошла к Ойнисе. Сидя на веранде, они некоторое время помолчали.

— Тесто поставила?— спросила вдруг Кумри, увидев эмалированный таз и муку, рассыпанную подле него.

— Да.— Ойниса вспомнила о тесте, но не двинулась с места.

— Война затмила все,— сказала Кумри.— Давай помогу.

Она развернула скатерть, укрывавшую тесто.

— Что ты хотела печь?

— Да вот самсы и патыры думала сделать... к приезду Андрея Григорьевича.

— Тогда я мясо нарежу. Хоть и война, печь-то все равно надо.

Они занялись будничным женским делом: одна месила и раскатывала тесто, другая лепила самсу. Работали молча, каждая думала о своем. Только изредка вздыхали.

Их занятие прервала вбежавшая Анна Николаевна. Несмотря на жару и быструю ходьбу, лицо ее было бледно. Веки покраснели. Видно, плакала.

— Вы, конечно, уже все знаете.— Протянув телеграмму, добавила:— А вот еще, почитайте. Андрей с дороги повернул назад. С дороги! Даже на денек попрощаться не приехал...

Анна Николаевна всхлипнула. Ойниса усадила ее, подала пиалу с чаем.

— Значит, так нужно было, Аняхон, Андрею-ака виднее,— успокаивала Ойниса.

— Фашисты проклятые,— сказала Кумри, с силой тиская тесто,— всю жизнь перевернули.

— А мы для Андрея-ака печь затеяли.— Ойниса кивнула на белые, еще не посаженные в тандыр самсы, лепешки.

— Спасибо, милая.

— Андрей-ака — большой командир, он не мог поступить иначе, успокойтесь.

— Я все понимаю. Но хоть бы на один день! Всего несколько сот километров не доехал до дома, разве не обидно? Конечно, я рассуждаю, как баба. Да я и есть баба... Люди уже бьются на фронте, многие ранены, убиты, у каждого из них тоже есть мать, жена, дети. Они уж ни-

когда не увидятся. Конечно, Андрей не мог не вернуться. Но мне-то от этого не легче...— Анна Николаевна вдруг вскинула голову, расправила плечи, сурово сказала себе:— Раскисла!— И, взяв себя в руки, деловито спросила:— Как же теперь со свадьбой-то? Будем делать?

— Голова идет кругом. Не знаю, как быть. Приедет Юлдаш, посоветуемся,— нерешительно сказала Ойниса.— Какое сейчас веселье?

— В таком деле самый лучший советчик — жизнь,— сказала Анна Николаевна.— Война, как бы ужасна ни была, жизни остановить не может. Вспомните, Ойнисахон, мы-то с вами разве не в такие годы выходили замуж? Без звуков карнаев, без плова на всю махаллю. Революция, нужда, разруха... Мужья наши сразу после свадьбы в бой уходили. А счастье наше, любовь наша разве стали от этого меньше? По-моему, свадьбу надо справлять. Назло врагу, на радость всем нам.

— Правильно вы говорите,— поддержала Кумри.

— О! Если бы так!— Ойниса вздохнула, с благодарностью глядя на подруг.

— Ну, мне надо на фабрику,— сказала Анна Николаевна.— Хоть и выходной сегодня, народ после такого известия все равно собрался.

— Сейчас самсы будут готовы. Для вас пекли, Аняджан.

— Не могу. Мне надо быть на фабрике. Парочку самсы, Ойниса, принеси завтра на работу.

Подруги проводили Анну Николаевну до калитки.

Как только испеклись патыры и самса, Кумри, прихватив угощение для детей, поспешила домой.

Ойниса осталась одна. Хотела взяться за домашние дела, но руки опускались. Даже лампу не зажгла. Села на супе, бездумно смотрела, как догорает вечерняя заря, как сгущаются сумерки.

Во дворе под деревьями стало почти темно. В темно-голубом небе блеснули первые звездочки. Луна уже поднималась, и отблеск ее уже посеребрил верхушку яблони. Духота спадала, от Анхора тянуло прохладой.

Мысли Ойнисы текли нестройно. «Жизнь... Как коротки ее радости, как часты страдания. Переживешь одно горе, а другое уже катит на тебя. Таштемир правильно говорил: «Мы выбрали трудный путь. До счастья дотянет тот, у кого хватит мужества и сил на борьбу».

Борьба. Как будто все эти годы я была дома, а ведь не миновали меня ни тревоги, ни печали народа. А теперь вот война ворвалась и все перевернула. И сыновья будут ныне жить только этой войной...»

Звякнуло кольцо у калитки.

«Неужели Юлдаш? Если он, почему не входит? Дверь не заперта. Нет, не он...»

— Сейчас,— крикнула Ойниса и поспешила к воротам.

Распахнув калитку, она увидела в темноте улицы здорового плечистого мужчину. Сразу узнала — Алиджан!

— Пожалуйста, Алиджан-ака, входите.

Алиджан твердым шагом, стуча каблуками сапог, прошел во двор.

— Ну, как вы тут?— коротко спросил он.

— Голова идет кругом,— махнув рукой, сказала Ойниса и пригласила Алиджана к супе.

— Да,— задумчиво молвил Алиджан, опускаясь на курпачу.— Покой наш нарушен, видимо, надолго... Какие вести от сыновей?

— Юлдаш, наверное, в дороге... Эргаш в колхозе... Вчера сватали Гульназ за Юлдаша.

— Слышал я от Дадавая. Это хорошо. Поздравляю.

Ойниса подала гостю чай, спросила:

— А как быть со свадьбой теперь?

— Это будет зависеть от молодых. Как они пожелают, так и будет. Когда вы сватали, было одно, а сегодня — другое. Война. Я в военкомате узнал: призовут в армию не только Юлдаша и Эргаша, но и людей моего возраста. Общая мобилизация будет. Мне бы, конечно, очень хотелось, чтобы сын моего друга Таштемира женился на любимой девушке. Но захочет ли Гульназ выходить замуж за джигита, который завтра уедет на фронт? Вот поэтому и говорю: все зависит от них.

— Значит, сыновья мои уйдут на войну?

— Уйдут,— твердо сказал Алиджан.— Вы же знаете своих детей, Ойнисахон. Разве сыновья красного командира Таштемира усидят в такую пору дома, даже если их не призовут?

Ойниса почувствовала, как в груди ее все напряглось и задрожало при одной только мысли, что жизнь ее сыновей в опасности. Но она понимала: угрозы не отвести. Она сама растила их похожими на отца. Делала все, что-

бы выросли мужественными. Дети Таштемира не могут быть трусами! А если б вдруг стали такими, он бы проклял и себя и их.

— Скажите, Ойниса,— мягко спросил Алиджан.— Если бы Таштемир был жив, как бы он поступил?

Ойниса не сказала, а простонала:

— Сам бы повел их в бой.

— Вот видите. А вы своим детям и мать, и отец... На войне не все погибают.

— Спасибо вам, Алиджан-ака, за добрые слова...

— Меня вот уже призвали. Дают батальон новобранцев. Сперва буду учить их, а потом — на фронт. Так что и мне, старику, можно отличиться!

«Старик!— подумала Ойниса.— Ровесник Таштемира — старик!— Муж навсегда остался в ее памяти молодым. Сорок семь лет было бы ему сейчас.— Чем бы он занимался в мирные дни? Может быть, как Алиджан, остался бы навсегда военным? Этот всего себя отдал военному делу, работает инструктором в Осоавиахиме».

— Может быть, Юлдаш попадет в ваш батальон?— спросила с надеждой Ойниса.

— Едва ли. Он летчик, а мы пешие соколы!— Алиджан улыбнулся.— Ну, а насчет свадьбы — если она состоится, имейте в виду, я барана откормил для Юлдаша. На базар не ходите.

— Спасибо, Алиджан-ака.

— А теперь позвольте мне удалиться, дел много, и все срочные. Как только приедет Юлдаш, пусть разыщет меня. Надо поговорить. Лучше всего через военкомат меня искать.

После ухода боевого друга мужа Ойнисе стало полегче — будто с самим Таштемиром поговорила. Опять занялась домашними хлопотами. По радио передавали первые военные сводки. Диктор жестким голосом говорил о делах нерадостных: наши войска отступили от границы...

Глава шестая

К Л Я Т В А

Гульназ не находила себе места. В доме — баня, в саду — ад! Горячий воздух не шелохнется. В тени сорок. Кажется, мозги тают, как воск, и мягкими сделались кос-

ти. Попробуй в эту жару проштудировать пятитомник академика Воробьева «Атлас анатомии человека» — каждый том кинограмма три весом!

Последний экзамен завтра. Гульназ осиливает пятый том... Ну хотя бы немного прохлады, слабого дуновения ветерка.

Мачеха, потная, тяжело дыша, с красным, как мясо, лицом вернулась с базара и заперлась в своей комнате. «Деньги считает», — подумала Гульназ. Вскоре из комнаты мачехи послышался храп. Нарастая, он обрел упругий рокочущий тембр, доносясь, наверное, до Кичкирика. «Подсчитала доходы и почивать изволит, — с неприязнью подумала девушка. — До чего беспечный и недалекий человек. Для нее будто и нет войны».

Гульназ постелила коврик на берегу арыка, поближе к воде, легла ничком, раскрыла книгу. Рассматривая в «Атласе» цветные рисунки, изображающие различные части и органы человеческого тела, Гульназ думала о войне. Где-то далеко пули и снаряды уже калечили, разрушали, разрывали на куски тела живых здоровых людей. «Что будет дальше? Рушится любовь, жизнь. Война пожирает безжалостно все. Неужели нет никакого выхода? Отец ничего не сказал о будущем... Где Юлдаш? Может быть, приехал? Тогда почему не спешит ко мне? А если его уже отправили на фронт, прямо оттуда, где он был с экспедицией?»

Мысли Гульназ путаются. Она смотрит на страницу «Атласа» и ничего не видит.

Утром, провожая отца на работу, она, как обычно, дала ему завернутый в бумагу завтрак. Отец положил в карман и сказал:

— Ты готовься. Может быть, принесу хорошие новости.

Гульназ вспомнила, как в детстве отец брал ее с собой на работу, в Таштрам. Маленькая Гульназ, впервые попав туда, назвала депо домом, где живут все трамваи. Отец сначала был мастером. Потом его избрали секретарем партийной организации. А недавно назначили директором. В депо днем и ночью кипит работа. Мастеров не хватает. Дадавай-ака, хоть и директор, частенько натягивает старую промасленную спецовку, засучивает рукава и чинит моторы. Он знает одно; нельзя допустить, чтобы рабочие на работу и домой ходили пешком...

Как мучительно тянется время! Скорей бы вечер — отец обещал хорошие новости. Но стрелки на ходиках, которые тикают на веранде, будто приклеились.

Гульназ поудобнее устроилась на коврике, подложила книгу под голову, закрыла глаза. Перед ней вставали лица близких: Кумрихон, Анны Николаевны, Назикхон, Ойнисы... «А как я буду звать Ойнису после свадьбы — тетья, свекровь? Ну, конечно, мама!»

Юлдаш, рассказывая о ней, всегда с нежностью называл «мамочкой». «И я буду звать ее так же. Она милая и добрая. Любит меня». Гульназ вспомнилось, как Ойниса ласково привлекла ее к себе, когда пришла сватать, как обняла бережно и нежно, как задержала ее у своей груди дольше, чем это делают при обычном приветствии. Ойнисе, видно, тоже была приятна ее близость.

«Свадьба... Как же с ней быть? Когда она состоится? В следующее воскресенье? Или после войны? Сколько она продлится, эта война, — месяц, год, десять лет? Кто может ответить на этот вопрос?»

Занятая своими думами, Гульназ не слышала быстрых шагов. Кто-то остановился у калитки, не решаясь постучать. Потом дверь приоткрылась — пришедший, наверное, оглядывал двор. Не увидев никого, негромко звякнул щеколдой.

Гульназ мгновенно вскочила. «Кто это может быть? Отцу рано. Мачеха дома. Неужели он?» Она побежала к калитке, на ходу отбрасывая косы за спину. Машинально пригладила волосы на висках. «Неужели Юлдаш?» Так осторожно может стучать только он! Не спросив, кто там, рывком распахнула калитку.

Под тутовником в белом чесучовом кителе, в новых модных туфлях, в чувстской тубетейке стоял Юлдашбай! Лицо его, опаленное солнцем и ветрами Кызылкумов, было почти черным от загара.

Кинулась к нему стремительно. Не сказав ни слова, обвила шею руками, прижалась к груди. Он гладил ее косы, нежно целовал лоб и щеки, вытирая шершавыми ладонями слезы, катившиеся из прикрытых глаз.

Срывающимся от волнения голосом он шептал:

— Ну вот я и приехал... Не плачь... Я с тобой... Ну, как ты здесь? Замучили экзамены?

— Какие уж тут экзамены! — махнула рукой Гульназ. Не сводя глаз с Юлдаша, она поправила на нем покосив-

шуюся тюбетейку, подсунула под нее выбившиеся пряди волос.— Настоящий экзамен для всех нас только начинается.

— Это верно,— тихо согласился Юлдаш. Он поднял сверток, лежавший на камне у его ног, подал девушке:— Это тебе.

— Зачем? До подарков ли сейчас?— сказала она, принимая тяжелый узелок. А самой было приятно: «Даже в такое время не забыл!» Она знала: в шелковом платке завернуты ее любимые конфеты в красивых коробках и бурсилдок.

— Кто дома?

— Папа на работе. Мачеха спит — хоть из пушки пали.

Юлдаш улыбнулся.

— Ну что же. Занеси гостинец домой и пойдем погуляем.

— Может быть, зайдешь в дом?

— Успею. Пойдем. Давно у речки не были.

Они прислушались. Посмотрели в глаза друг другу. Водопад шумел ровно и мощно, будто радуясь их встрече.

Гульназ унесла узелок. Вернулась в белых туфельках, в руках коробка конфет, на голове голубая косынка — подарок Юлдаша.

Кивнув на конфеты, сказала:

— Только вспомнила: со вчерашнего дня маковой росинки во рту не было.

— И я тоже так летел к тебе, что про еду забыл! Мне бы не конфетку, а хорошего барашка сейчас!

Гульназ засмеялась. Юлдаш развернул обертку, откусил конфету, вторую половинку положил в рот Гульназ, спросил:

— У тебя из-за войны аппетит пропал?

— Да.

— А у меня еще до войны. Так скучал по тебе...

Они свернули с дороги на тропинку, прошли по лужайке, поддерживая друг друга, сбегали по крутому берегу вниз к реке. Их обдало прохладой и шумом водопада. Воздух, насыщенный мельчайшими брызгами, был свеж. Все сияло яркими красками и блестело. Джиды и плакучие ивы, трава и кусты никогда тут не выгорали от палящего солнца — их освежал могучий и щед-

рый водопад. Падая с высоты в глубокую расщелину, вода ревела, как разъяренный лев. Недаром водопад зовут крикуном — Кичкириком!

Гульназ постелила платок на толстый пенёк. Сели рядышком. Некоторое время они сидели молча, любовались радугой, которая цвела в брызгах водопада. Вспомнились дни, проведенные здесь в юности. И не хотелось в этом дорогом для них месте говорить о войне и предстоящей разлуке. Но от правды не уйдешь. И они лишь оттягивали тяжкий для них обоих разговор.

Гульназ давно уже научилась понимать Юлдаша без слов — по взгляду, жесту, выражению лица. Сейчас он был удручен. Девушка чувствовала это всем своим существом.

— Ты скучала? — спросил Юлдаш.

«Опять жалеешь меня, оттягиваешь главный разговор», — подумала Гульназ и, положив голову на грудь Юлдаша, тяжело вздохнула.

— Я услышал о войне в поезде, — сказал Юлдаш и обнял ее за плечи. — Только проехали Зирабулак, вдруг люди зашумели, будто потревоженные пчелы в улье. До самого Ташкента никто не отходил от радио. С вокзала я побежал домой. Мать рассказала все: как сватали, на какой день свадьба назначена. Проводил ее на работу, помчался в военкомат. Народу там уйма, во дворе не вмещаются, всю улицу запрудили призывники, добровольцы, родители, родственники. Не смог я к военкому пробиться. Вдруг смотрю: дядя Алиджан выходит из кабинета военкома. Увидел меня, подозвал и к комиссару завел. Просил зачислить в батальон, который поручено ему сформировать. Но военком отказал. У меня другая учетная специальность. Я — летчик, поеду в авиационную часть.

— Сразу на фронт? — Гульназ отпрянула, схватила Юлдаша за руку, точно он собирался уходить.

— Кто бы ни был, где бы ни был, а туда попадешь обязательно. Все дороги ведут на фронт. А дорога летчика особенно коротка. Сегодня она на востоке — завтра на западе. Утром в Ташкенте — вечером в Москве.

— А как же я? Что я одна буду делать? — Глаза девушки наполнились слезами.

Что мог ответить Юлдаш! Девушка, ради которой он, не задумываясь, отдал бы жизнь, совершил бы

подвиг, сидела рядом в слезах. И он не мог утешить ее.

Юлдаш взял ее за руку, посмотрел прямо в глаза.

— Вот это и есть экзамен, о котором мы с тобой говорили. Война испытывает силу нашей любви. Разве не так, Гульназ?

— Но мы же знаем силу нашей любви! Зачем ее испытывать? Кто сомневается в ней? Я? Ты? Во всем фашисты проклятые виноваты. Напали, как бандиты, ночью.

— Я думаю, мы быстро их выгоним. Если бы ты видела, сколько добровольцев в военкомате...

В словах Юлдаша были и вера и твердость. Они ободряли Гульназ, но не могли заглушить страшную мысль: «Ведь его могут убить... И он никогда уже не вернется».

— Мама сказала, что свадьба в нашей воле. Наверное, так же думает и твой отец. А что скажешь ты?

— А ты?

— Что я скажу? Я...— Юлдаш привлек Гульназ к себе, зашептал:— Могу ли я не мечтать о том, чтобы очутиться с тобой за брачным пологом, смотреть без конца в твое лицо, гладить твои волосы, целовать твои глаза, говорить без конца о своей любви.

Говоря это, Юлдаш гладил ее волосы, целовал глаза.

Гульназ улыбнулась.

— Если это так, то мы с тобой здесь как под брачным пологом.

Они засмеялись.

Потом Юлдаш серьезно сказал:

— В общем, все зависит от тебя. Я уеду на фронт. Вернусь или нет — неизвестно. Если погибну, тебе будет трудней, чем мне. Поэтому последнее слово за тобой. Скажешь да — будет свадьба. Скажешь нет — не быть ей сейчас.

Гульназ задумалась. Разве думала она несколько дней назад, что так обернется все. «Вот он, водопад, ревущий, как сама война. Он стал моим свадебным пологом — вместо бархатных курпачей и мягких подушек. Плакучие ивы украшают мою брачную комнату. А Юлдаш, наверное, такой же, какой был бы там — нежный, откровенный, любящий».

Юлдашу виделось другое. Мечущиеся среди деревьев птицы казались ему испуганными людьми, которых нужно защитить. И еще казалось ему, что не вода ревет, падая с кручи, а стоны тысяч женщин, детей и стариков несутся оттуда, где гремит война.

— Ты мне веришь?— вдруг спросила Гульназ.

— Как самому себе,— сказал он твердо.

— У нас единые стремления?

— Да.

— Если так, свадьбы делать не будем. Мы сделаем ее в день твоего возвращения с фронта. На меня ты можешь положиться. Я клянусь тебе. Разлука, какой бы долгой она ни была, не заставит нарушить эту клятву. Я буду ждать тебя год, десять лет, всю жизнь.

— Я тебе верю, Гульназ...

— Спасибо.— Она поднялась, накинула на плечи подаренный им платок и пошла по берегу. Потом остановилась и, повернувшись к нему, сказала:

— Еще одна просьба: устрой прощальный вечер. Я приду вместе с отцом и тетей. Мы объявим всем о нашей клятве. Ладно?

— Согласен.

Они стояли на берегу, где Кичкирик плавно сворачивал налево. Над водой шатром нависали густые ветви тала.

Гульназ улыбнулась Юлдашу, вскинула ему на плечи нежные руки. Он обнял ее, сильный, загорелый, словно отлитый из металла.

А над ними щебетали птицы, будто спорили, так или не так должны прощаться влюбленные перед долгой разлукой.

Глава седьмая

МАТЬ И СЫН

Слова Юлдаша о том, что свадьбы не будет, были для Ойнысы как ушат холодной воды. Все почти готово—и вдруг той не состоится! И Аняхон, и Алиджан-ака убедили ее, что свадьбу можно устроить, несмотря на то, что идет война. Никто бы не осудил ни Юлдаша, ни Гульназ, ни их родителей. Да и сам Юлдаш

летел в Ташкент, как на крыльях, чтобы сыграть свадьбу до отправки на фронт. «Нет, тут что-то не так! Есть какая-то тайна,— думала Ойниса.— Но как ее узнать?»

Уже три дня, как приехал Юлдаш, а с матерью не был и трех часов. Чуть свет мчится в военкомат, проходит какие-то комиссии. Оттуда бежит в управление геологии: надо передать кому-то результаты работы экспедиции. К вечеру появится ненадолго, быстро умоется, переоденется — и мчится к Гульназ. Ойниса знала, что они проводят время на берегу Кичкирика или на Комсомольском озере.

В полночь Юлдаш крадется на цыпочках через двор, чтобы не разбудить мать, а она не спит, ждет его — теперь каждая минута его близости дорога, разве уснешь перед расставанием. Юлдаш ложится на супу и затихает. Ойниса знает — он не спит, затаится и мечтает о своем.

Сегодня утром Юлдаш показал матери повестку. Хоть и ждала Ойниса эту разлучницу каждую минуту, не могла она скрыть волнения, руки, державшие повестку, задрожали. Ойниса не смогла прочитать написанное. Юлдаш осторожно взял повестку из рук матери и негромко прочел, что ему надлежит явиться в военкомат завтра в восемь часов утра, имея все необходимое для дальней дороги.

Ойниса слушала и не понимала, что ей читал Юлдаш. Он что-то говорил о том, что не завтра, не сразу пошлют его в бой, надо будет учиться, осваивать боевой самолет. Однако слова эти пролетели мимо Ойнисы. Они не могли ни успокоить ее, ни обмануть. Она испытала войну на себе! Что бы ей ни говорили, человек, идущий на фронт, не может быть вне опасности.

Юлдаш рассказал матери о пожелании Гульназ.

— Она придет к нам сегодня с отцом и мамочкой.

Расстроенная Ойниса не сразу поняла его. «Зачем придет Гульназ? Зачем приведет с собой родителей? Значит, свадьба все-таки состоится? Просто они хотят сделать все тихо, скромно, чтобы никому не бросалось в глаза? Значит, и все хлопоты не пропадут напрасно? Ах, сын мой дорогой, какой ты у меня чут-

кий, понял свою мать... Значит, будет у меня добрая невестка, с которой мы станем ждать твоего возвращения!»

Хоть и сказал Юлдаш: «Это не свадьба, мама, просто прощальный вечер», — Ойниса так и загорелась желанием действовать. Как только сын ушел на работу, позвала Кумри и Назик, они взялись за тесто. Абдулладжан по ее просьбе оседлал коня и помчался на базар. Пришел Алиджан, ведя за собой барана. Зарезав его, тут же в саду повесил тушу на дерево и принялся срезать мясо.

После полудня Юлдаш попросил в своем учреждении машину и поехал за дедом Кулдашем и бабушкой Рисолат. Пока они собирались, Юлдаш спросил бабушку:

— Можно мне сделать налет на вашу бахчу?

Добрая бабка, готовая отдать внуку все на свете, сказала:

— Рви сколько хочешь.

Пока Юлдаш выбирал спелые дыни-хандаляшки, бабка стояла у грядок и с напускным ужасом потихоньку причитала:

— Ах, шельмец, он же все дыни мне оборвет. Ну, пусти козла в огород!

Набрав корзину винограда, полмешка огурцов и грудку хандаляшек, они поехали в дом Ойнисы.

Стол решили поставить на середине двора. Юлдаш протянул над столом электрические провода с лампочками. Когда они вспыхнули, осветив яркую скатерть и угощения, дед Кулдаш восхищенно крикнул и произнес:

— Хвала аллаху за щедрость его!

В ожидании гостей дед и бабка сели на супу, накрытую новым паласом.

Юлдаш несколько раз выходил на улицу, но те, кого он ждал с нетерпением, все не приходили. Парень не находил себе места. Он то шутливо говорил старикам: «Здорово я опустошил ваш огород!», то забегал на кухню, где Кумри просила его попробовать шурпу, то вертелся около Алиджана-ака, священнодействующего над шашлыком. Отсюда на весь двор распространялся аромат жаренного на углях мяса, приправленного тмином... С матерью Юлдаш стремился встречаться по-

меньше — не хотел своим видом напоминать ей о предстоящей разлуке и боялся, что вдруг разревется и кинется ей на грудь.

Гости пришли, когда уже стемнело. Впереди шел Дадавай-ака. Он был в белой бязевой сорочке, на голове бархатная тюбетейка, оттеняющая седину. Карие глаза Дадавая-ака приветливо блестели, он улыбался. За ним выступала Лобархон, полная, представительная, в черном атласном платье. На толстых пальцах ее горели золотые перстни с камнями и гладкие кольца, на руках тяжелые браслеты, в ушах увесистые серьги червонного золота, во рту, когда она улыбалась, вспыхивали крупные золотые зубы. Обилие украшений казалось безвкусным.

Позади всех шла Гульназ. На ней было белое шелковое платье скромного покроя, на голове тюбетейка без ярких цветов, на ногах туфельки на низком каблучке. Белое лицо ее слегка разрумянилось от смущения. Густые брови были чуть сдвинуты, в красивых глазах нескрываемая грусть.

Поздоровавшись со всеми, Гульназ порхнула к доброй бабушке Рисолат, обняла ее.

— Бабуля, милая, здравствуйте.

Бабушка погладила ее плечи и голову.

— Здравствуй, свет очей моих. Здравствуй, моя прелесть.— Голос старухи дрогнул, глаза наполнились слезами.

От бабушки Гульназ поспешила к Ойнисе.

— Ассалям алейкум, мама дорогая!

Ойниса прижала ее к груди, поцеловала в глаза и щеки.

— Доченька моя желанная!— растроганно произнесла она.

Ойниса и Гульназ, взволнованные, долго стояли обнявшись.

Поздоровавшись с дедом Кулдашем, Гульназ опустила глаза и почтительно выслушала его благословение. Потом она подошла к Назик и Кумри.

Ойниса пригласила всех к дастархану. Юлдаш, проследив, чтобы мать села рядом с Гульназ, стал разливать чай. Он хотел скрыть свое волнение, но не вышло — облил рукав кителя.

— Нелегко, конечно. По себе знаем!— подпустил

шпильку дед Кулдаш, чем рассмешил всех присутствующих.

Бабушка тихо поднялась и ушла в кухню. Возвратилась она с совком в руке. На нем тлела пахучая трава — гармала. Говорят, кто вдохнет ее аромат, того не сглазят. Бабушка стала делать круговые движения совком вокруг головы Гульназ.

Дед Кулдаш сказал:

— Ну и старуха, зоркая, рассмотрела-таки красоту внучки-невестки!

Гости засмеялись. Они поняли, что старик шутит над слабым зрением жены. Однако бабка не осталась в долгу, тут же проехала насчет его слабого слуха:

— Да, приходилось нам об этом кое-что слышать...

Гости поняли ее. Дед смеялся громче всех и со скрытой гордостью сказал:

— Она ферганская, с ней лучше не задирайся!

Хотя в эти минуты лица у всех светились от улыбок и то и дело сыпались остроты, — тяжелое бремя предстоящей разлуки давило каждого. Ойниса не отводила глаз от сына. И Гульназ ни на минуту не забывала, что это ее последний вечер с Юлдашем. Алиджан частенько поглядывал на Ойнису и едва заметно покачивал головой — ему было жаль страдающую мать.

Все думали о войне, только никто не говорил о ней, не сговариваясь, гости играли в беззаботность, вели веселый разговор, блистали взаимной учтивостью. Они понимали: так надо, надо поддерживать эту зыбкую иллюзию беззаботности, если она рухнет, горе придавит их всех.

Дадавай-ака участвовал в общей беседе. Его смущало то, что свадьбу отложили. Он не знал, почему так решили. И улучив момент, когда Юлдаш оказался поблизости, придержал его за локоть:

— Мы слышали, что утром отправляетесь?

Быстро взглянув на Гульназ, Юлдаш сказал:

— Долг обязывает...

— Конечно, конечно. — Дадавай-ака, не смея посмотреть прямо в глаза будущему зятю, спросил: — Еще неизвестно, куда пошлют?

— Пока нет. Знаю только — в авиацию. Я ведь летчик. Ну, а в авиации, как говорится, сегодня здесь, а завтра там...

— Так, сынок.— Дадавай-ака вздохнул.— Война есть война, тут уж ничего не поделаешь.

К столу подошел Алиджан-ака. Он нес на большом фарфоровом блюде горку шашлыка. Раздав всем по нескольку палочек, пригласил:

— Ешьте, пока горячий!

Учтиво предложил деду Кулдашу и бабушке Рисолат:

— Для вас очень мягкую сочную печень поджарил, пожалуйста.

— Садитесь и поешьте сами!— Ойниса показала на свободный стул.

Алиджан сел, ловко снял с шампура горячий кусочек мяса и положил в рот.

— Юлдаш!— позвал он, проглотив несколько кусочков.— Не зевай, там ташкентского шашлыка долго не попробуем.

Дед Кулдаш наклонился к старухе:

— Что он сказал?

— На войну едет.

— Ах, вот как. А вы куда путь держите, Алибай?

— Туда же, куда и все, папаша,— фашистов бить.

— О боже,— удивился старик, почесывая бородку.— Неужто одни молодые не справятся?

— Нет, без нас им не обойтись. Кроме силы, еще и опыт нужен.

— В таком случае возьмите и меня!

Снова все засмеялись. Но дед, уловив, что за смехом этим скрыты скорбь и боль, шутить больше не стал.

— Да, война разразилась не на шутку,— степенно сказал Алиджан. Все внимательно стали слушать военного человека.— Как сообщают по радио, гитлеровцы уничтожают все на своем пути. Правительство наше отобилизовывает Красную Армию и поднимает на борьбу весь народ. Нам придется отдать все силы ради нашей свободы и счастья. Началось тяжелое испытание.

Слова Алиджана повергли всех в невеселое раздумье.

Дед Кулдаш, поскольку Алиджан говорил негромко, все слышал. Он сказал:

— Да, испытание всем нам... Но вы там, на фронте, Алибай, не сомневайтесь, мы будем присылать вам все необходимое.

Алиджан еще рассказал о том, что создан Государственный Комитет Обороны, о героических делах наших красноармейцев.

Ойниса, глядя на Алиджана, думала о его нелегкой жизни: молодость прошла в боях за Советскую власть, долгие годы гонялся за басмачами, потом обучал военному делу молодежь — лагеря, походы, а теперь опять на фронт. Она посмотрела на Юлдаша. Он слушал и думал о чем-то своем. «Вот и Таштемир так,— вспомнила Ойниса,— перед очередным походом он всегда становился задумчивым и неразговорчивым. О чем думает Юлдаш? О завтрашнем отъезде? О разлуке с матерью, любимой, родным городом? Или о войне, в которую он скоро окунется с головой?»

Юлдаш почувствовал пристальный взгляд матери, поднял голову, посмотрел на нее, улыбнулся. Он прочитал в ее взгляде и любовь, и тревогу, и сочувствие, и желание облегчить его участь.

Когда Кумри подала плов, было за полночь. Разговор угасал— обо всем уже было сказано.

После плова дедушка Кулдаш поднял для молитвы худые, жилистые руки.

— Пусть пошлет всевышний счастье нашим джигитам. Да вернутся они домой живые и невредимые. Пусть сгинут наши враги. До свидания, в час вам добрый, хранит вас аллах!

Хоть и уговаривала Ойниса гостей заночевать, они, пообещав прибыть утром на проводы Юлдаша, разошлись. Юлдаш пошел их провожать.

Остались только старики. Ойниса постелила им. Они утомились от непривычно долгих разговоров, сидения и обильной пищи, легли сразу.

На супе остались Ойниса и Алиджан.

— Наш Юлдаш парень умный,— сказал Алиджан, отхлебывая чай.— Так что не терзайте себя постоянным беспокойством. Он весь в отца, а Таштемир был хороший воин.

Ойниса молча слушала.

— Юлдаш находчив, силен, крепок и телом, и духом. Такому джигиту не очень трудно будет. Вы ждите о нем не печальных, а радостных вестей, он обязательно отличится.

Дед Кулдаш еще не спал, он слышал слова Алиджана и прошептал:

— Да будет так! Да поможет ему бог.

— Что нужно приготовить ему на дорогу?— спросила Ойниса.

— Форму военную он получит. Теплой одежды сейчас не надо — лето. Кормить в дороге будут, но все же немного еды положите — патыры, бугурсаки, в пути всякое может случиться.

— Это уже готово,— сказала Ойниса, ей хотелось побольше дать сыну.— Может, мяса пожарить и салом залить, чтобы дольше не испортилось?

— Смотрите... Много не давайте. Без пищи не оставят его нигде. Ладно, теперь и я пойду. Рано утром буду здесь.

— Спасибо, Алиджан-ака.

Ойниса, провожая гостя, вышла с ним на улицу.

Было темно и тихо. Только на берегу Анхора вокруг фонаря кружил рой мошкары.

Когда подошли к мосту, Алиджан спросил:

— Эргаш ответил на ваше письмо?

— Нет.

— Я завтра позвоню ему, узнаю.

Алиджан, минуту помолчав, сказал глухим голосом:

— Мне всегда кажется, что Таштемир просто не успел поручить мне заботу о своих сыновьях. Я знаю, не будь он в таком тяжелом состоянии и окажись я поблизости, он сделал бы это. Юлдаш и Эргаш для меня как родные. Я тоже ухожу на фронт, но где бы я ни был, всегда буду помнить о них, а представится возможность— помогать буду. Так что не чувствуйте себя одинокой и не считайте детей сиротами. Я всегда с вами... Я знаю, и они меня любят... Ну, а теперь пойду. Идите и вы домой— прохладно уже.

Алиджан, не оглядываясь, прошел через освещенный мост и скрылся в темноте. Ойниса не спеша вернулась, но во двор не зашла, остановилась на берегу Анхора.

Вдали чернел Фарабинский сад, где когда-то собиралась четверка неразлучных: Таштемир, Андрей, Алиджан, Дадавай. Как там бывало весело! После гибели Таштемира друзья больше не собирались в саду. Не пели, не веселились. Таштемир оказался той чуткой

струной, которая связывала их души. И вот эта струна оборвалась.

Алиджан после смерти друга постоянно заботился о его жене, детях. Часто навещал их. Встречал вечерами Ойнису у ворот фабрики. Это продолжалось долго, пока, наконец, он, сгорая от смущения, не сказал Ойнисе о своей любви. Ойниса же не могла представить, как она опустит голову на подушку рядом с другим человеком! От объяснения Алиджана ей стало не по себе. Она не могла сказать этому дорогому ей и ее детям человеку ни «да», ни «нет». Она любила его, но совсем не так, как Таштемира. Ей не хотелось терять Алиджана. Она стояла тогда и молчала, закрыв глаза и побледнев от сознания безвыходности своего положения. Алиджан понял ее. Ушел.

И опять он ходил к ним, как будто не было этого объяснения. И опять это длилось очень долго. Потом Ойниса получила от Алиджана письмо. На этот раз он решил высказать ей все на бумаге. Всю ночь Ойниса не сомкнула глаз. Терзалась. Жалко было Алиджана. Покорял он своей верностью. Но все же утром написала ему: нет. Отправляя письмо, она подумала: «Теперь я и этого человека теряю навсегда. Больше он не придет к нам». Но Алиджан, ничем не выдавая своих переживаний, без тени обиды, по-прежнему приходил в дом или встречал Ойнису около фабричных ворот. Он так и не женился.

Ойниса вернулась домой. Перебрала вещи, приготовленные сыну в дорогу. Все думала об Алиджане, о его преданности. Если он погибнет на фронте, у нее не станет самого близкого друга.

Когда закукарекали вторые петухи, пришел Юлдаш. Он потихоньку напевал песенку «Войти бы мне в цветущий сад». Увидев бодрствующую мать, остановился посреди двора. Ему стало совестно. Он виновато сказал:

— Простите, мамочка, я пришел очень поздно.

Ойниса молча показала на место рядом с собой. Юлдаш сел, поднял глаза на мать. Лицо его было бледно и устало, у глаз темнели круги.

— Дядя Алиджан хочет позвонить в колхоз к Эргашу, узнать, что с ним... Он придет утром.

Стыд охватил Юлдаша. Это он должен был побеспокоиться о брате, а не дядя Алиджан! Для матери Эргаш

дорог так же, как и он, Юлдаш. У него сейчас те же тревоги и заботы, что и у всех. Может быть, его уже призвали и он едет на фронт. Как нехорошо получилось!

Занятый своей любовью, забыл о брате.

— Его ведь тоже призовут,— сказала печально Ой-ниса,— как же я буду тут без вас обоих?

— Трудно будет вам, мама дорогая. Но разлука неизбежна. Единственное средство от этой беды— победить врага.— Поняв, что подобными словами мать не утешить, Юлдаш добавил:— Гульназ будет навещать вас. Она сама сказала: «О маме не беспокойся, я о ней буду заботиться. Я полюбила ее, как свою родную маму». Гульназ очень хорошая, ты сама знаешь об этом.

Мать грустно улыбнулась:

— И я полюбила ее, как свою дочь. Ты молодец, сынок, хорошая у тебя избранница.

Юлдаш с шутливой гордостью выпятил грудь:

— Я весь в отца, ты сама об этом говорила.

— Лишь бы конец его жизни не повторился в твоей! В тяжелый и опасный путь отправляешься ты, сынок. Война жестока, смерть подстерегает там на каждом шагу, где бы ты ни был— на земле или на небе. Умоляю тебя— будь осторожным. Ты горяч, как и твой папа. Пусть это не повредит тебе. И еще, сынок, помни о брате. Пиши ему почаще, поддерживай, учи уму-разуму. Ты старший, ты для него и брат, и отец, помни это. Это я и хотела сказать тебе на прощание. Все ли ты понял?

— Понял, мама.

— Хорошо. А теперь иди поспи.

— Отосплюсь в вагоне.

— Ну как знаешь...

Светало. Солнце еще не поднялось над городом, но свет его позолотил верхушку яблони. Просыпаясь, негромко чирикали воробьи. Гулко прогремыхали по узкому переулку арбакеша. В калитку постучался Абдулладжан— занес чашку со сливками. Жизнь текла тихо и мирно, как всегда. Но сегодня будничные мелочи были наполнены каким-то особым смыслом, потому что все это предстояло оставить. Так же будут чирикать воробьи, будет вставать каждое утро солнце, а Юлдаша уже здесь не будет. Все, что близко и дорого его душе, надо оставить.

Юлдаш зачерпнул воды из арыка, побрызгал двор, подмел. Наколот дров. Принес чистой воды из водопровода для чая.

Все утро он не отходил от матери, смотрел, чем бы ей помочь. То разжигал самовар, то заваривал чай...

Когда поднялись дед Кулдаш и бабушка Рисолат, вчетвером позавтракали.

Дед Кулдаш, макая свежую мягкую лепешку в сливки, пододвинул чашку Юлдашу.

— Ну-ка, воин, наваливайся на сливки, тебе теперь много сил надо!

— Силенка и так есть, дедушка! Не беспокойтесь.

Дед не расслышал его слов, переспросил у жены.

— Говорит, силенок достаточно,— сказала ему в ухо бабка.

Старик опять обратился к внуку:

— Все равно ешь, теперь тебя одной кашей будут кормить. Ох, и надоест тебе эта каша!

Юлдаш помакал лепешкой в сливки вместе с дедом, потом сказал ему:

— У меня к вам просьба. Посматривайте за домом Гульназ — живете рядом. Я беспокоюсь, как бы ее мачеха чего не выкинула. Она женщина вздорная, легкомысленная, того и гляди, что-нибудь придумает. Гульназ стеснительная, может и не пожаловаться.

— Будь спокоен, Юлдашбай. В обиду невестку не дадим. Мачеху приструним в случае чего.

Юлдаш посмотрел на Ойнису:

— И вас прошу, мама.

— Хорошо, сынок. Твоя невеста не будет чувствовать себя одинокой. Теперь она наше дитя. Хорошо, что дедушка твой живет рядом. Я сама попрошу Гульназ почаще заходить к нам. Конечно, ей будет нелегко. Но мы поможем, не сомневайся... и сбережем.

— Спасибо, мамочка!— Юлдаш, приложив руку к груди, обратился к деду:— Теперь мне пора, дедушка.

Дед прошептал молитву и громко сказал:

— Ну, в час добрый!

Юлдаш закинул за плечо туго набитый рюкзак. Ойниса взяла узелок. Дед и бабушка пошли вперед. Ойниса с сыном за ними.

На улице былолюдно. В чайхане под карагачами пили чай и завтракали махаллинские старики и арба-

кеши. В махалле новости быстро распространяются. Все уже знали о том, что Юлдашу пришла повестка, что он уезжает сегодня.

Как только Юлдаш подошел с родными к чайхане, все поднялись. Белобородые старики зашептали молитвы, благословляя его. Парни и мужчины помоложе подошли, поздоровались, пошли гурьбой провожать. За мостом они остановились, попрощались. И пока Юлдаш шел до поворота на Бешагач, вслед ему несло:

— Счастливого возвращения!

— Да сопутствует вам удача!

— Пишите!

— Возвращайтесь здоровым на радость вашей матери и нам.

Юлдаш шагал не оглядываясь, он боялся посмотреть на дорогие сердцу места: чайхану, карагачи, Анхор, таловую рощу, мельницы, на родную с детства Арпапаю, на ее людей, которые смотрят ему вслед. Боялся посмотреть, потому что чувствовал: оглянется — заплачет... Доведется ли увидеть когда-нибудь все это?

Глава восьмая

ПРОВОДЫ

Командиры построили призывников и увели их в баню. Около военного комиссариата стало свободнее. Старики и старухи, отцы, матери, дети и родственники призывников остались во дворе военкомата.

Наступил полдень. Солнце жгло нещадно. Во дворе ни деревца, ни единого пятнышка тени. Люди томились от духоты и зноя. Они толпились у водопроводного крана, чья-то железная кружка переходила из рук в руки. Но вода не утоляла жажду, еще больше отяжеляла и размаривала

Дед Кулдаш, подложив под спину набитый мешок, удобно привалился под окном кабинета военного комиссара. Не обращая внимания на людей и не очень томясь ожиданием, он с явной похвальбой сказал старухе:

— Ты видела, когда Юлдаш встал в строй? Сразу из всех выделился — рослый, статный. Быть ему гене-

ралом! Вернется живым, здоровым, вся грудь в орден-нах, запомни мои слова!

Бабушка Рисолат посмотрела на него поверх очков и с чувством сказала:

— Дай бог, чтоб было по-вашему!

Дед между тем продолжал:

— Эх, случилось бы чудо: сбросить бы мне годков хотя бы двадцать. Пошел бы вместе с Юлдашем. Задал бы я перцу Гитлеру. Юлдаш, конечно, и сам справится, можешь не сомневаться, но вдвоем сподручнее было бы.

Ойниса, Анна Николаевна, Гульназ, Дадавай-ака и Кумри несколько иронически воспринимали слова деда, но не показывали этого.

Ойниса с нетерпением ждала Алиджана. Она хотела узнать, в какой город отправят сына, какие вести об Эргаше.

А Анна Николаевна думала о муже. Где-то он сейчас? Прошло пять дней, как он вернулся с полпути в свою часть. Доехал ли? Может быть, уже отправился со своим полком на фронт?..

Гульназ пыталась улучшить минутку, чтобы осталась наедине с Юлдашем, но пока это не удавалось. Девушка смотрела на дорогу: скоро должны были вернуться из бани мобилизованные. Как будет выглядеть Юлдаш без волос? Круглоголовым, ушастым? Гульназ даже слабо улыбнулась — ушастый!

Душевное состояние Дадавая-ака было сложнее. Во-первых, ему было стыдно, что жена и сегодня отправилась на базар, не пошла провожать Юлдаша. Тревожила его и судьба дочери. С одной стороны, хорошо, что она помолвлена с таким прекрасным джигитом, как Юлдаш, но доля у нее нелегкая: будет ждать, мучиться, сохнуть от тоски. А самому Дадаваю-ака пришла повестка. Прислали ее почему-то не домой, а на работу. В повестке было сказано, что он должен сегодня прибыть к военному комиссару. Дадавай-ака решил не говорить близким о повестке и встретиться с военкомом после отъезда Юлдаша.

Кумри пришла с ребенком на руках — не на кого было оставить. Мальчик сосал полную мягкую грудь матери, тиская ее ручонкой, и все косился на борода-того деда Кулдаша. Кумри же думала о старшем сыне

Абдулле. Ему пошел пятнадцатый год. Кончится ли война до того, как он достигнет призывного возраста? Может, и ему суждено прийти в этот большой двор, а ей — сидеть у забора в слезах, ожидая его отъезда?

— Э, жаль, жизнь наладилась, дети выросли и вот... война, — вздохнул дед Кулдаш. — Сейчас бы только строить, пахать, сеять, свадьбы играть, ох-ох-ох! — Взглянув на младенца Кумри, спросил: — Сын, дочь?

— Сын, бабушка! — с гордостью ответила Кумри.

— Похвально! Как назвали?

— Отец назвал Сагдуллой.

— Сагдулла! Дай бог ему здоровья и долгих лет жизни. — Закусив конец бороды, старик помолчал и, обращаясь к Дадаваю, задумчиво сказал: — Перед войной всегда мальчиков больше рождается. Как думаешь, сват!

Дадавай рассеянно ответил:

— Вроде бы так... мальчиков больше.

Со стороны улицы донеслась песня:

Если завтра война,
Если завтра в поход...

Все, кто находился во дворе, хлынули к воротам. Гульназ помогла подняться деду и бабушке, взяла у Ой-ниси рюкзак Юлдаша, вместе со всеми поспешила к выходу.

Всем хотелось видеть, как идут джигиты.

Их было много, около двухсот человек. Они шагали плотной колонной, громко стуча сапогами. Командиры шли сбоку. Свернув в ворота, колонна по команде капитана остановилась.

Вокруг толпились провожающие. Каждый беспокойными глазами искал своего. Началась толкотня, сумятица.

Капитан, посмотрев на большие карманные часы, объявил:

— Построение через пятнадцать минут. Пойдем на вокзал. Разойдись!

Как и предполагала Гульназ, внешность Юлдаша сильно изменилась. Стриженная голова по сравнению с загорелым лицом казалась белой. Но он вовсе не вы-

глядел ушастым. Лицо его сохранило прежнюю красоту, только что-то новое появилось в нем. Гульназ не сразу поняла, что это — глаза. Исчезли густые темные волосы, и резче выделились блестящие, черные глаза.

Юлдаш, заметив, как его пристально разглядывают близкие, минуту постоял в шутливо-напыщенной позе, будто позируя художнику, потом засмеялся и весело сказал:

— Идемте в холодок.— Он взял тяжелый рюкзак у Гульназ, поддержал под локоть деда Кулдаша.— Пойдемте, дедушка.

Старик был тронут.

— Ненаглядный ты мой,— сказал он ласково.

Они вышли со двора. Гульназ шла рядом с Ойнисой и думала: «Как же отдать подарок?»

Сели под деревом, кто на что: на камень, газету, полу халата. Дед Кулдаш снял платок-бельбаг, которым был подпоясан, и, расстелив его, превратил в скатерть-дастархан. На него выложили кучу всякой снеди: самсу, лепешки, жаренные в масле пельмени-чучвару, пирожки с мясом.

Юлдаш поднялся и, кивнув на чайхану, которая была неподалеку, сказал:

— Я сейчас чай организую.

Гульназ, окинув быстрым взглядом родственников и удаляющегося Юлдаша, поднялась. «Более удобного момента, пожалуй, не будет». Тихонько, чтобы не привлечь к себе внимания, пошла за Юлдашем. Родственники, конечно, это заметили, но никто не подал вида. Все понимали: надо же молодым хоть словом перекинуться наедине!

Они сошлись у дерева. Юлдаш держал в одной руке два чайника, в другой — стопку пиалушек. Гульназ быстро расстегнула сумочку и достала три маленьких свертка.

— Три подарка тебе на дорогу,— быстро сказала она и покраснела.

Юлдаш поставил чайники и пиалы на землю. Развернул первый сверток — чувская вышитая тубетейка. В другом — кожаные перчатки. В третьем — мягкие, связанные из козьего пуха, носки.

— Спасибо, милая, все это будет со мной. Я тоже приготовил тебе одну вещь на память.— Он достал из

бокового кармана плоскую коробочку. Вынув из нее золотые часики с браслетом, надел их ей на руку.

Гульназ вскинула ресницы.

— Чтоб я считала минуты разлуки и радовалась, что их становится меньше?

— Ты умница,— сказал Юлдаш и, подхватив пиалы и чайники, поспешил к своим. На голове его блестела новенькая тюбетейка, из одного кармана торчали кожаные перчатки, из другого — пуховые носки. Все по-прежнему делали вид, что ничего не замечают. Только дед Кулдаш не сдержался, весело подковырнул:

— Поздравляем, воин!

— Спасибо, бабушка!

Через некоторое время подошла Гульназ, опустилась рядом с Ойнисой. Никто глазом не повел. Кумри протянула ей пиалу с чаем. Гульназ невольно поглядывала на часики. Подарок Юлдаша увидели все. Гульназ зарделась.

К концу трапезы подошел Алиджан. Он был в новом летнем обмундировании: гимнастерка, галифе, начищенные хромовые сапоги, на голове фуражка с алой звездочкой, на петлицах капитанские «шпалы». Поклонившись всем, присел около деда Кулдаша, вытер платком лицо и шею.

— Фу, ну и жара... Пока дошел до вас, десять раз остановили. Все хотят знать, куда поедет их сын. Говорю — не знаю. Не верят! А я и вправду не знаю. У каждого своя военная специальность, каждый в свою часть поедет.— Взглянув на Юлдаша, сказал:— Беседовал со старшим твоей команды. Говорит, поедете куда-то под Москву учиться на курсах летчиков-истребителей. Так что повезло, сынок,— еще и Москву посмотришь.

И Юлдашу, и Ойнисе было приятно, что Алиджан называл Юлдаша сыном.

— Спасибо, дядя,— сказал Юлдаш и, решив немного повеселить родственников, вдруг поднялся, вытянулся и, приложив ладонь к виску, отчеканил:— Очень большой вам рахмат, товарищ капитан.

— Молодец, толк из тебя будет. Садись!— в тон ему откликнулся Алиджан.

— Рад стараться,— ответил Юлдаш.

Алиджан повернулся к Ойнисе:

— Утром звонил в колхоз. Говорил с Эргашем. У него дела таковы. Пока работает. В кишлаке все молодые получили повестки. Ему тоже прислали. Но председатель колхоза добивается, чтобы оставили одного агронома. Звонит во все инстанции, доказывает: «Хлопок тоже для войны нужен». Чем все это кончится, пока неизвестно. Я велел Эргашу, как только дело прояснится, дать вам телеграмму или вызвать к междугородному телефону. Он здоров, скучает о вас.

Ойниса спросила:

— Как вы думаете, Эргаша оставят?

Алиджан пожал плечами. Не желая расстраивать Ойнису, он не сказал того, что думает. А он думал: «Эргаш, пожалуй, сам не усидит в колхозе. Такой парень разве останется в тылу!»

— Дело это государственное,— сказал назидательно дед Кулдаш.— Посмотрят, подумают, где он больше нужен. Если в колхозе, то оставят.

Эти слова не успокоили Ойнису. Она выжидающе смотрела на Алиджана: что скажет он? А он не умел ей врать. Трудно было говорить правду, но все же сказал:

— По-моему, колхоз оставит его, но Эргаш сам не захочет...

— Что верно, то верно,— поддакнул дипломатично дед.— Мы можем и так и эдак судить да рядить, а он поступит по своей совести.

— Значит, и Эргаш на войну пойдет!— обреченно прошептала Ойниса. Она сникла, умолкла, кончиком платка, повязанного на голове, пыталась удержать навернувшиеся слезы.

Анна Николаевна попыталась ее утешить:

— Не надо, Ойнисахон, не плачьте, крепитесь. Все только начинается. Если мы сейчас начнем сдаваться, что же будет дальше? Нам и здесь силы нужны. От нас очень многое зависит. Работать придется и днем и ночью. Так что держитесь! Берегите себя. Это прежде всего для них, для фронтовиков, нужно.

— Хвала вашей мудрости!— поддержал ее дед.— Мы тут все на работу так навалимся, что не устоять врагу!

Во дворе военкомата зычно заиграла труба. Сигнал сбора поднял всех. Алиджан и Юлдаш вскочили первыми, поправили одежду, подтянули ремни. Гульназ шепнула:

— Об одном прошу, умоляю тебя, пиши чаще, чтобы я не мучилась в неведении.

Во дворе грянул оркестр. На звуки марша со всех сторон потянулись люди.

Оркестр стоял в центре двора. Музыканты играли вдохновенно. Они были «гражданские»: в белых рубашках, теннисках, чесучовых кителях, в кепках и тубетейках, брезентовых полуботинках, сапогах, а некоторые даже в тапочках. Все это не вязалось со строгим ритмом военного марша. Дирижировал загорелый среднего роста мужчина с тонкими усиками. Он держал одной рукой кларнет, а другой делал волнообразные движения.

Музыка сразу подняла настроение. Люди заулыбались, оживились.

Первой начали строить команду, в которую входил Юлдаш. Худошавый капитан зачитал список. Когда вызванные отошли в сторону, капитан набрал в грудь воздуха и басовито скомандовал:

— В две шеренги становись!

Будущие летчики построились в две не очень ровные линии.

— Равняйся! Смирно!

От зычного голоса звякнули стекла ближних окон. Воины замерли.

— Вольно! Сейчас, товарищи, пойдем на вокзал. Провожающие могут доехать туда на трамвае. Для вещей выделена машина.— Он показал на грузовик у забора.— Сложите все туда. Старые люди и если есть больные из родственников могут сесть на эту машину. Разойдись!

Чемоданы, рюкзаки, мешки и узелки замелькали над бортами грузовика.

Деда Кулдаша и бабушку Рисолат, как самых старых, капитан посадил в кабину. Извиняющимся тоном сказал:

— Тесновато, но ехать недолго.

Несколько женщин и стариков разместились в кузове. Другие провожающие поспешили на трамвайную остановку. Некоторые не уходили, хотели, идти рядом с колонной. Капитан спросил:

— Идите на трамвай, товарищи. На вокзале встретимся.

Первый трамвай, прибывший на Бешагач, был взят штурмом. Вагоны заполнились до отказа.

Вагоновожатый, увидев начальника Таштрама, зама-

хал ему рукой. Дадавай-ака и остальные родственники Юлдаша устроились на передней площадке рядом с вожа-тым. Трамвай, пронзительно трезвоня, помчался по городу. Водитель, видно, хотел угодить и показать свое искусство начальнику.

Первыми на вокзал прибыли старики — те, что были на машине с вещами. Носильщики с бляхами на груди вынесли поклажу из кузова и сложили ее на перроне около пустого состава из красных товарных вагонов. На трамваях стали подъезжать другие провожающие. Приложив ладонь к глазам, дед Кулдаш высматривал своих. Увидев, замахал рукой.

Все родственники съехались, а отъезжающих все еще не было. Наконец вдали послышалась музыка. Из-за угла показалась колонна. Воины взмокли от жары, на бровях серела пыль.

Остановив колонну, капитан приказал:

— Разобрать вещи. Старшинам подразделений развести людей по вагонам согласно расчету. После посадки можно выйти проститься с родственниками.

Юлдаш бросил рюкзак на нары из белых струганых досок и поспешил к своим.

Первой обняла его мать.

— Сыночек мой... — простонала она и зарыдала.

Глаза Юлдаша затуманились. Он стоял, не шевелясь, без конца повторяя:

— Не плачьте, мама. Я буду писать, не плачьте. Я вернусь. Все будет хорошо.

Анна Николаевна и Кумри тоже расплакались. Алиджан-ака и Дадавай-ака держались стойко. К Гульназ он подошел после всех. Она посмотрела на него так, словно хотела навсегда запомнить его образ, а потом обняла его. Юлдаш, не помня себя, целовал ее глаза, щеки, волосы.

— До свидания. Жди меня. Мы обязательно встретимся, — шептал он.

Пронзительно загудел паровоз.

— По вагонам! — крикнул начальник эшелона.

Лязгнув, состав медленно покатился. Призывники на ходу вскакивали в вагоны. Провожающие пошли вслед за поездом. Руки, как густая высокая трава, качались над головами. Выкрики, плач, шутки — все смешалось в общий гвалт.

— Успокойтесь, не мучайте себя!— крикнул Юлдаш матери и Гульназ.

Провожающие бежали за составом, пока не кончилась платформа.

Ойниса не видела удаляющегося последнего вагона — она лежала без чувств на руках Алиджана и Дадавая-ака...

Глава девятая

Ш В Е И

Прошел месяц. Тяжелый был он для Ойнисы. Ни письма, ни открытки. И вот, наконец, письмо пришло. На тетрадном листке несколько строк:

«Дорогая мама, обо мне не беспокойтесь, я здоров, настроение хорошее. Как только приеду в часть, сообщу свой адрес. Очень прошу вас, не забывайте Гульназ, ей тоже тяжело...»

Письмо было отправлено с дороги, но добиралось до Ташкента целый месяц.

Ойниса пришла на фабрику пораньше. Оглядела свой цех. Села к швейной машине у окна и снова перечитала письмо. «Бедняжка, беспокоится о Гульназ. Надо написать, что она сдала экзамены на «отлично», получила диплом и уже работает в поликлинике на Себзаре. А у меня бывает почти ежедневно», — думала Ойниса.

В цех вошла Попова. Увидев подругу, спросила:

— Что так рано? Не случилось ли чего?

— Все хорошо. Даже письмо получила. Целый месяц шло!

Анна Николаевна быстро прочла письмо.

— Молодец Юлдаш, прислал весточку. Не успел уехать, уже по Гульназ скучает. Эх, молодость! А мой Андрей что-то молчит.

— Уж лучше бы им справить свадьбу, — грустно сказала Ойниса.

— Будут еще у нас праздники и свадьбы, дорогая. — Попова села напротив Ойнисы. — Я хотела посоветоваться с вами. Получено распоряжение — один самый большой цех перевести на заказы Наркомата обороны. Будет шить военную форму. Ваш цех самый большой. Я думаю,

именно ему надо поручить это дело. Добавим еще восемьдесят машин... Как вы думаете?

— Нужно так нужно!

— Это само собой. Приказ мы обязаны выполнить. Но как это сделать? Вот о чем я хочу с вами посоветоваться. Труд мотористок и так тяжелый, а теперь придется работать, наверное, в две смены.

Ойниса задумалась. Она проработала в этом цехе семнадцать лет, три года назад стала начальником. Раньше шили легкие женские платья. Перейти на военную одежду будет нелегко. Как все это сделать? Как обучить портных?..

Она сказала:

— Будем думать.

— Главное — это сроки. Фронт ждать не может... И еще одна новость, Ойнисахон, может быть, для вас неприятная. Вашего бригадира Зину Рахматуллину придется перевести на другое место.

Ойниса только выпрямилась при этих словах, но поняла, сейчас возражать нельзя, и только пожалела:

— Хорошая, быстрая работница, без нее будет еще труднее.

А Попова продолжала:

— Из Ленинграда мы получили электрические машины. На них работа пойдет быстрее, и люди меньше будут уставать. Я думаю, лучше поставить их на солнечной стороне. В два ряда.

— Да, здесь будет хорошо: и светлее, и место есть.

— Восемьдесят машин я вам дам. А вот работниц придется искать самой.

— Восемьдесят портных?— изумленно спросила Ойниса.

— Да, восемьдесят. И найти их надо. Обязательно. Найти и обучить! Где их можно набрать? В махалле. Подруг, соседок поднимайте — Кумри, Назик, сваху Лобар. Они все же умеют шить!

— Шьют-то они шьют, но привлечь этих женщин будет не так-то просто. У Кумри грудной ребенок, Назик соответствует своему имени — неженка, а Лобар торгует на базаре...

— К каждой, конечно, нужен особый подход. Но я уверена, вы сумеете...— Осмотрев цех еще раз, Попова сказала:— По-моему, в два ряда восемьдесят машин

здесь поместятся. Только жарко будет. Придется о вентиляции еще подумать.

— Да, вентиляция нужна. Женщинам и сейчас душно.

Анна Николаевна была довольна Ойнисой. «Молодец, все она понимает. Правильно, что именно ее назначили начальником».

— С машинами проще,— сказала Попова,— самое сложное, дорогая, будет с людьми. Найти путь к их сердцам — сложное искусство! И вы им владеете, потому что прожили нелегкую жизнь. Стойкости у вас на десятерых. Другой давно бы уже надломился, а вы — держитесь. Вот таким и открываются сердца людей.

Ойниса глядела в голубые глаза Поповой и думала, что и ей, директору, сейчас очень трудно. И она решительно сказала:

— Будут швеи, Анна Николаевна — всю махаллю подниму.

Провожая Попову, она вышла вместе с ней во двор фабрики. Через проходную уже сплошным потоком шли работницы. Портнихи здоровались с Поповой и Ойнисой.

Анна Николаевна негромко сказала Ойнисе:

— У каждой свои тревоги и печали. Почти у всех мужья и сыновья на фронте. Каждая теперь работает за двоих, а будет еще труднее. Вот об этом, Ойнисахон, расскажите женщинам в махалле.

— Обязательно.

— Как дела у Эргаша?

— Алиджан был прав,— скорбно сказала Ойниса.— Эргаш уходит на фронт добровольцем. Дети о матерях теперь не думают...

— Да, дети теперь думают о Родине. Теперь мать и Родина — это одно. В газетах так и пишут: Родина-мать!

— Да, я читала...

— А что пишет Алиджан-ака?

— Пока ничего не получила.

Анна Николаевна помолчала.

— Пойду я, дел куча. В перерыв прочитаю приказ вашим женщинам, все вместе обсудим, как лучше провести переоборудование.

Когда Ойниса возвратилась в цех, он был полон женщин. Портнихи устраивались на своих рабочих местах, разговаривали. Ждали гудка. Вскоре он, упругий и басо-

витый, зазвучал и растекся по всем цехам, возвестив о начале новой смены.

Разговоры стихли. Цех наполнился мерным гулом моторов и стрекотом челноков и иголок.

Ойниса, глядя на портных, думала о том, что скоро в их руках уже будут не цветные, радующие глаз, ткани, а строгая зеленая материя. Шить военную форму будет куда труднее. Появятся новички. Много возникнет трудностей. И все придется решать ей — Ойнисе.

Она подошла к пустующему рабочему месту Рахматуллиной, спросила ее соседку Санобар:

— Где Зина?

— Не знаю. Может быть, придет еще. А если нет, зайду к ней домой после работы, узнаю.

Ойнисе припомнилась жизнь Зины Рахматуллиной... Три года назад девушка пришла на фабрику с путевкой райкома комсомола. Худенькая, стройная, очень милостивая девушка. За год отлично овладела профессией швеи, стала мотористкой. Аккуратная, чуткая и добрая, она всем пришлась по душе. Скоро Зина стала бригадиром. Замуж вышла за механика фабрики Эркина. Все девушки втайне завидовали Зине, легко и счастливо складывалась у нее жизнь. Эркин был видный парень — золотые руки, на фабрике к нему всеобщее уважение. Он быстро умел найти неисправность и устранить ее, дорожил временем и трудом людей, а работницы дорожили им. Всем был хорош механик: и знаниями, и умом, и внешностью. Поэтому все и считали Зину счастливой.

«Что с ней могло случиться сегодня? Может, она вышла уже на новое место, о котором говорила Анна Николаевна? И что это за место?» — думала Ойниса.

Она опять наклонилась к Санобар:

— А Эркина ты сегодня видела?

— Нет.

— Может быть, его в армию призвали?

— Не знаю.

Если бы Зина исчезла в конце дня, ее можно было бы найти в мастерской Эркина. Закончив свою смену, она приходила к нему и смотрела, как он работает. У него всегда было много срочных заказов. Приходилось надолго задерживаться. Не бросишь ведь работу, когда у кого-то дело стоит из-за какой-нибудь шестеренки. Вот в такие вечера Зина садилась рядом на стул, а Эркин

вытачивал нужные детали. Частенько он подзывал ее к себе и показывал, как надо сверлить, обтачивать металл. После того как началась война, он не раз говорил ей:

— Учись, учись, уйду на фронт — меня заменишь.

Зина, скрывая боль, задорно отвечала:

— А я не пушу тебя на фронт! Не пушу — и все!

Знала — призвать могут в любой час. Он уже служил в армии, на Халхин-Голе воевал. Был ранен в голову. Чуть выше виска у него шрам.

Недавно Эркина вызывали на комиссию в военкомат и признали годным. К тому же военная специальность у него была какая-то очень редкая. Но какая — он даже жене не говорил, все отшучивался: «Военная тайна». И вообще, он ее не во все посвящал. Иногда подолгу сидел над какими-то чертежами, забывая о молодой жене. Зина пробовала обижаться на него за «невнимательность». Но ничего не получалось — любила его за это еще сильнее: ведь Эркин был для нее не только самый красивый, но и самый умный.

Обо всем этом Зина рассказывала Ойнисе, к которой она питала безграничное доверие — многим в жизни она обязана именно ей.

В двенадцать часов гудок возвестил начало обеденного перерыва. Женщины одна за другой поднимались со своих мест, разминали затекшие спины и руки. В цех вошла Попова с Зиной Рахматуллиной.

Попова подняла руку:

— Товарищи, я задержу вас на несколько минут.

Она смотрела на работниц, как всегда, приветливо улыбаясь. Рахматуллина же выглядела совсем иначе: глаза заплаканные, опухшие, лицо бледное. Куда делась былая жизнерадостность.

— Наш механик Эркин уходит на фронт, — сказала Анна Николаевна. — Вместо него останется Зина. Конечно, ей будет трудно сначала, но мы поможем. Второе, ваш цех переводится на пошив военного обмундирования. Новый заказ начнете выполнять с завтрашнего дня. Будем одновременно работать и реконструировать цех. Вот все, что я хотела вам сказать. Теперь обедайте, приятного аппетита. А Ойниса и Зина, пожалуйста, останьтесь.

Женщины потянулись к выходу.

— Война разгорается, — сказала своим собеседницам Попова, — теперь на производстве женщинам придется

заменять мужчин... Вам, Ойнисахон, вместо Зины бригадиром надо поставить Санобар — она справится.

Ойниса утвердительно кивнула. Попова продолжала:

— И еще одно важное дело. Сегодня в Ташкент прибудет первый эшелон с эвакуированными. Мы должны встретить их на вокзале. Едут старики, женщины, дети из фронтовых районов. Нам нужно их приютить, обеспечить работой. Надо, чтобы они почувствовали себя среди близких людей. Им пришлось много пережить, война лишила их крова, у многих погибли родственники и дети.

— Я возьму одну семью,— сказала Ойниса.

— И я,— подхватила Зина.— Мне без Эркинджана теперь домой страшно заходить. Умру от одиночества. Хорошо, если бы нашлись две молодые девушки моих лет.

— Вот и отлично!— одобрила Попова.

После ухода директора Ойниса в столовую не пошла. Есть не хотелось, угнетала жара. Подойдя к бачку, Ойниса нацедила воды в жестяную кружку. Вода была теплая, пахла хлоркой.

Остаток дня Ойниса получала на складе новые машины, перетаскивала их со своими женщинами в цех. К вечеру, едва держась на ногах, пришла в свой пустой дом. Одиночество давило. «Уж скорей бы приехали эвакуированные. Дом оживет»,— подумала Ойниса и стала собираться на вокзал.

Глава десятая

ТРОПИНКИ ЖИЗНИ

Все мечты и думы Гульназ были о Юлдаше. Она постоянно видела его во сне, слышала его голос. Ей теперь были понятны слова Навои: «Воистину, всегда со мной твой голос...»

От Юлдаша пришло одно письмо. Два дня он был в Москве, а теперь — в Подмосковье, на летных курсах. Юлдаш сообщил номер полевой почты.

Трижды писала Гульназ по этому адресу, но в ответ — ни письма, ни телефонного звонка, ни телеграммы.

Стояли томительные долгие дни, в пять часов уже

расцветало. Гульназ мучилась в догадках: заболел, разбился, ушел в действующую армию?

Дадавай-ака еще в день отъезда Юлдаша был вызван в Республиканский военный комиссариат, потом в горком. Назначили начальником строительства завода, который будет эвакуирован с запада.

Теперь он редко бывал дома.

Вчера приехал ночью. Гульназ услышала шум мотора, выбежала навстречу. Лобар даже не проснулась. Гульназ накормила отца, напоила чаем. С болью смотрела на его бледное, осунувшееся лицо, углубившиеся морщины. А он рассказывал:

— Площадку для завода уже расчистили, роем траншеи под фундамент. Я предложил не только восстановить завод в том виде, каким он был на старом месте, а сразу же расширить и усовершенствовать производство. Раз стронулись с места, нужно воспользоваться этим, сделать все по последнему слову техники.

К жене Дадавай-ака не пошел. Лег спать на супе под виноградником. Поднялся ни свет ни заря. Даже не позавтракал. Гульназ убрала его постель. Потом села писать Юлдашу. Рассказала о делах в своей поликлинике, о работе отца. Не написала только о Лобар. В последнее время она и Назик вдруг воспылали взаимной любовью. Куда-то исчезают, возвращаются веселые поздно вечером. Гульназ скрывала это не только от Юлдаша, но и от отца. Решила сама все высказать маме, пристыдить ее. Лобар и вчера возвратилась поздно. Полагая, что Гульназ спит, на цыпочках проскользнула в свою комнату. Гульназ все видела, ей показалось, что Лобар слегка пошатывалась.

Гульназ вложила письмо в конверт, написала адрес.

Во дворе мычала корова, кудахтали голодные куры. А хозяйка их беззаботно храпела.

Гульназ подошла к окну, постучала. Лобар не ответила. Гульназ постучала громче. Послышалось кряхтение. Из комнаты вышла мачеха. Заспанная, с помятым отекившим лицом, какая-то оглушенная. Медленно потащилась в коровник.

Гульназ сказала:

— Умойтесь, легче будет.

— Мое лицо ангелы вымоют,— огрызнулась Лобар. Ей, видно, было тошно после вчерашней гулянки. При-

сев над арыком, она лила пригоршнями воду на затылок. Но это не помогало. Со стоном Лобар повалилась на траву. Гульназ подошла, с презрением посмотрела на распластавшуюся в неприличной позе, страдающую от похмелья, мачеху.

— Не стыдно?

— Иди, иди,— зло отозвалась Лобар.

— Совсем с пути сбились,— как можно спокойнее продолжала Гульназ.— Муж — всеми уважаемый человек, а вы что творите? Имейте в виду, я терпела ваши спекуляции-махинации, а с пьянством мириться не стану!

— Не мирись, пожалуйста, скатертью дорога!

— Хотите, чтобы я ушла и развязала вам руки? Ошибаетесь, не бывать этому! Я вас на чистую воду выведу. Не одна я вижу, чем вы занимаетесь.

Лобар струхнула. Чтобы сменить тему разговора, спросила:

— Папа приходил?

— Приходил. И своими глазами все видел.— Гульназ не упустила возможности еще больше припугнуть мачеху.— Хоть бы его не позорили!

— Ну хватит!— обозлилась Лобар.— Яйца курицу не учат. Дочь матери — такие слова! Или конец света настал?

— Да, для вас конец света! Конец похождениям вашим. И я, и папа положим этому конец.

Лобар зло сощурилась:

— Может быть, твой папа мне развод даст! Да я хоть сейчас готова от вас обоих избавиться! Пожалуйста, не испугаешь! Одна проживу!

— Как вы будете жить одна — дело ваше, а наш дом и отца позорить вам не позволю! Запомните это!

Лобар хотела было двинуться на Гульназ, но остановилась.

— Вот так!— сказала Гульназ, подводя итог разговору и как бы фиксируя свою победу.

Она пошла на веранду, завернула белый рабочий халат в газету и стремительно вышла со двора.

Придя в свою поликлинику, Гульназ распахнула окно, проветрила кабинет, надела халат. Сказала сестре:

— Нина, вызывайте больных, начнем...

К полудню прием закончился. Гульназ уже собралась идти на квартирный обход закрепленного за ней участка, когда в кабинет вошел полный, крупный мужчина.

— Главный врач к вам послал,— тихо пояснила сестра и шепотом добавила:— Велел бюллетень выписать.

Гульназ надела халат, пригласила больного.

— Садитесь... На что жалуетесь?

Мужчина показал могучей рукой на грудь:

— Сердце.

— Давайте, я послушаю.

Гульназ проверила пульс. Приложила стетоскоп к груди пациента. Тоны сердца были чистые, ровные, в легких тоже не было посторонних шумов.

-- Одевайтесь,— сухо сказала Гульназ.— Вы совершенно здоровы.

— Уважаемая, очень прошу вас. Я из тридцатого магазина...

Гульназ оборвала его.

— Никаких просьб. Вы здоровы.

— Ах вот как?— заискивающая улыбка слетела с лоснящегося лица.— Ладно, будете иметь дело с главным врачом.

Как только он вышел, в кабинет впорхнула Нина.

— Прогнали? Не выписали бюллетень?

— Здоровому человеку?

— Вы новенькая и плохо знаете Зулунбека Аманбековича...

Она не успела договорить — в комнату быстро вошел главврач.

— Выйдите,— коротко сказал он сестре.

Главврач едва сдерживал ярость. Прищурился, спросил:

— Вы почему не выполнили мой приказ?

Гульназ поняла, что для нее настала решительная минута. Или она подчинится Аманбекову и затем покорно станет выполнять все его прихоти, или же наберется смелости и скажет, что ни в каких махинациях, позорящих звание врача, она участвовать не будет.

— Я фальшивых бюллетеней выписывать не буду!— коротко сказала Гульназ.

Аманбеков не ожидал такого решительного отбора от молодого врача. Он быстро смекнул, что нахрапом здесь не возьмешь. Девчонка, чего доброго, может поставить вопрос официально, еще начальству пожалуется. Быстро переменяв тон, главный подошел с другой стороны:

— Вы что, Гульназхон, разве так поступают? Нам придется долго работать вместе. Мы должны поддерживать авторитет друг друга. К тому же мы почти родственники. Я брат вашей тети Назик. Ваша матушка Лобархон — ее подруга. Она часто бывает у моей сестры, мы отдыхаем вместе. Разве она об этом не говорила вам?

«Так вот с кем проводит время мачеха!» — догадалась Гульназ. Она знала, что Лобар ходит на гулянки к легкомысленной Назик. Но что в этой компании развлекается и ее главврач, она никак не могла предполагать.

Гульназ с отвращением посмотрела на Аманбекова и, чтобы сгоряча не наговорить ему дерзостей, шагнула к двери.

Аманбеков встал на ее пути. Вынул из кармана бланк бюллетеня и, протянув ей, холодно приказал:

— Подпишите.

Гульназ не шелохнулась.

— Я для вас главврач или нет?

Она сдержанно произнесла:

— Я опаздываю к больным.

И, обойдя Аманбекова, вышла в коридор.

На улице ее догнала Нина.

— Можно я пойду на обход вместе с вами? — Она смотрела на Гульназ восхищенными глазами. — Здорово отбрили вы Аманбекова! И правильно сделали. Уступили бы раз — потом не отвязался.

— Избавилась? — весело спросила Гульназ.

Нина, хорошо знавшая повадки главврача, ответила:

— Ждите от него теперь пакостей.

Гульназ, вздохнув, сказала:

— Когда переведутся плохие люди на земле?

Девушка ничего не ответила, только пожала плечами.

Глава одиннадцатая

ВСТРЕЧА

Ойниса с трудом выбралась из переполненного трамвая. На привокзальной площади было так же тесно, как и в вагоне: народ заполнил и площадь, и прилегающие к ней улицы. Мерный гул витал над толпой.

Ойниса не знала, куда идти, где искать своих фабричных женщин.

Стемнело. Людей не стало видно под тусклыми пятнами лампочек, окаймляющих площадь. Два прожектора рассекали темноту. В полосах света были видны только головы — тюбетейки, кепки, косы, чалмы, лысины, военные фуражки.

У здания вокзала стояла освещенная трибуна, сбитая из свежих досок, обтянутых красной материей.

Ойниса пробиралась ближе к трибуне. Люди стояли плотно, гул не затихал ни на минуту. Вдруг кто-то крикнул:

— Ойниса, мы здесь!

Она обернулась, увидела Кумри, которая с ребенком на руках удобно устроилась на арбе, застланной одеялом. Муж Кумри, Салим, держал под уздцы запряженную в арбу лошадь и, вытягивая шею, старался разглядеть, что происходит на трибуне.

Ойниса протиснулась к арбе. Кумри заговорила сверху:

— Я заходила к вам, стучала, но вы, наверное, были на работе. А мой,— она кивнула на мужа,— подождать не хотел. Разберут, говорит, всех гостей, пока мы ждать будем. И правда. Когда мы приехали, народу было видимо-невидимо, собака хозяина не найдет. Тех, кто прибыл до обеда, уже разобрали. Скоро еще один эшелон подойдет. Вы не слыхали, когда он прибывает?

— Нет, не знаю,— рассеянно ответила Ойниса. Она все смотрела по сторонам, отыскивая своих, фабричных.— Значит, вы тоже решили приютить приезжих?

— Это все он: возьмем да возьмем. Мне со своим ребенком трудно, а этот человек заладил: одну семью взять обязательно надо.

Слова жены, видимо, задела усача-арбакеша. Повернувшись к ней, он весело сказал:

— Эй, перепелочка, хватит щебетать, вон уже товарищ Ахунбабаев прибыл.

На трибуне действительно появились люди. Все взгляды устремились на человека с бородкой, выделявшегося высоким ростом. На нем была чувская тубейка и белый китель. Все знали — это Юлдаш Ахунбабаев.

— Да, Юлдаш-ата прибыл,— подтвердила Кумри.— Может быть, поезд пришел? Не подвинуться ли нам поближе?

— Не беспокойся, соловушка, как прибудет, загудит, мы сразу узнаем,— сказал Салим.

Кумри разглядывала стоящих на трибуне, потом вдруг крикнула:

— Ойниса! Я вижу вашего тестя!

— Где он? Где?

— Да там, на почетном месте. Рядом с Ахунбабаевым.

Ойниса поднялась на арбу и увидела деда Кулдаша. Он в самом деле стоял справа от Ахунбабаева, сиял в свете прожектора своей белой бородкой.

— И правда,— с радостным удивлением сказала Ойниса. Она вчера вечером была у тестя, но тот не говорил, что будет здесь.

Тесть однажды рассказывал, как в далекие годы, когда был еще мирабом, много раз встречался с Юлдашем Ахунбабаевым, сжививал с ним за дастарханом. Юлдаш-ака приходил и в его сад. Значит, опять вспомнил о Кулдаше. О чем они там разговаривают? Уж не выступать ли наш отец собрался?

Недалеко от трибуны Ойниса вдруг увидела своих: Анну Николаевну, Зину и других женщин. Ойниса спустилась с арбы и стала пробираться к ним.

Попова сказала:

— Ваш тесть приехал на машине вместе с Ахунбабаевым. Юлдаш-ака помогал ему войти на трибуну, знакомил со всеми...

Дед Кулдаш что-то говорил Ахунбабаеву. Председатель Президиума Верховного Совета республики, наклонясь к деду, внимательно слушал и, улыбаясь, кивал головой.

Вдруг толпа качнулась, раздалась.

— Дайте дорогу. Позвольте пройти!— громко повторял кто-то.

Ойниса разглядела: шли музыканты. Над головами плыли дутар, тамбур, гиджак, бубен и флейта. За музыкантами, опекаемый заботливыми сопровождающими, шагал высокий человек в дорогом парчовом чапане. Люди зашептали:

— Туйчи-ака... Ташмухамедов пришел.

Увидев знаменитого певца, Ахунбабаев приветливо закивал ему, заулыбался. Пригласил жестом — поднимайтесь сюда.

Туйчи-ака шагал степенно, не торопясь, с достоинством. Рядом с ним семенил низенький, толстенький человек с рябоватым лицом. Ташмухамедов подбадривал его:

— Не отставай, Тарок.

Это был любимец публики Абдулла Тарок, певец и шутник.

В это время к трибуне подкатил черный блестящий «бюик». Из машины вышел Первый секретарь ЦК Усман Юсупов.

Он поздоровался с артистами — с одним за руку, других по-приятельски похлопал по плечу. Подойдя к деду Кулдашу, секретарь вопросительно глянул на Ахунбабаева.

— Кулдаш-бобо,— представил деда Ахунбабаев.— Искусный мастер мираб. Один из уважаемых старейшин нашего города.

Ойниса увидела, как Юсупов пристально посмотрел на деда Кулдаша, потом распахнул для традиционного приветствия объятия и бережно обнял старика. У Ойнисы слезы набежали на глаза от счастья и гордости за своего тестя. Уловив состояние подруги, Анна Николаевна сжала ей руку.

— Вон как приветствуют вашего отца! Эх, надо было привезти бабушку Рисолат — полюбовалась бы своим мужем!

Ойниса с сожалением сказала:

— Закружилась я с делами, не подумала о ней.

Худошавый железнодорожник в красной фуражке проворно взлетел на трибуну и о чем-то доложил Ахунбабаеву. На трибуне задвигались, плотнее подошли к переднему барьеру.

Ахунбабаев постучал по микрофону. Шум на площади постепенно угас.

— Товарищи! Друзья! Братья и сестры!

Голос председателя немного дрожал от волнения.

— В наш Ташкент только что прибыл эшелон эвакуированных. Сегодня это уже второй эшелон. В первом было полторы тысячи людей. Сейчас будем встречать второй эшелон. В нем прибыли отцы, матери и дети наших богатырей, которые сражаются, защищая страну. Раскроем же широко наши объятия и двери наших домов. Примем пострадавших людей радушно. Мы, несомненно, победим врагов — наше дело правое. Сегодняшние тяжелые дни забудутся. Но наше братство, наша бесценная дружба сохранятся навсегда. Воин испытывается в бою, друг — в горе, человек — в трудностях. Пусть наши богатыри на поле битвы истребляют врагов, — мы с вами здесь будем для них надежной опорой!

Репродукторы во всех концах площади повторяли проникновенные слова Ахунбабаева. Люди были тронуты его бесхитростной простой речью.

— Поезд приближается, — продолжал Ахунбабаев. — Пока он подойдет, вам хочет сказать слово уважаемый наш ташкентский аксакал Кулдаш-бобо. Пожалуй-ста, Кулдаш-ата.

Старик начал было говорить, но его не слышали — далеко стоял от микрофона. Усман Юсупов что-то под-сказал деду. Кулдаш придвинулся ближе к микрофону.

— Соотечественники мои, наш уважаемый Юлдаш-ака Ахунбабаев правильно сказал: человек познается в трудностях. Это верно. Он, как сталь, закаляется в огне. Война будет проверкой нашей силы, терпения, выносливости и любви. Но мы не стоим перед этим испытанием, как перед неизвестностью. Мы все уверены: одолеем врага! А нашим родным, которые приезжают издалека, мы приготовим, как полагается для гостей, самые удобные и почетные места. Все мы дети одного отечества, у нас и радость и беда общие, как говорится: высыпется из-за пазухи, попадет в голенище. Вот и мы с женой расстелили ковры, накрыли курпачами супу, ждем гостей. Наш дастархан разостлан. Всем, что есть, поделимся. Добро пожаловать!

Словам старика захлопали сначала Юсупов и Ахунбабаев, за ними — вся площадь. Дед Кулдаш, дождавшись тишины, продолжал:

— Может быть, вам интересно узнать, кто этот старик, говорящий с вами с такой почетной трибуны? Я отец. Потерял своих детей на войнах. Пережил многое. Теперь вот проводил на фронт внуков. Недавно отправил внука Юлдаша. На днях уезжает внук Эргашбай.— Дед Кулдаш повернулся вдруг к Ахунбабаеву:— Эргаш был агрономом в колхозе. Его на фронт не пускали. Но он сам не захотел в тылу оставаться. Надо же родиться таким упрямым!

Эти слова и на трибуне, и на площади вызвали смех. Пошутив, дед Кулдаш закончил:

— Да возвратятся наши сыновья с победой, живые и здоровые! Да сгорит дом поганого Гитлера! Пусть здравствует всем на счастье родная Советская власть!

Ойниса была поражена: тесть-старик, с утра до ночи взившийся на своем клочке земли на берегу Кичкирика, вдруг сказал такую складную и горячую речь. «Наверное, его Ахунбабаев подготовил»,— подумала Ойниса. Но видя, как с удовольствием бьют в ладоши и Ахунбабаев и Юсупов, решила: «Нет, все это он сам, от чистого сердца».

Ахунбабаев поднял руку.

— Братья, давайте встретим гостей организованно. На вокзале созданы специальные места, где вы можете ознакомиться со списками. Тот, кто захочет взять приезжих в свою семью, должен сказать об этом товарищу, у которого списки, сообщить ему свой адрес, место работы. Пожалуйста, внимательно оформляйте документы, чтобы не было путаницы и не получилось, как в пословице: собрался брови красить, да глаз выколол...

Одобрительный гул прокатился по площади.

— Ну что же, приступим без долгих разговоров к делу,— сказал председатель.

Все, кто был на трибуне, стали спускаться. На помосте остались только музыканты. Они подняли инструменты и грянули.

А на перроне люди во все глаза смотрели на приближающийся поезд. Вот уже показался яркий огненный круг — прожектор паровоза. Вскоре он тяжело прокатился мимо перрона, огромный, горячий, отфырки-

вающийся. Замелькали вагоны с тусклыми окнами. В дверях, за фигурами проводников виднелись бледные лица людей с настоженными глазами.

Из репродукторов, словно успокаивая приезжих, лилась задушевная песня. Проникновенный голос Туйчи Ташмухамедова пел:

«Черноглазая, яви же, наконец, мне милосердие свое...»

И хоть была эта газель Навои создана пять веков назад, говорила она о том, что было на сердце у людей сегодня: о любви и разлуке, о благородстве и счастье.

Поезд остановился. Те, кто стоял поближе, стали помогать приезжим спуститься на перрон, принимали их узлы, чемоданы, корзины. Многолюдье ошеломило гостей. Ойниса видела, как замерла в дверях вагона старушка с черными провалившимися глазами, как судорожно прижимала к себе узелок худенькая девочка, как растерянно озирался старик с котомкой за плечами. Они ехали сюда, в полную неизвестность, предвидя голод и скитания — и вдруг эта тянущая к ним руки толпа.

Как только эвакуированные вышли на перрон, песня прервалась. Раздался спокойный голос Ахунбабаева:

— Дорогие гости! Уважаемые наши братья и сестры! Все замерли, слушая радио:

— Вы приехали не на чужбину, вы прибыли в свой дом, в Советский Узбекистан. Мы открываем вам свои объятия, как самым близким. Все, кто встречает вас, кто стоит сейчас рядом с вами, — это ваши братья и сестры. Я от имени жителей нашей солнечной республики приветствую вас. Знакомьтесь с ташкентцами. Не стесняйтесь. Сейчас наши представители сообщат вам адреса, где вы будете жить. Мы сделаем все, чтобы вам было хорошо. Будем вместе работать. Узбекский народ, по древнему своему обычаю приложив руку к сердцу, говорит: «Добро пожаловать, дорогие гости!»

Хоть и просил Ахунбабаев о порядке, у столов со списками началась давка.

Ойниса устала за день, к тому же не ела, а тут еще переволновалась — у нее закружилась голова. Отойдя в сторонку, она прислонилась к стене, закрыла глаза.

Стояла ночь. Ташкентцы уводили гостей с вокзала. Грузили их пожитки на арбы, машины, тележки. Боль-

шинство шло к трамваям, которые в эту ночь сошлись к вокзалу со всех концов города.

К рассвету площадь опустела, у столов стало свободнее. Ойниса подошла к ближнему, за которым сидел пожилой мужчина. Неподалеку расположилась на узлах усталая женщина с двумя девочками.

Ойниса попросила мужчину:

— Дайте мне одну семью.

— У вас есть документы?

— Есть.— Ойниса показала паспорт и справку с фабрики.

Посмотрев бумаги, мужчина взглянул на Ойнису и приветливо сказал:

— Очень хорошо. Сейчас я вас познакомлю,— он обратился к женщине с детьми:— Прошу вас. Знакомьтесь. Нонна Матвеевна Глушко, жена командира Вадима Петровича Глушко. Девочек зовут Ирина и Александра. Вас приглашает Ойниса-апа, это значит — тетя Ойниса. Она начальник цеха на швейной фабрике «Красная заря».

Ойниса и Нонна Матвеевна пожали друг другу руки.

Ойниса — крепко, порывисто, Глушко — устало. Женщина была явно подавлена.

Ойниса повела гостей к трамваю.

Люди, еще несколько минут назад не знавшие о существовании друг друга, ехали начинать новую жизнь.

Глава двенадцатая

С Е М Ь Я

Дед Кулдаш показал русскому мальчику садовые ножницы и медленно, по слогам, произнес:

— Гуль-кай-чи.

Мальчик, худой и длинный, похожий на подсолнух, повторил:

— Гуль-кай-чи.

Только «к» произнес немного мягче; чем следовало, а в целом получилось правильно. Дед с удивлением посмотрел на паренька: вчера он, наверное, даже и не знал о существовании узбекского языка, и вот, скажите, пожалуйста, выговаривает слова, как всякий узбекский мальчишка. Не сдержал восторга старик, сообщил бабке:

— Слышь, мать, лопочет! Смышленный, видно, малый!

Бабушка добро глянула на мальчика поверх очков:

— Имя-то свое он запомнил? Почаще называйте его по имени.—Понизив голос и умышленно глядя в сторону, бабка позвала:— Сирожиддин.

Мальчик тут же повернулся к ней.

— Молодец!—Дед похлопал Сергея по плечу и сказал жене:— Вот видишь, очень толковый. Спроси-ка, может быть, у него бабка тоже учительницей была?

— Почему бабка?— пошутила жена.—У него бабушка действительно учительница. Теперь я его бабушка, а он мой внук.

— Ты верна себе!—весело воскликнул дед, отмечая находчивость старухи, которая никогда не лезла за словом в карман.

— Заверни-ка нам полотенце и мыло. После базара мы с Сирожиддином в бане помоемся. К мастеру Усману свожу его, пусть обреет наголо. Что скажешь на это, Сирожиддин?

Из всего сказанного дедом Сергей понял только слово «базар». Это было интересно, и мальчик с готовностью отозвался:

— Хорошо!

— Ну и молодец, все понимает!—опять удивился дед. Затем, кивнув на ишака, пасшегося в клевере, спросил:— Сирожиддин, оседлать сумеешь?

Проследив за взором старика, мальчик вприпрыжку побежал на клеверное поле.

А дед принялся досказывать старухе события минувшего дня:

— Как ни просил я Ахунбабаева дать нам гостей побольше—не дал. Говорит: «Трудно вам будет. Возьмите пока одного мальчика. Зовут его Сергей, сын Ивана, ему одиннадцать лет». Пожалел нас. Народишу было там — уйма. Я даже Ойнису не увидел. Она, наверное, тоже взяла себе приезжих. Вечерком схожу к ней, как ты думаешь?

— Надо сходить. И Сирожиддина возьмите, пусть познакомится с новой родней.

— Возьму непременно. Его надо отвлекать от печальных мыслей.

— Устанете вы после базара и бани. Может быть, Ойниса сама придет?

— Прийти-то придет,—задумчиво почесывая бороду, сказал старик.—Но ей к нам бежать—не ближний свет. У нее забот сейчас полно: и работа, и о Юлдаше сердце болит, и Эргаша проводить готовится. Не до нас бедняжке, лучше я сам схожу.

А Сергей тем временем оседлал ишака. Дед неодобрительно покачал головой: седло съехало набок, подпруга не затянута как следует. Мальчик уловил недовольство деда, быстро прыгнул, поправил седло, подтянул ремень. Ишак запрядал длинными ушами и вдруг, со свистом глотнув воздуха, завопил. Мальчик, никогда не слыхавший такого невероятного крика, сначала испуганно отскочил от животного. Когда ишак успокоился, Сергей захохотал. Дед Кулдаш смеялся вместе с внуком.

Потом они начали грузить на ишака ведра, корзины, переметные сумы. Помогая деду, мальчик вопросительно посматривал: не хватит ли? Старик посмеивался:

— Клади, клади, он сильнющий и хитрый. Недаром верно служил Ходже Насреддину!

Дед подхватил мальчика под мышки и посадил в седло.

— Вот так! Держись, не упади. Ну-ка, животинка—хих! Хээ!

К удивлению паренька, ишачок довольно быстро зашагал.

Бабка задержала их у калитки. Поманила мальчика и надела ему на голову стираную, но еще довольно яркую тюбетейку.

— Чтоб солнцем ему голову не нагрело. Непривычный он к нашей жаре.

Тюбетейка была великовата, съезжала на глаза. Сережа натянул ее поплотнее и сказал:

— Спасибо, бабушка.

— Рахмат тебе говорит!— тут же перевел дед Кулдаш.— Воспитанный мальчик. Когда встретимся с Ойнисой, надо будет расспросить его, какого он роду-племени. Ойниса нам переведет.

— Не опаздывайте на обед, я приготовлю для него атала!—сказала бабушка.

На улице Сергей то и дело понукал ишака, дед едва поспевал за ним.

— Эй, потише! Не угонюсь за тобой...

Бабушка Рисолат, занимаясь домашними делами, думала о своем. Что-то не идут ни Ойниса, ни Гульназ. Все соседи и близкие побывали, поздравили, посмотрели на приемыша. А тех, кого ждала с нетерпением, все нет. Конечно, они заняты, может, и сами взяли эвакуированных. Но все же нельзя забывать стариков. Бабка и раньше не могла и двух дней прожить, чтоб не повидать свою любимую невестку Ойнису, а теперь еще привязалась к Гульназ и тосковала о ней. Очень она напоминала Ойнису в молодости: и внешностью, и уважительностью к старшим, и добрым сердечком—ну вылитая Ойниса!

Старушка подметала двор, когда кто-то, неслышно подкравшись сзади, внезапно обнял ее и закрыл ладонями глаза. Старуха с притворным испугом ахнула, но сама-то сразу узнала по нежным пальцам: Гульназ! «Легка на помине»,— радостно подумала она, но вслух закричала:

— Ой, кто же это! Не пугайте, пожалуйста. Ну, кто же это может быть? Вроде свои меня позабыли, никто не приходит. А кто из чужих—не угадаю!

Гульназ отпустила ладони, обняв старуху, весело сказала:

— Это я, бабуля! И сколько бы меня ни ругали, будете правы.

— До чего же перепугала меня?— с напускной строгостью заворчала старуха.— Где же ты пропадала? Сердце, наверное, у тебя каменное. Не думаешь о том, что бабушка тоскует! Вот умру когда-нибудь, и знать не будешь. Придешь, а бабки нет—схоронили давно.

— Бабуля, милая, какие страшные слова вы говорите! Нельзя так. Я очень о вас скучала. Честно говорю, бабуля.

— Ишь, заладила—бабуля, бабуля! Поешь сладко, а поступаешь гадко. Ну жили бы далеко, тогда уж другое дело, а то ведь птицы в нашем саду с вашими перекликаются!

Гульназ развернула сверток, раскинула шелковую косынку и опустила ее на плечи бабушки:

— Ох, и идет же вам! Ну просто прелесть.

— Возьми свою косынку, не буду я ее носить,— продолжала свою роль бабушка, но косынку не сняла.

Девушка приняла игру. Она подвела старуху к супе, постелила ей курпачу на почетном месте, усадила и,

встав перед ней в почтительной позе, со сложенными на груди руками, сказала:

— Вы гость, я хозяйка! Приказывайте, что вам приготовить, чем ублажить вашу душеньку: приятными беседами или вкусными яствами?

Любуясь красавицей-внучкой, бабка глядела на нее поперх очков. Но продолжала все еще строгим тоном:

— В передней, в кувшинчике, куртава, принеси, прохладимся.

Гульназ вытянула руки по швам, отдала честь, как солдат, и отпраповала:

— Есть, товарищ командир!

Бабка весело рассмеялась.

Внучка принесла глиняный кувшин, наполнила две пиалушки, подхватив одну из них, с почтительным и изящным поклоном протянула бабушке:

— Прошу вас, пейте, пожалуйста!

Гульназ и сама выпила куртавы — вкусного холодного напитка.

— Чудесная куртава!

— Была бы плоха, разве я предложила бы! Садись поближе.

Гульназ не двинулась, показала глазами на книги, стоявшие в нише.

— Ах вон чего твоей душеньке угодно!—понимающе сказала бабушка и тут же продекламировала:—«Ушел любимый, оставив сладкую негу в сердце моем...»

Гульназ покраснела и тихо попросила:

— Ну, пожалуйста, бабушка...

— Ладно уж, неси.—Старуха знала, где и что лежит, не взглянув на книги, добавила:—Коричневую, с края.

Гульназ порхнула на веранду. Схватила нужный том. С поклоном подала книгу бабушке.

— Садись!

Девушка скользнула на курпачу, прижалась к старушке.

— Отодвинься, я тебе не Юлдашбай!—строго сказала старая, и когда Гульназ, так и полыхнув алым румянцем, хотела отпрянуть, бабка удержала ее, прижала к груди и поцеловала в опущенные веки.

— Ну не смущайся, это я так—любя. Что же тебе прочитать? Может быть, газели Машраба? Ты слышала о них?

— Да.

— Ну, если слышала, открой наугад. И те стихи, которые увидим, пусть будут посланием Юлдаша к Гульназ.

Девушка вздохнула:

— Ой, страшно, вдруг в них что-нибудь печальное.

Гульназ раскрыла книгу. Бабушка некоторое время, шевеля губами, читала про себя, потом откашлялась и стала декламировать:

Мой нежный росток, благодать души моей, где ты?
Так и не раскрылся любви твоей бутон, где ты?

Гульназ, слушая стихи, удивлялась: «Какое поразительное совпадение! Эти слова будто из уст Юлдаша».

Уже сколько тягостных дней жажду видеть тебя.
Ах, милая, далекая и близкая всегда, где ты?

Старуха читала в забытой теперь старинной манере: нараспев, без резких повышений голоса. Слова лились свободно и мягко. Это была не песня и не декламация, а какой-то просто задушевный и в то же время торжественный и праздничный разговор о высоких чувствах, которые поднимают человека над всем земным и вводят его в светлый храм любви и благородства.

Глаза мои слепнут в пустыне печали.
Может быть, ты уже близко, а я лишь не вижу, где ты?

Гульназ не дослушала газели, слезы потекли по ее щекам, она ткнулась в колени старухи и разрыдалась.

Бабушка гладила ее по голове, тихо, будто продолжая читать стихи, говорила:

— Не плачь, милая, не надо. Ты очень счастливая. Судьба послала тебе большую, настоящую любовь. Это дано не каждому. Вставай, глупенькая, не плачь! Не горечь, а радость носишь ты в своем сердце.

Гульназ вытерла слезы:

— Спасибо, бабушка.

— Ну вот, теперь займемся земными делами, принеси муку, масло, будем аталу готовить.

Гульназ принялась за дело, а бабушка стала спрашивать:

— Как поживает папа? Работает? Небось устает?

— Его назначили начальником строительства. Завод сюда переводят. День и ночь на работе. Похудел...

— А чем занимается Лобархон?

— Я с ней поссорилась.

— Почему?

— Долго рассказывать.

— А ты коротко.

— Ведет она себя плохо.

— Отцу не говорила?

— Жалко мне его. Пробовала сама ее постыдить— разве она послушает!

— И не надо тебе эти разговоры заводить. Совет мой таков: переезжай ко мне. Чтоб не видать этого безобразия. А Дадавай сам разберется с ней.

— Я уж думала об этом.

— Вот и хорошо: вот дом, вот сад, вот атала,—реши-тельно сказала старуха.— Переезжай. Прежде и Юлдаш любил у нас пожить, как мать отпустит — бежит сюда. И газели я ему читала. Теперь ты поживи на его месте.

— Спасибо, бабушка.

Старуха сняла очки и стала протирать. Гульназ посмотрела в ее глаза, не заслоненные толстыми стеклами, и удивилась: в них не было привычной доброты, сдерживаемый гнев кипел в зрачках. «Ей известны похождения Лобар»,—мелькнуло у Гульназ.

Около калитки послышался говор.

— Кто бы это мог быть?— Старуха с кряхтением спустилась с супы.

В дверях показалась Ойниса. Обращаясь к кому-то, стоявшему на улице, она говорила:

— Заходите, это тоже ваш дом.

Бабка протянула ей навстречу руки.

— Здравствуй, милая. Наконец-то пришла мать свою навестить. Я тут истосковалась. Да ты не одна. Пожалуй-ста, заходите. Я и гостям твоим рада!

— Привела своих новых друзей познакомиться с вами,—говорила Ойниса, обнимаясь со свекровью.

— Очень хорошо поступила. Добро пожаловать.

Во двор вошли Нонна Матвеевна Глушко и две ее дочки.

Гульназ поздоровалась с Ойнисой и гостями, провела всех на супу, постелила курпачи.

Сперва гости, а потом и хозяева разместились на супе.
— А где папа?—спросила Ойниса, оглядывая двор.

— С Сирожиддином повез на базар фрукты,— ответила старуха и, вспомнив, пояснила:—Ой, да ты еще не знаешь! У нас тоже гость приезжий—Сереза, мы его Сирожиддином зовем. Сколько ни упрашивал дед, как ни уверял, что у нас просторно,—взрослых гостей нам Ахунбабаев не дал. Говорит: трудненько нам будет. Одного Серезу разрешили взять.

Ойниса перевела гостям слова старушки.

Гульназ разливала чай и украдкой разглядывала эвакуированных.

Нонна Матвеевна невысокая, бледная, круглолицая. Темные с проседью волосы зачесаны гладко. Вокруг грустных внимательных глаз мелкая сеточка морщин. Старшей дочери Ирише лет семнадцать. Она похожа на мать. Только вздернутый носик, наверное, отцовский. Младшая Шурочка, худая и хрупкая, у нее продолговатое красивое лицо, бойкие глаза, а нос тоже отцовский—курносый, так и взлетел вверх. Она, видимо, задорная девчонка. Но сейчас ее сдерживают незнакомая обстановка, новые люди.

— Мы приехали из Киева,— рассказывала Нонна Матвеевна.— Жили на Крещатике. Так улица называется. Она в центре города. Выходит к Днепру. Каштаны на ней растут. Муж работал сменным инженером на электростанции. А я на швейной фабрике.

— Видите, мама, как удачно они здесь поселились, прямо к швее попали,— вставила Ойниса.

— Ирочка в этом году закончила десятилетку. Шура перешла в седьмой. Жили мы хорошо, дружно. Счастливее нас, думали, никого нет. И вот война. На второй день Киев уже бомбили. Граница от нас недалеко. Нам слышно было, как приближалась линия фронта. Мужу моему пришлось взрывать электростанцию, которую он строил. Терзался, прежде чем выполнил приказ. А взорвал — пошел на фронт. Нас эвакуировали. Всю дорогу эшелон бомбили немцы. Хоть и были на вагонах красные кресты, фашисты сбрасывали бомбы и расстреливали женщин и детей из пулеметов. Из нашего поезда половина людей погибла в пути. Мы, хоть и выжили, до сих пор не можем опомниться. Ехали сюда в полной растерянности, не пред-

ставляли, как жить будем. И вдруг вы нас так хорошо встретили...

Бабушка Рисолат плохо понимала по-русски. Для нее переводила Ойниса, но она часто запиналась, подыскивая нужные слова. А бабушка, видя волнение русской женщины, не хотела упустить ни единого слова и все поторапливала сноху:

— Что, что она говорит?

— Доченька, помоги,— попросила Ойниса Гульназ.

Гульназ быстро улавливала смысл слов и точно переводила их бабушке.

— Ох, бедняжки!— воскликнула старушка.— Спроси, внученька, получает ли она письма от мужа?

Гульназ перевела. Нонна Матвеевна опустила голову и тихо сказала:

— Я даже не знаю, где он находится. И он, если жив, не знает, что мы в Ташкенте. Написала я отсюда, как только приехали, письмо в Наркомат обороны, просила сообщить мне его адрес, а наш послать ему. Но ответ придет, наверное, не скоро. Сейчас много таких, как мы. В общем был бы он жив и здоров, а найдем мы друг друга непременно.

— Разлука всегда тяжела, а когда добавляется еще и неизвестность, совсем невыносима,— сказала бабушка.— Терпите, доченьки. Терпенье—желаний исполненье, говорят в народе.

Гульназ рассказала приезжим о родственниках Ойнисы, о ее сыновьях, о своем отце и о себе. Узнав, что Гульназ врач, Нонна Матвеевна обрадовалась.

— За моей младшей нужно присматривать — у нее с легкими неважно. Вот видишь, Шуручка, тетя — доктор. Постарайся ей понравиться, она тебя лечить будет.

Гульназ профессионально, как врач, присматривалась к девочке. Белки глаз синеватые, веки немного отекающие. Очень худая, ключицы и скулы обтянуты тонкой, почти прозрачной кожей. Надо немедленно ею заняться!

— Она у нас певунья!— сказала хозяевам Нонна Матвеевна.

— Спойте, Шуручка, не стесняйтесь,— попросила Гульназ.

Поняв, о чем идет разговор, попросила и бабушка:

— Пой, доченька, песня исцеляет недуги.

Девочка подумала, сдвинула брови, сосредоточилась,

потом вскинула голову и запела нежным, еще неокрепшим голоском:

Дивлюсь я на небо, да и думку гадаю...

Украинская песня вспорхнула над деревьями и будто осмотрелась в незнакомом краю.

Бабушка Рисолат, хоть и не понимала слов, сидела как зачарованная, тихо, ни к кому не обращаясь, шептала:

— Прелесть моя, до чего же ты чиста и прозрачна, да будет тебе всюду удача в жизни.

Гульназ, склонясь к Нонне Матвеевне, тоже тихо сказала:

— Замечательный голос! Постараемся ее в музыкальную школу устроить.

Скрипнула калитка, на пороге показался дед Кулдаш. Он нес четверть, наполненную не то молоком, не то кумысом. Вслед за ним шагал Сергей и тянул за уздечку ишака. И старик и мальчик были покрыты густым слоем пыли. Дед снял с ишака переметную суму, сшитую из ковровой ткани, велел Сергею отнести ее в сад. Сам же подошел к супе, поздоровался со своими, познакомился с гостями. Подавая четверть жене, сказал:

— Это коктеракский кумыс, просто сливки. И, как видишь, кстати, прямо на стол гостям. Везучие они, стало быть, люди!

Дед пошел к арыку умываться. Бабушка подала четверть Гульназ:

— Опустит в воду, пусть остынет.— Обращаясь к Нонне Матвеевне, прибавила:— Вот это исцелит вашу дочь.

Сбросив пыльный халат и освежившись, дед сел на супу, устало опустив руки, неодобрительно покачал головой.

— На базаре творится невиданное. Любую еду просто из рук вырывают. Какую цену им ни назови—дают. Люди будто из голодного царства приехали. Хотел виноград по старой цене продавать—проклятые спекулянты чуть не побили меня. Один плешивый человечиска, по морде видно—жулик, на меня натравливать стал: «Этот старик, наверное, легко добыл свой виноград, поэтому дешево просит. Надо разобраться, кто он такой!»

Сам спекулянт, а на меня тень бросить хочет! Я схватил его за шиворот, чуть к праотцам не отправил от злости, да спасибо Сирожиддин избавил от греха—повис на руке.

Гульназ перевела слова старика, и все засмеялись над его воинственностью. А дед, видимо, еще не остыл, все хорохорился:

— Подлецы нечестивые, им нет никакого дела до беды. Спекулянты пользуются войной, наживаются. Скупают овощи у колхозников и перепродают втрдорога. У меня тоже хотели все оптом взять, даже большую цену давали. чем я просил. Но я их прогнал и продал по-своему, по совести. Очередь ко мне стояла. Нет, надо что-то делать. Война только началась, а что же дальше будет?

— Верно говорите, папа,— поддержала Ойниса.— Работницы нашей фабрики уже сейчас на свой заработок детей прокормить не могут.

— Где уж там! Базарные грабители средь бела дня карманы вывернут.— Вспомнив о Сереже, дед позвал:— Сирожиддин, иди, детка, перекусим! Тоже намаялся бедный.

Сергей подошел, сел рядом с дедом, снял тюрбетаеку, открыв белую бритую голову. Дед погладил его по макушке, подал виноград и хлеб.

— Ешь, верблюжонок... А где же твоя атала, старуха?

Бабка не ответила, сидела с независимым видом.

Из кухни показалась Гульназ, она несла большое блюдо с атала.

— Ну и старушка у меня, никак ее не подковырнешь,— засмеялся дед.

Атала, зажаренная на масле, посыпанная хрустящими выжарками, всем очень понравилась—блюдо быстро опустело.

Насытившись, дед Кулдаш откинулся на спинку супы. Не торопясь, обтер платком бороду. Совсем недавно, подумал он, дом его был пуст и скучен. И вот двор полон людей. И всем этим людям нужны он и его старуха. В них теперь видят опору, ждут от них поддержки несчастные люди, слетевшиеся из дальних краев, как птицы из разоренных гнезд. Дед попросил Гульназ перевести его слова гостям:

— Раз судьба свела нас вместе, мы должны заботиться друг о друге. Я думаю так. На базар вам ходить не следует. Никаких денег там не хватит. А их у вас и так

не много, наверное. Приходите лучше сюда, к нам. У нас свой огород: есть капуста, лук, морковь. Фрукты вон в саду зреют, чего нужно и сколько нужно, рвите сами. Бог даст, всем нам хватит.

Нонна Матвеевна чуть не заплакала. День прошел— а сколько у нее и дочерей появилось родни! Какие милые, простые люди. Все они дали ей—и квартиру, и работу. И Шурочка будет учиться, и замечен ее талант, и лечить ее будут. И вот этот добрейший старец отдает последнее со своего огорода!

Дед повел гостей по саду. Они любовались тяжелыми виноградными гроздьями. Старик срывал кисти, угощал, пояснял достоинства каждого сорта: крупного, как сливы, «катта кургана», черного, как бычий глаз, «чараса», подрумяненного, как щечки ребенка, «тайфи».

Отстав от других, Ойниса спросила Гульназ:

— Как дела, доченька?

— Дела у меня не веселые.

Гульназ рассказала Ойнисе о Лобар, о столкновении с главным врачом.

— Мне кажется, что нужно рассказать обо всем папе. Он мудрый и решительный человек, найдет правильный выход. А развязывать этот узел нужно обязательно, впереди у нас еще большие трудности, надо к ним готовиться. С таким грузом на сердце жить нельзя. Поговорите с отцом и держите нас в курсе дел. Если что, мы вас в обиду не дадим.

— Спасибо, мама, за заботу.

Как ни просил дед Кулдаш Ойнису заночевать у них вместе с гостями, она не согласилась.

— Нас дом ждет. Утром на работу вместе с Нонной Матвеевной пойдем. Ира на курсы медсестер отправится.

— Ну хоть Шурочку оставьте,— попросила старуха.— Я тут насчет ее легких покумекаю. Ты же знаешь, Ойниса, я хоть и не доктор, но сундучок у меня полон целебных снадобий.

Гульназ тоже осталась у стариков. Как только ушли гости, она принялась за стирку. Шура ей помогала. Вдвоем они быстро нагрели воды и настирали для себя, стариков и Сережи.

Дед блаженствовал, видя, что дом его зажил полной жизнью. Он мысленно благодарил аллаха за то, что не обошел своим вниманием двух старых людей. Он тоже не

мог усидеть без дела. Позвал Сирожиддина и пошел с ним в сад собирать фрукты для завтрашнего выезда на базар. Он твердо решил попортить кровь спекулянтам!

Бабка покопалась в своем сундучке и заколдовала над горшками в кухне, готовя для Шурочки лекарство.

Глава тринадцатая

ПРЕДАННОСТЬ

В конце августа, в выходной день утром, почтальон Олияхон принесла Ойнисе два письма. Это были треугольнички, сложенные из тетрадного листа. До войны Ойниса таких не видела. На обоих треугольничках вместо привычных адресов стояли номера полевых почт. Одно письмо было от Алиджана, другое—от Эргаша.

То, что Алиджан писал из действующей армии, было понятно. Но письмо Эргаша с номером полевой почты едва не лишило Ойнису чувств. Неделию назад он еще работал в колхозе, писал, что, хоть и прошел медицинскую комиссию, вопрос о призыве его в армию все еще не решен.

Ойниса быстро развернула письмо.

«Дорогая мама! Все же я добился своего, пошел добровольцем. Два дня вместе с другими призывниками жил в Фергане. На третий день нас посадили на поезд. Сейчас я недалеко от Самарканда. Строим казармы. Командир сказал, что пока не построим, никуда не поедем. Это надолго. Еще проходим военное обучение. Я здоров. У меня прибавилось хороших друзей. Командир наш строгий, но справедливый человек. Мама, вы, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне. Чаще пишите. Сообщите, пожалуйста, адрес Юлдаша. Передайте привет Гульназ. Обнимаю и крепко целую бабушку и дедушку.

Любящий вас сын — солдат Эргаш».

Хоть и знала Ойниса, что сын не усидит в тылу, добьется призыва в армию, все же, прочитав письмо, опустила обессиленные руки. Сердце тоскливо сжалось. Ушел... и этот ушел! Правда, не на фронт, но Ойниса хорошо знала: в войну расстояния между тылом и фронтом очень короткие.

Что бы он ни писал о строительстве казарм, Ойниса видит его с винтовкой. В ее воображении он не строит, а учится стрелять, кричит «ура», колет штыком.

Письмо от Алиджана Ойниса не сразу вскрыла. Читала его медленно. После традиционных приветствий и пожеланий Алиджан спрашивал о ее здоровье, жизни, о детях. О себе писал коротко: находится со своим батальоном на передовых позициях, ведет тяжелые бои. В конце письма просьба: не забывайте мой домик в махалле Зевак.

Ойниса вспомнила, как при невеселом прощании Алиджан дал ей ключ от дома и сказал: «Может быть, зайдете когда-нибудь. Если потребуется кому-то жилье, пусть вселяется. Только тогда приберите, пожалуйста, мои бумаги и фотографии. Вернусь ли я — неизвестно, зачем же дому пустовать!»

Ойниса долго сидела в задумчивости. Потом написала Эргашу. Сказав Нонне Матвеевне, что идет по делам, вышла на улицу. Около Анхора было тихо даже в выходной день. В чайхане под карагачами чаевничали несколько стариков. «Все джигиты из махалли воюют, — подумала Ойниса, — далеко Ташкент от фронта, но и здесь война дает себя знать».

Проходя по мосту, Ойниса поклонилась старикам и свернула налево, к махалле Зевак.

Она шла Фарабинским садом, по висячему мостику, мимо мельницы. Здесь, в глухом месте, она вдруг услышала громкий смех и пение. В таловой роще расположилась на ковре веселая компания. Молодые здоровые мужчины, каких теперь редко встретишь в городе, готовились делать плов. Они нарезали мясо, лук, морковь. В одном из них Ойниса узнала брата соседки Назик — Зулунбека. Он, видимо, тоже узнал Ойнису, но отвернулся. Сделал вид, что не заметил ее. Ойниса вспомнила вчерашний рассказ Гульназ о стычке с главным врачом и подумала: «Может быть, здоровый собутыльник Зулунбека, которому Гульназ не дала бюллетень, тоже здесь... Какие люди! Идет война, а они веселятся, пьянствуют. Бессовестные! А на работе, наверное, их считают порядочными людьми. В списках военкомата они значатся как незаменимые».

... В махалле Зевак Ойниса бывала много раз: в гостях у подруг, на похоронах и свадьбах. Она знала, где

находится домик Алиджана. Но через его порог не переступала ни разу. Алиджан был одинокий мужчина, и зайти в его дом она считала неприличным. Даже когда Алиджан болел, не шла к нему, а посылала навещать сыновей.

На калитке висел маленький замок. Ойниса улыбнулась: «Добрый Алиджан всех людей считает порядочными и запор повесил не от воров, а чтобы показать, что хозяина нет дома».

Дворик был небольшой, но уютный, все здесь когда-то содержалось в порядке. Теперь же без хозяина пришло в запустение, запылилось, пересохло, выгорело. Дом и веранда облупились. Клумба во дворе потрескалась, кусты роз стояли жалкие, с пожелтевшими листьями. Ягоды с тутовника осыпались и высохли.

Не входя в дом, Ойниса принялась за уборку двора. Разыскала кетмень, разрыхлила землю на клумбе и пустила в нее воду, перепрудив арык, пробежавший через двор. Земля пила жадно. Вода уходила вглубь, не задерживаясь на поверхности.

Прибрав двор, вошла в дом. Здесь был душный, застоявшийся воздух. Ойниса первым делом распахнула окна.

На полу, застланном цветной кошмой, на подоконниках, на письменном столе, на книгах, заполнявших ниши,— всюду лежал толстый слой пыли. В углу стояла кровать, небрежно заправленная рукой холостяка, рядом с кроватью, на низкой электрической плитке, железный чайник... Все здесь говорило о неприятной одинокой жизни.

Ойниса остановила взгляд на фотографиях, которые стояли в рамках на столе. Она подошла, села на стул и долго разглядывала знакомые ей карточки. Снимков было три, они стояли рядом. На одном—Таштемир в буденовке со звездой, в гимнастерке, перетянутой блестящим ремнем, на груди орден Красного Знамени. На другом—Алиджан в такой же, как у Таштемира, военной форме, только без ордена. В середине между ними фотография Ойнисы. Она вспомнила: снималась двадцать лет назад. Таштемир вез ее куда-то на извозчике. Было холодно. Она куталась в пуховый платок. И что вдруг вздумалось Таштемиру? Увидел фотографию, крикнул извозчику: «Стой!»— и повел ее фотографироваться. Она отговари-

вალაშ — не одета. Но он настоял на своем. И вот сидит она в доме Алиджана жарким летом, в пальто с меховым воротником и в пуховом платке, весело смеется. Это она тогда над шутками Таштемира смеялась. Но откуда у Алиджана эта фотография? Где он ее взял? Свою Таштемир подарил ему как другу. А как эта сюда попала?

Ойниса принялась за работу. Вымыла пол на веранде, стерла пыль в комнате, выбила кошму, побрызгала земляной пол водой из арыка. Дом ожил, засиял чистотой, будто заулыбался.

Протирая письменный стол, выдвинула ящики. В них тоже был беспорядок: записные книжки, бумаги, политические брошюры, маленькие томики стихов Пушкина, Лермонтова, Маяковского. На одной из папок было написано: «Абдуллаев Алиджан, 1897 года рождения, махалля Зевак, дом № 7». В папке были собраны различные документы, справки, грамоты. Ойниса рассмотрела одну грамоту, поблекшую, на плохой сероватой бумаге. В 1925 году Алиджана наградили ею за успешное проведение земельной и водной реформы. А вот почетная грамота 1933 года — ударнику первой пятилетки.

Вдруг Ойниса увидела то самое письмо. Он сохранил его!

8 марта 1924 года в городском парке культуры проводили митинг. Разъясняли женщинам их равные права с мужчинами, призывали снять паранджу. Ойниса тогда уже паранджу не носила, правда, она побаивалась ишанов и ходила на работу мимо мечети с опаской. Хоть она и была женой красного командира, заступиться за нее некому: муж погиб. Другим женщинам было еще труднее.

Вот здесь, в парке «Рохат», Алиджан и вручил ей это письмо, а Ойниса, прочитав, там же вернула его. Алиджан сам сказал:

«Писать ответ не нужно. Оставьте у себя — пойму как «да». Возвратите — будет значить «нет».

Ойниса прочитала строки, так взволновавшие ее много лет назад.

«Дорогая Ойнисахон!

Я немею от душевного трепета и никогда, наверное, не осмелюсь высказать вам, что у меня на сердце. Поэтому берусь за перо. На бумаге, в одиночестве, когда вы не

находитесь передо мной, я, пожалуй, наберусь храбрости и выскажу свои чувства.

Я всегда был и остаюсь другом и братом моего командира Таштемира-ака. Если бы не случилась непоправимая беда, будь он жив, я при всей своей огромной любви к вам, никогда бы не признался. Язык бы откусил и руку бы отрубил, если бы она потянулась к перу, желая написать подобные строки при его жизни. Но его нет. Прошли годы. А я вас люблю, преклоняюсь перед вами. Ваши дети мне дороги, как свои. Для меня было бы самым великим счастьем быть с вами рядом, вырастить и воспитать детей моего боевого друга. В этом смысл моей жизни.

С надеждой Алиджан».

Ойниса оглядела комнату. Вот здесь она бы жила, если бы тогда не вернула письмо. Была бы эта жизнь для нее счастливой? Едва ли. Она любила одного Таштемира и никогда его не забудет. Бедный Алиджан, как трудно сложилась его судьба. Ждет всю жизнь! Он, как и я, однолюб. Видно, две любви и две преданности нельзя объединить в одну.

Ойнисе, конечно, было приятно, что на свете есть человек, так преданный ей. Сердце ее наполнялось гордостью еще и потому, что человек этот был необыкновенно чистый, он свято хранит свою дружбу с Таштемиром, бережно относился к Ойнисе, стараясь быть ненавязчивым.

Сидя в доме этого мужественного, несчастного и в то же время жизнелюбивого человека, Ойниса решила: «Напишу ему хорошее, доброе письмо, и вообще, надо пожалеть его, быть мягче. Он хоть и не стал мне мужем, но отцом для моих детей был всегда. Бедный Алиджан, как горько, что я ничем не могу тебе помочь!»

Из махалли Зевак Ойниса возвращалась другой дорогой. Не пошла вдоль арыка, чтобы не видеть самодовольные рожи Зулунбека и его собутыльников. Это было бы невыносимо после светлого образа Алиджана.

Глава четырнадцатая ЗИГЗАГИ ЖИЗНИ

Из дома ЦК Дадавай вышел далеко за полночь. По небу плыли темные тучи. Молодой месяц будто прятался за тополями.

Дадавай, поправив на ходу ремень и кобуру с пистолетом, подошел к поджидавшей его машине.

Шофер спал, облокотившись на баранку. Дадавай осторожно сел с ним рядом. Минуту подождал: жаль будить парня. Потом мягко положил руку на его плечо. Тот вздрогнул, тут же нажал стартер, спросил:

— Куда поедет, Дадавай Ахмедович?

— Домой.

Машина плавно покатила по асфальту.

Дадавай откинулся на спинку, прикрыл глаза, вспоминая события минувшего дня. Как все неожиданно повернулось!

Вечером он с руководящими работниками стройки прибыл по вызову в ЦК — стройка закончена. На окраине Ташкента вырос целый заводской городок: корпуса производственных цехов, склады, жилые дома, столовая, подсобные помещения. К заводу подвели железнодорожную ветку. Очень удачно получилось: едва успели забить последние костры, подошел первый эшелон с оборудованием завода, эвакуированного с запада. Правительственная комиссия приняла заводской комплекс, высоко оценив работу строителей. На этом деятельность Дадавая Ахмедова как начальника строительства кончилась.

Вечером члены бюро ЦК заслушали доклад Ахмедова. Серьезных замечаний не было. Усман Юсупов от имени партии и правительства поздравил и поблагодарил строителей. Он сказал:

— Это не только ваш труд, а вклад узбекского народа в дело разгрома фашизма. Узбекистан превращается в одну из кузниц оборонной промышленности страны.

Юлдаш Ахунбабаев вручил отличившимся строителям почетные грамоты. Дадаваю он по-дружески сказал: «Очень рад за тебя, желаю и впредь удачи».

А потом Дадавая пригласили к Усману Юсупову.

В кабинете Первого секретаря сидел рослый человек в военной гимнастерке, но без знаков различия.

Дадавай остановился у двери:

— Прибыл, товарищ Юсупов.

— Ага, очень хорошо. Подходи поближе.— Обращаясь к человеку в гимнастерке, сказал:— Знакомьтесь, Дадавай Ахмедов, только сегодня закончил и сдал очень

большую и ответственную стройку. Назначен теперь парторгом ЦК на завод... Товарищ Якушин, Михаил Федорович, директор машиностроительного завода.

Пожав крепкую руку Якушина, Дадавай вопросительно посмотрел на Юсупова. «О каком парторге он сказал? Неужели он меня с кем-то спутал?» А Юсупов, видя его недоумение, улыбался. Выдержав небольшую паузу, подтвердил:

— Я не оговорился. Решением Бюро Центрального Комитета вы назначены парторгом завода. Будете работать вместе с товарищем Якушиным. Завода пока нет. Но вы его построите и через несколько месяцев должны дать готовую продукцию. Эшелоны с оборудованием уже приближаются к Ташкенту. Задача очень сложная, но выполнить ее надо во что бы то ни стало.

Веселый огонек в глазах Усмана Юсупова погас. Голос звучал твердо.

— Вам понятно, товарищ Ахмедов?

— Понятно,— тихо сказал Дадавай, чувствуя, что, кроме сомнений и неуверенности, у него в душе пока ничего нет. И в то же время он сознавал: все, о чем говорит секретарь, будет выполнено. И сделает это он, Дадавай, вместе с Якушиным и другими строителями.

Юсупов развернул карту Ташкента. На ней было много кружочков, нанесенных красным карандашом. Дадавай нашел место, где он строил завод. Оно тоже было обведено красным. Значит, кружочки—это осуществленные новостройки. Как их много! И за каждым—тысячи людей, невероятные трудности, героизм рабочих. И вот теперь предстоит еще один штурм. А Дадавай должен сделать все возможное и невозможное, чтобы на карте появился еще один красный кружок.

Юсупов остановил карандаш в углу карты.

— Что скажете об этом месте?

Дадаваю был хорошо известен этот район: окраска, лабиринт махаллинских персулков, одно большое здание, кажется, школа, дальше за домами — ровное поле, речушка с овражистыми берегами.

— А сколько нужно места для завода?—спросил Дадавай.

— Мы сами точно не знаем. Пока наметим гектаров пятнадцать. Как думаете, Михаил Федорович, хватит для начала?

— Пока хватит. Но надо иметь в виду и будущий рост. Заводу нужно свободно дышать, расширяться.

— Это место подходит,— сказал Юсупов.— Зацепимся за дома, которые уже есть. Учреждения переведем. Тяжелее будет с населением. Всех надо обеспечить жильем. Это дело требует вашего особого внимания, товарищ Ахмедов. Завтра с председателем горисполкома разберитесь на месте. За помощью обратитесь к активу махалли. Максимум чуткости—семьям фронтовиков. Недовольных не должно быть. Не жалейте сил на разъяснения. Народ поймет. А за недовольство спросим с вас.

Дадавай встал.

— Сделаю все возможное, товарищ Юсупов.

— Вот, вот, и невозможное тоже сделайте, на то и коммунист вы.—Юсупов протянул руку Дадаваю.—Можете идти. Завтра в десять вечера будем слушать здесь вашу информацию...

Дадавай едет по узким улочкам своей махалли. Впереди дорога, выбеленная светом фар. По бокам глиняные дувалы, калитки. Из-за дувалов выглядывают урючины, талы, тутовники, яблоньки — будто смотрят: кто это едет по улице в такой поздний час? Вспыхивают в свете фар арыки.

Дадавай смотрит на тихие спящие домишки. Люди в них и не подозревают, что все это скоро пойдет на слом. Война подступила вплотную и к их очагам. Трудно будет людям покинуть обжитые дома. Здесь родились они, их отцы, матери и деды.

Дадавай подумал о своей семье. Давно не видел он Гульназ и Лобар. Последнюю неделю ночевал на заводе. Гульназ навещала его. Беспокоилась: не заболел ли? Чем-то она расстроена в последнее время. И, видно, дело не только в том, что жених на фронте. Что-то ее томит, а высказать не решается, не хочет его огорчать. Дадавай догадывается: связано это с Лобар.

Лобар... Какие надежды возлагал он на нее. Думал, станет для Гульназ матерью, а ему — хорошей подругой. Да и ей, одиночкой, оставленной мужем, хотелось устроить жизнь, сделаться счастливой. Однако несчастье Лобар, видно, не в бездетности. Уж чего только для нее не делал Дадавай! Все капризы выполнял, и одевал красиво, и жилище украсил. Захотела корову — купил самую породистую. Захотела кур — накупил полный двор.

Даже не подозревал тогда, что все это — ее жадность, стяжательство.

В последнее время капризы Лобар зашли уже так далеко, что мириться с ними нельзя. Только занятость никак не позволяла Дадавай объясниться с ней. До него уже доходили нехорошие слухи о жене. Может быть, это махаллинские сплетни? Но от Лобар можно всего ожидать. Недаром Гульназ выглядит такой подавленной. Неделю назад Дадавай заговорил было с женой, сказал, что ходят неприятные слухи. Однако Лобар, опустив глаза с мгновенно заблестевшими в них слезами, сказала: «Вы же сами говорили: поступай на работу. Вот и подыскиваю место. К брату Назик обращалась, к Зулунбеку, он главный врач, просила взять в поликлинику... Люди всегда иначе истолкуют. Наговорили теперь такого, глаза стыдно поднять. Да и вы тоже хороши! На неделю покидаете меня. Разве любящий муж так поступает? Откуда я знаю, где вы проводите время? Может быть, другую нашли? Тогда разводитесь, не губите меня, пока я молодая!» В общем, она повернула все по-своему. И хотя доля какой-то правды была в ее словах — действительно, не уделял ей внимания, — все же Дадавай чувствовал: все она лжет. Прекратил он тогда этот разговор.

... Прогромыхав по деревянному мосту, «эмка» скатилась с шоссе на немощеную улицу. Дадавай взглянул на часы: половина четвертого.

— Стой, Алексей. Пройдусь немного. Жду тебя в семь утра.

Автомобиль умчался назад.

Дадавай шел не торопясь. Какое-то непонятное беспокойство охватило его. Что-то заняло в груди, в дом заходить не хотелось.

Калитка была заперта изнутри. Приоткрыв одну створку, нащупал пальцами щеколду, осторожно отбросил ее. Вошел во двор. Темно и тихо. Только в арыке журчит вода. Положив портфель на супу, Дадавай сел. Обычно на супе его ожидала постель, сегодня ее не было. Он знал, постель готовит дочь. Может быть, ее нет дома, ушла к Ойнисе или к деду Кулдашу? Дадавай прошел на веранду. Окно в комнате дочери распахнуто настезь. Дадавай достал карманный фонарик, осветил. Кровать Гульназ не разобрана. Значит, ушла к родным.

Дадавай пошел в комнату жены. «Почему она не постелила мне? Наверное, всю неделю стелила, а теперь уж не ждет. Или уснула, не дождавшись».

Он отворил дверь. Прислушался, надеясь услышать дыхание спящей Лобар. Однако в комнате было тихо. Посветив фонариком, Дадавай убедился: комната пуста. «Куда они все подевались? Вот доработался — и дом опустел...» Дадавай хотел взять подушку и одеяло, но обнаружил, что на кровати их нет. «Где же они мне приготовили место? Может быть, в саду? Там прохладно. И сама Лобархон, наверное, там».

Он прошел в сад и действительно услышал дыхание спящей жены. Но под виноградником постели не было. Наконец, в дальнем углу двора, в высокой траве он увидел белеющую рубашку. Дадавай подошел ближе. Перед ним лежал незнакомый спящий мужчина, рядом, раскинув оголенные полные ноги, распростерлась Лобар.

Рука Дадавая потянулась к пистолету. Но отвращение и гнев были настолько велики, что Дадавай не вытерпел и, не дожидаясь, пока трясущиеся пальцы расстегнут кобуру, пнул жену в мясистую ляжку. Это спасло жизнь Лобар и ее любовнику.

Открыв глаза и увидев над собой мужа, Лобар кинулась к нему, обвила ноги и вцепилась руками в пистолет, который все еще не мог выхватить Дадавай. Зулунбека словно ветром сдуло. Дадавай даже не заметил, куда он удрал.

Дадавай схватил жену за шиворот, рубашка затрещала. Он подтянул ее лицо на уровень своих глаз и прокричал:

— Убивать тебя сейчас я не буду. Но если через десять минут ты окажешься в доме — прикончу! Забери все, что успеешь. Остальное сожгу!

Он швырнул ее на кусты, которые с хрустом подломились. Она поднялась, побежала в комнаты. Не тратя времени на слезы и уговоры, начала выволакивать на улицу одежду, одеяла.

Дадавай вышел во двор. Он ходил взад и вперед по берегу Кичкирика и поглядывал на часы. Прошло пять минут: горка барахла у калитки росла. Нагнувшись, Дадавай несколько раз плеснул себе в лицо воду из реки, выпил две полных пригоршни. Он сдерживал себя. Знал, если убьет Лобар, полетит прахом вся жизнь — и

работа и партийный билет. Но не об этом он сейчас думал. Ярость была так велика, что на несколько минут заслонила все. Он готов был всадить пулю в ненавистную рожу Лобар. Но образ дочери встал перед его глазами, и он оторвал руку от пистолета.

Через десять минут Дадавай пошел к дому. Лобар, отвернувшись, стояла около груды вещей. Она не забыла вывести и корову, и теленка, веревки были крепко намотаны на ее сильную руку. Даже несколько кур с перевязанными ногами испуганно кудахтали на дороге.

— Десять минут прошло. Убирайся, и чтоб духу твоего никогда не было около этого дома!

Дадавай вошел в калитку и подпер ее колом изнутри. До рассвета просидел он на супе. Мысли метались, как перепуганные птицы, сталкивались и прерывались недодуманными. Но одна из них сначала робко, а потом все настойчивее и тверже повторялась: «Это к лучшему. К лучшему. Так будет спокойнее и для меня, и для Гуль-наз».

Часов около шести на улице послышался звук мотора. Какие-то люди суетились у ворот, видно, грузили пожитки Лобар. Через несколько минут машина уехала.

Дадавай вздохнул с облегчением, вошел в комнату дочери, сел за стол, написал на листке:

«Дорогая доченька! Я выгнал Лобар. Вернусь поздно, твой папа».

Вскоре прикатил Алексей. Он весело поздоровался с начальником, но увидев бледное, неузнаваемо изменившееся лицо Дадавая-ака, прикусил язык и всю дорогу молчал.

Глава пятнадцатая

Л Е Т Ч И К И

Командир истребительного авиационного полка майор Попов вышел из своего блиндажа, зло хлопнул дверью. Он только что допрашивал немецкого летчика. Час назад в воздушном бою старший лейтенант Русанов сбил «мессера». Гитлеровца, который опустился на парашюте, поймали недалеко от аэродрома. Майор Попов говорил не раз с пленными фашистами, не упус-

тил и сегодня случая посмотреть на врага, прощупать его.

Немец держался спесиво, всем своим видом говоря, что он сверхчеловек. Он не боялся смерти. На вопросы майора не отвечал, нагло кривил губы в улыбке. Он явно любовался своей стойкостью. Попову очень хотелось вlepить ему по физиономии. Но он не сделал этого. Фашист приготовился к пыткам, издевательствам. Но его не трогают. И это, пожалуй, действует на него несколько отрезвляюще.

— Если я отпущу вас под честное слово, будете летать?— спросил майор.

Немец удивленно вздернул брови. Вопрос, подумал он, задается лишь для проверки его моральных качеств.

— Да, буду летать!

«Если говорит настоящий боевой командир,— рассуждал он,— уважение ко мне только повысится, если же он плебей, пусть знает, какие непреклонные парни летчики Геринга!»

«Позер и скотина,— подумал майор,— пришел на чужую землю, как бандит, убийца, а играет в рыцаря».

У Попова чесались кулаки. Чтоб не подвергать себя искушению, приказал:

— Отправьте его в штаб дивизии.

И, хлопнув дверью, ушел из блиндажа.

Раздраженность командира объяснялась не только наглостью немца. Дело шло плохо. Наземные войска отступают. Наша авиация, малая по численности, борется с огромным напряжением. Потери с каждым днем растут. Только в последнем воздушном бою полк потерял пятерых летчиков и семь машин. Гибнут ребята, горят самолеты, а перелома все еще не видно. Да и как добиться перелома, если потери не возмещаются. Просил, докладывал: от полка только название осталось. Отвечают, держитесь, пока ничего дать не можем, машин нет, резервисты учатся.

Майор шел по раскисшей от дождей дорожке. Его догнал радист. Хотел обрадовать командира приятным известием:

— Товарищ майор, разрешите обратиться. Радиogramма на ваше имя.

Майор взял бумагу, прочитал:

«13. 20. Ваше распоряжение вылетело звено, машины капремонта, летчики после переподготовки».

«Обрадовали!—ухмыльнулся майор.—Звено для полка!» Мельком взглянул на часы: 14. 10. Скоро должны быть здесь. Приказал радисту:

— Сообщите на КП, чтоб связались и приняли.

— Есть,—ответил сержант и убежал.

«Посмотрю, как будут садиться!» Попов придерживался очень простого правила при оценке своих подчиненных: «Летчик должен уметь хорошо летать!» Наблюдения за тем, как они подойдут к аэродрому, как станут заходить на посадку, как приземляться, будет достаточно для оценки прибывшего пополнения. Резервисты после переподготовки бывают разные. Если эти парни не участвовали в боях, а сидели в резерве из-за недостатка самолетов—одно дело. Если они после излечения в госпитале—тоже должны быть неплохие ребята. Но присылают еще и с краткосрочных курсов, малоопытных. С такими сложнее. Люди они горячие, смелые, а мастерства не хватает. Такое пополнение еще доучивать надо. Следовательно, какое же это пополнение? Попову необходимо воевать сейчас, сегодня, немедленно. «Ну ладно, они еще не сели, а я уже оценил,—невесело улыбаясь, подумал командир.—Посмотрим!»

Он вышел из леса к летному полю. Техники возникли около замаскированной машины. Увидев командира, они вытянулись.

— Вольно,—майор махнул рукой.

Подошел командир эскадрильи Русанов, кивнул в сторону самолета, доложил:

— Этот почти готов, товарищ майор. Пробоины в крыле заделали, вооружение исправно, боекомплект загружен.

— Хорошо. Быстро сделали.

Майор пошел дальше, прислушиваясь, не летят ли. Туман рассеялся, облака лежали над соснами, окаймляющими аэродром, как распоротое ватное одеяло. «Нелегко будет выходить на посадочную площадку в таких условиях,—отметил Попов.—Только из облака вывалишься—и вот она, земля, для маневра пространства почти нет. Вот и хорошо. Пусть покажут, на что они способны».

Майор не дошел до командного пункта—послышался гул приближающихся истребителей. Попов слышал, как по радио выводили их для посадки. Три машины выскочили из облаков над лесом. Они сделали полукруг над аэродромом, во время разворота перестроились и понеслись к посадочной площадке.

«Фасонщики,— весело подумал командир.— Знают, что за ними следят с земли, даже полного круга не обошли. Вот, мол, какие мы асы, смотрите, пожалуйста!»

Пробежав один за другим по мокрой полосе, истребители покатили к стоянке, куда зазывал их флажками солдат.

Майор умышленно задержался, не подошел сразу, дал время летчикам привести себя в порядок, а потом двинулся к ним. Он видел, как солдат, показывая в его сторону, что-то сказал им, а они, поправляя на себе одежду, выстроились в линию. Когда Попов подошел, правофланговый доложил:

— Старший лейтенант Макаров прибыл для дальнейшего прохождения службы.

Майор посмотрел на худошавое лицо и по строгому взгляду летчика понял: «Этот уже понюхал пороху».

— Здравствуйте. Вы вели группу?

— Да, я был назначен временно командовать звеном.

— Хорошо сажались,— у майора блеснули задорные огоньки в глазах,— с форсом!

— Время военное, над аэродромом долго крутиться незачем, демаскирует,— серьезно ответил Макаров.

— Я вас не ругаю,— все так же добродушно продолжал Попов,— просто говорю, лихо сажались. Вы, товарищ Макаров, в боях, конечно, участвовали?

— Да, товарищ майор, возвращаюсь из госпиталя после ранения.

Майор подошел к следующему.

— Лейтенант Худяков,— представился коренастый белобровый летчик.

— А вы в боях участвовали?

— Пока нет,— сказал Худяков и виновато опустил глаза.

— Ну ничего, скоро попробуете,— подбодрил его майор.

Третий летчик был высокий, статный, чернобровый,

лицо у него было смуглое, черные глаза горели ярким огнем.

— Лейтенант Таштемиров,— представился он командиру.

«Южанин,— подумал Попов.— Красивый. Наверное, не первый год летает, садился очень умело».

— Вы из каких мест?

— Узбек, товарищ майор, из Ташкента.

— О, мы с вами земляки! Я служил в Средней Азии. И в Ташкенте бывал. Хороший, веселый город.

Обращаясь к другим летчикам, Попов объяснил:

— Я сам ленинградец, служил до войны во многих городах, а вот Ташкент запомнился навсегда. Какой-то он не только солнечный, но и радостный, люди там добро-сердечные, всегда улыбаются. Правда, товарищ Таштемиров?

Юлдаша просто распирало от гордости, что командир так уважительно говорил о его городе. Майор, еще мину-ту назад незнакомый ему, сразу стал родным и близким. Юлдашу хотелось по-братски поздороваться с ним, но командир есть командир, и лейтенант, сдерживая пыл, но все же улыбаясь, ответил:

— Так точно, товарищ майор, говорят, кто попил ташкентской воды, тот никогда нашего города не забудет.

— Что там вода! У вас других прелестей много: виноград, персики, инжир. А дыни, арбузы—прямо горы на базаре!.. Ну, что ж, я очень рад, что у меня в полку появился земляк. Заходите ко мне, побеседуем на досуге.

— Спасибо, товарищ майор.—Лицо Юлдаша вдруг помрачнело.

Командир заметил это, спросил:

— Вы хотите что-то сказать?

— Да.

— Пожалуйста.

— Вы не спросили меня, бывал ли я в боях... Так вот, я на фронте впервые. Только что с курсов, а раньше окончил аэроклуб.

Попов успокоил Юлдаша:

— Вы южанин, человек горячий, я убежден, в бою от товарищей не отстанете!

— Можете не сомневаться...

— Ну вот и отлично... Ознакомьтесь, товарищи, с обстановкой. Сейчас вам скажут, кто в какое подразделение будет назначен.

Юлдаш попал в эскадрилью Русанова. Летчики рассказали ему о делах на земле и в воздухе. Надавали много практических советов: как вести себя в бою с «мессерами», какие сильные и слабые у фашистских летчиков стороны.

Юлдаш с трепетом ждал первого боевого вылета. Очень хотелось доказать товарищам, что он не трус и на него можно положиться.

Этот момент настал очень скоро. Еще не обжился Юлдаш в своей землянке, не успел запомнить имена товарищей, как эскадрилья Русанова получила боевое задание.

Комэск собрал летчиков.

— По шоссе Смоленск—Москва оживленное движение пехоты и техники противника. Нам приказано прикрыть штурмовиков, которые будут работать по этому шоссе. Встреча со штурмовиками в районе 352—684. По машинам!

Аэродром наполнился гулом. Истребители один за другим взмыли в воздух и собрались тройками. Собрав эскадрилью, Русанов повел ее к месту встречи со штурмовиками.

Юлдаш смотрел на лес, скользивший под крылом. В стороне замелькали темные силуэты самолетов с выпуклостью на фюзеляже. «Горбатые»,— вспомнил Юлдаш, как называют летчики между собой штурмовиков.

Курсируя над штурмовиками, истребители двигались к линии фронта. На картах эта линия обозначена красной и синей извилистой чертой. А на земле все было одинаково—и на той и на нашей стороне. По дорогам двигались черные точки. Это был враг. Враг, который перевернул всю его жизнь, разлучил с матерью, с Гульназ, с друзьями. Юлдаша так и подмывало снизиться и влечь боезапас в эти ненавистные, ползущие, как микробы, черные точки. Но он понимал, что не имеет права это сделать. Поглядывая по сторонам, Юлдаш высматривал «мессеров», которые вот-вот должны появиться.

— Мы над целью,—спокойно прозвучал в шлемофоне голос Русанова.

Юлдаш увидел, как штурмовики стали пикировать на

дорогу и огненные вспышки забрызгали на их темных крыльях. Штурмовики били по мечущимся внизу фигуркам из пулеметов, потом сбросили бомбы. На земле вскидывались черные дымовые клубки. Сверху они казались небольшими и нестрашными, но Юлдаш знал, с каким грохотом рвутся сейчас бомбы, как вздрагивает под ними земля.

Вдруг он увидел в воздухе справа и слева такие же черные дымовые шары. Он не сразу понял, что это били по ним зенитки. Юлдаш посмотрел на соседей, они продолжали делать свое дело, не обращая внимания на разрывы зенитных снарядов. Штурмовики все вились над дорогой. Один из них внезапно окутался дымом и, разваливаясь на куски, полетел вниз. «Попали! Погиб парень!»

Когда был дан сигнал о возвращении, штурмовики и истребители повернули на восток. Но не успели они собрать строй, как сверху ринулась семерка желтоватых, похожих на ос, «мессеров».

«Ну, пришло время и нам поработать!» — мелькнуло в голове Юлдаша.

«Мессеры» неслись на штурмовиков сбоку, пытаясь ударить по ним до того, как им помешают наши истребители. Однако Русанов кинул два звена наперерез и с дальней дистанции открыл огонь. «Мессеры» отвернули. Они тут же появились с другой стороны. Юлдашу даже показалось, что это новая семерка. «Хорошая скорость у подлецов», — отметил он, поняв, что это те же, и по команде командира звена Макарова понесся навстречу врагам. Поймав в прицел ненавистный силуэт, Юлдаш нажал гашетку. По трассам пуль увидел: далековато. «Эх, ребята будут надо мной подшучивать, рано я открыл огонь, скажут, струсил!»

Однако немецкий летчик, увидев пулевые трассы, повернул назад. Командир звена похвалил:

— Молодец, Таштемиров!

Немецкие истребители вились, как осы, и, видно, свирепели оттого, что не могут пробиться к штурмовикам. Вскоре Юлдаш увидел еще три «мессера». Теперь фашисты набросились одновременно с двух сторон. Надо было уже не просто отпугивать их, а связать боем и дать возможность уйти штурмовикам.

Свои и чужие самолеты закружили карусель. Юлдаш

никак не мог хорошенько поймать в прицел вражеский истребитель, они появлялись и исчезали из поля зрения стремительно.

По радио прозвучал напряженный, но все же спокойный голос Русанова:

— Нас хотят оттянуть в сторону, второе звено, не оставляйте «горбатых». Остальные со мной.

Второе звено—то, где Юлдаш. Командир его, Макаров, сразу вывел свою тройку из общей свалки и снизился к спинам штурмовиков. «Горбатые» жали всю, стремясь поскорее дотянуть до своей территории. Там зенитки прикроют, а если собьют, внизу своя земля!

Юлдаш чертил вензеля над штурмовиками и поглядывал туда, где Русанов вел бой с «мессерами». Чей-то самолет задымил, понесся к земле. Юлдаш не мог разглядеть: свой или фашист. Однако по тому, что командир звена молчал, Юлдаш понял: кого-то из ребят срезали. Когда задымил второй самолет и по радио донеслось: «Ага, сука, и тебя достали!»— Юлдаш убедился, что первый был наш.

Не успел он сообразить, кого же сбили, как три желтобрюхие машины кинулись к штурмовикам. Юлдаш мгновенно погнался за ними. В тот момент, когда один из «мессеров» удачно выходил в хвост штурмовику и уже считал его, наверное, сбитым, Юлдаш вlepил ему длинную очередь. «Мессершмидт», не дымя, но потеряв управление, пошел к земле. «Попал в летчика»,— радостно отметил Юлдаш. Два фашиста, увидев падающего товарища, кинулись на Юлдаша.

— Коля, прикрываем Таштемирова!— услышал он вдруг голос командира звена.

«Вовремя выручил, а то бы хана!»— вздохнул с облегчением Юлдаш. Оказывается, он сказал эти слова в микрофон. Ему ответили:

— Ты тоже вовремя прикрыл «горбатых». Красиво срезал «мессера», поздравляю... Справа еще четверка, держись, братцы...

Юлдаш, воодушевленный первым успехом, смело повернул навстречу «мессерам». Он начал бить в них из пулемета, но не ощутил знакомого вздрагивания машины. «Заело! Или боекомплект кончился?» Юлдаш давил на гашетку, но бесполезно. Все это случилось в доли се-

кунды. Он помчался на врага, чтобы сбить его, но сам превратился в мишень! Лейтенант почувствовал, как пули врага осыпали машину, а потом «мессер» пронесся над ним, едва не задев за крылья. В следующий миг Юлдаш увидел за собой темный хвост дыма. Горел его истребитель. «Что делать? Выпрыгнуть с парашютом? Жаль машину. К тому же внизу немцы!»

— Юлдаш, тяни, сколько можешь. Мы прикроем. Скоро линия фронта,— сказал по радио Русанов.

Лейтенант опробовал управление: самолет его слушался. «Буду тянуть. Но что горит? Может быть, вот-вот рванет бензобак?» Юлдаш оглянулся — дымный шлейф становился все гуще.

— Прыгайте, Таштемиров,— сказал вдруг по радио Русанов.— Показалось пламя. Вы уже над своими, прыгайте!

Но Юлдаш крепко держал ручку управления. «В первом бою потерять машину? Ни за что! Я ее посажу обязательно!»

И он тянул. Дым уже пробивался через щели в кабину, а Юлдаш все не прыгал.

— Прыгай, Юлдаш! Ты ранен? Не можешь двигать-ся?— тревожно спрашивал Макаров.

— У меня полный порядок. Иду на посадку,— ответил Юлдаш.

Разглядев поляну, лейтенант быстро снизился и, готовясь к удару о землю, уперся спиной и ногами в стенки кабины. Земля стремительно неслась навстречу. Ударившись о землю, машина подпрыгнула несколько раз на кочках и врезалась в деревья, окаймлявшие поляну. Раздался треск и скрежет. Самолет охватило огнем...

«В первом же бою!»— кричало все существо Юлдаша. Было больно, огонь кидался со всех сторон. «Нет, ни за что я не погибну в первом бою! Я буду еще летать! Я увижу тебя, Гульназ!» Он вырвался из цепких когтей пламени, которые рвали его на части. «Буду, буду еще летать!..»

Глава шестнадцатая

ЭШЕЛОН

Над городам тлел грустный осенний рассвет. Холодный ветер гонял по улице сухие желтые листья. Пыль

висела сплошной серой завесой. Сколько ни каркают вороны — ни дождя, ни снега, холодная сушь.

Ойниса в пальто и шерстяном платке сидела на перроне. Уж более двух часов была она на вокзале. За это время прошло пять поездов. Ко всем, которые направлялись в сторону Москвы, Ойниса бегала, закинув на плечо тяжелый мешок. Она обходила вагоны от первого до последнего, но того, кто ей нужен был, не находила. Проводив поезд «Ашхабад — Москва», она вернулась на свою скамейку, устало опустила мешок с плеча. Мимо грохотал длинный состав с цистернами, его тащили два паровоза, пронзительными гудками расчищая себе путь. Ойниса, не думая, что это она делает, считала цистерны: тридцать пять... сорок две... пятьдесят.

Поезд промчался без остановки. Пути опустели. Поблескивали мазутом черные шпалы. На семафорах у входных стрелок горели зеленые и красные огоньки. Перрон был непривычно безлюден. Ветер гнал по асфальту мусор.

Дежурный по вокзалу подошел к Ойнисе, которую давно уже приметил.

— Вы кого-то ждете?

— Сына.

— Откуда он должен приехать?

— Из Самарканда.

— Если не приехал поездом «Ашхабад — Москва», можно не ждать. Теперь до вечера поездов этого направления не будет.

— Спасибо.

Дежурный отошел. Но Ойниса не уходила. Она получила вчера телеграмму от Эргаша. Он сообщил, что отправляется на фронт, поезд пройдет через Ташкент сегодня. Он не назвал номер поезда, — наверное, нельзя было. На всякий случай Ойниса обходила не только военные, но и пассажирские составы.

Дежурный, видя, что женщина не уходит, вернулся.

— Ваш сын военный?

— Да.

Дежурный, нахмурив брови, помолчал. Ойниса, надеясь, что он что-то знает, попросила:

— Если можете, помогите, в последний раз хочу сына увидеть.

— Вы в справочном бюро спрашивали?

Ойниса покачала головой.

— Что скажут в справочном, если я номера поезда не знаю.

Дежурный ушел. А Ойниса подумала: «Пойду-ка я спрошу, какие еще поезда будут сегодня, может быть, дежурный не все помнит».

В здании вокзала было полно народа, пассажиры и бездомные прятались здесь от холода и ветра.

В справочном бюро за маленьким окошечком металась издерганная женщина. Она отвечала пассажирам и поминутно снимала трубку отчаянно трезвонившего телефона. Ойниса дождалась своей очереди.

— Слушаю вас.

— Когда придет эшелон из Самарканда?

— Какой эшелон?

— Военный.

— Что?— женщина вытаращила глаза.— Вы понимаете, о чем говорите?

— Понимаю, уважаемая, если бы у вас сын ехал на фронт, вы бы тоже меня поняли.

— Ничем не могу помочь. О военных эшелонах справок не даем,— поджав губы, сухо сказала женщина.

Ойниса вернулась на прежнее место. После полудня на перроне появилось несколько военных. Они прохаживались, кого-то поджидали. Пожилой командир посмотрел на большие вокзальные часы, сверил с ними свои.

«Наверное,— они ждут эшелон»,— подумала Ойниса и подошла к военным.

— Можно вас спросить?

— Пожалуйста, спрашивайте.

— Мой сын едет на фронт из Самарканда, он дисциплинированный боец и не сообщил номер эшелона. Но я мать, мне хочется видеть его на прощание.

Пожилой военный с сожалением пожал плечами.

— Не могу вам помочь. Мы ждем поезд с противоположной стороны.

Через несколько минут из-за семафора выкатил паровоз. Земля загудела под тяжестью приближающегося состава. Два специальных паровоза тащили за собой длинную вереницу платформ, на каждой стояло что-то большое, закрытое брезентом. «Все на фронт — и люди, и техника. И все сжигает пламя войны...»— подумала Ойниса.

Паровозы укатили загрузаться топливом. Они нетерпеливо покрикивали что-то на запасных путях и вскоре вернулись. Раздался пронзительный гудок. Дежурный поднял руку со свернутым флажком. Пожилой военный помахал Ойнисе рукой и вскочил на ступеньку вагона.

Когда состав отошел, дежурный направился к Ойнисе.

— Вы где работаете?

— На фабрике «Красная заря».

— А кем?

— Начальник цеха.

Железнодорожник замолчал, видно было, он хочет сказать что-то, но не решается. Потом, понизив голос, будто опасаясь, что его могут услышать, тихо сказал:

— Ваш эшелон скоро будет.

Сердце Ойнисы ёкнуло.

— Когда?

— Только уважая ваши материнские чувства, говорю об этом. Мне жаль вас, целый день ждете. Ваш поезд здесь не остановится.

— Почему?— чуть не крикнула Ойниса.

— Тише. Идите поскорее на товарную станцию. Встречайте там.

— Где это?

— Идите по линии, когда дойдете до выходных стрелок, сверните по путям, которые отходят влево.

— Большое вам спасибо.

Подхватив мешок, Ойниса зашагала по шпалам. Она долго шла мимо складов, пакгаузов, мастерских и свалок металлолома. Наконец впереди, на многочисленных разбегающихся путях, показались товарные составы. Вдруг за спиной Ойнисы послышался перестук колес приближающегося поезда. Она оглянулась. Ее догонял состав из красных вагонов, в раскрытые двери смотрели красноармейцы. Ойниса побежала к станции. Она спотыкалась, падала, снова подхватывала мешок и бежала. Рябило в глазах, сердце готово было разорваться. Но она не останавливалась. Паровоз настиг ее там, где начиналась высокая бетонная платформа. Мимо Ойнисы замелькали вагоны и слились в сплошную ленту.

И вдруг, перекрывая грохот колес, прозвучал родной голос:

— Мама!

В следующее мгновение от вагона отделилась фигура человека в зеленой форме, пробежав несколько шагов по инерции, он повернулся назад, протягивая руки навстречу Ойнисе:

— Мамочка!

Уронив мешок, Ойниса упала на руки Эргаша. Он обнял ее, целовал и гладил волосы, поправляя сползающий с головы платок.

Немножко успокоясь, спросил:

— Как вы здесь оказались? Я на вокзале все глаза проглядел. А эшелон даже не остановился. Думал, не увидимся.

— Хороший человек помог... подсказал, где ждать.

Ойниса жадно разглядывала сына: гимнастерка, пилотка со звездой, тяжелые сапоги. Слезы подступали к глазам, она едва сдерживала их. «Военный. Человек для войны!»

— Как ваше здоровье, мама?

— Я ничего. Как ты?

— Здоров, как бык. Дела отличные.— Он поднял с земли мешок, оброненный матерью.— Ого, куда это вы столько!

— Тебе, сынок, на дорогу, патыры, сладости кое-какие.

— И надо было утруждать себя! Ну куда вы столько нагрузили! Вам это нужнее. У меня есть все, кормят нас хорошо. Да, кстати, чтобы не забыть. Вот возьмите-ка.— Он достал из кармана пачку денег.— Получил в колхозе расчет. Возьмите, вам пригодятся, мне они ни к чему. Я не курю, не пью. И, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, у меня действительно все есть. Ребята в нашем отделении дружные.

Ойниса слушала, но думала совсем о другом: «Какой он ладный стал».

— Я давно не получал писем от Юлдаша. У него адрес не изменился?

— Полевая почта та же.

— Знаете, мама, дядя Алиджан прислал мне письмо. Он недалеко от Москвы, может быть, увидимся.

Ойниса и сын пошли вдоль остановившегося эшелона. Красноармейцы высыпали на платформу. Где-то наяривала гармошка, слышно было, как, хлопая ладонями по голенищам, кто-то пляшет.

— Видите, какие хорошие парни?

Некоторое время они вместе рассматривали загорелых бойцов. Потом, опустив глаза, Эргаш сказал:

— Если из Коканда напишет вам девушка, которую зовут Назокат, ответьте ей. Может быть, она и в Ташкент по делам придет...

Ойниса пригладила пальцем густые брови сына, улыбнулась:

— Ты дай мне ее адрес. Я сама справлюсь, как она поживает.

— Спасибо, мамочка!—горячо прошептал Эргаш. Он достал блокнот, написал адрес, вырвал листок и подал матери. Потом он повел ее к своему вагону.— Пойдемте, я познакомлю вас со своим другом, сержантом.

Командир отделения Эргаша был таджик. Он вежливо поздоровался с Ойнисой за руку, заговорил с ней по-узбекски, выговаривая слова с сильным акцентом.

— Не беспокойтесь о нас. Мы Гитлера загоним в могилу. Можете быть уверены.

Эргаш спросил:

— Как бабушка и дед поживают?

— Они здоровы. Я не могла их предупредить о твоём приезде. Как получила телеграмму—сразу на вокзал.

— Поцелуйте их, привет передайте. И дяде Дадаваю, и Гульназ, и тете Анне...

Зычный сигнал трубы оповестил об отправке эшелона. Мать, положив руки на плечи Эргаша, глядела на него ненасытными глазами. Прижалась. Опять отступила и смотрела.

Вагоны скрипнули и медленно покатались.

— Эргаш!— крикнули из вагона.

— Берегите себя, мама,— тихо сказал он.

— Будете живы ты и Юлдаш, выживу и я.

Эргаш мягко высвободился из ее объятий и побежал за своим вагоном.

Глава семнадцатая

ПРОСВЕТ В ТУЧАХ

Гульназ догадывалась, что отец изгнал Лобар неспроста. Что-то натворила, и это переполнило чашу его терпения. Спросить же, что произошло, она не смела: зачем беречь рану? Отец сильно сдал за последнее время, по-

худел, седины прибавилось. Как и прежде, возвращался с работы поздно. Ел плохо, в дом не входил. Рассеянно прохаживался по двору. Видно, в доме ему было противно: все напоминало о Лобар.

Даже когда стало совсем холодно и октябрьскими ночами уже подмораживало, Дадавай все еще спал на супе под деревом.

В последнее время он чаще стал вспоминать о первой жене, вздыхал:

— Почему смерть к хорошим людям липнет? Как бы мы счастливо жили, доченька, если бы с нами была твоя мама...

Гульназ не отходила от отца, когда он был дома, была заботлива, внимательна. Опасаясь, как бы он не простудился, не раз просила спать в доме. Но он не соглашался. Тогда Гульназ постелила отцу в своей комнате.

В этот день Дадавай-ака вернулся раньше обычного. Он принес большую сумку с продуктами. Получил паек: мясо, масло, рис, хлеб, сахар. Глаза весело блестели.

— Давненько мы с тобой, доченька, плов не делали!.. Смотри-ка, сколько добра нам выдали! Давай сегодня закатим пир! Тем более причина для этого подходящая.

— Какая причина?

Дадавай с нежностью взглянул на дочь.

— Неужели не помнишь?

Гульназ, конечно, помнила — сегодня день ее рождения, но как-то в последние годы не принято было его отмечать: отец постоянно занят, мачеха избегала расходов.

Дадавай подошел к дочери, привлек ее к себе, поцеловал в голову.

— Прости меня, дорогая. Как переступила порог нашего дома та пакостница, тебе много пришлось перенести огорчений. Прости своего отца! Я тоже виноват в этом.

— Что вы, папа, не надо так говорить.

— Теперь все будет, как при твоей маме. Тогда мы каждый год праздновали этот день... Посмотри, что я тебе принес.

Дадавай подал дочери сверток. Развернув бумагу, Гульназ увидела шерстяной отрез на платье. Гульназ подошла к зеркалу, приложила голубую материю к груди.

— Тебе очень идет этот цвет,— сказал Дадавай, любясь дочерью.

Гульназ подбежала к нему. Как в детстве, когда из-за малого роста она не доставала до щеки отца, пома-нила его пальчиком. Дадавай вспомнил этот жест, по-слушно нагнулся. Гульназ чмокнула его в щеку.

— Спасибо, папочка!

От ласки дочери, от воспоминаний о счастливых днях, когда она была еще маленькой, а в доме царила незаб-венная Азизахон, у Дадавая перехватило в горле, глаза увлажнились. Чтобы скрыть это от дочери, он заторо-пился.

— Итак, я принимаюсь за плов. Будем сегодня гулять... Да, я видел твою тетю Ойнису. Она, наверное, придет к нам. У нее есть приятные для тебя вести.

— Какие? Что-нибудь от Юлдаша?

— Не знаю. Она не успела мне сказать. Мы мель-ком виделись. Придет—расскажет.

Давно не было на душе Гульназ так светло и празд-нично. День рождения, веселый отец в доме, предсто-ящая встреча с Ойнисой, да еще добрые вести. Как мно-го радости сразу!

— Может быть, вы все же скажете, какие вести меня ждут?

— Потерпи, скоро все узнаешь.

Дочь в притворной обиде нагнула голову.

— Я правду говорю, не знаю. Не успел расспросить Ойнису. Но по ее тону догадываюсь: наверное, письмо получила. В общем, готовь дастархан и жди.

— Где накрывать — в саду или в комнате? Я думаю, в моей комнате — на дворе холодно.— Она знала, отцу будет приятно именно в ее комнате.

— Очень хорошо, посидим у тебя.

Когда все уже было почти готово, пришла Ойниса.

— Поздравляю тебя с днем рождения, дочка!—она обняла, расцеловала Гульназ и тут же с укором сказа-ла:— Что же вы меня не предупредили. Не встретить я случайно Дадавая-ака, так и не знала бы ничего.

— Да мы как-то и не собирались отмечать, случайно все получилось.

— На-ка вот подарочек тебе,— Ойниса протянула узелок.

— Благодарю вас, мама, не стоило затруднять себя.

— Да это так, мелочь,—оправдывалась Ойниса.

Дадавай с любопытством поглядывал на дочь, кото-

рая, раскрасневшись от приятной неожиданности, рассматривала содержимое узелка.

— Ну-ка, показывай, что тебе подарила мама Ойниса,— сказал Дадавай.

Гульназ поставила на ковер новенькие туфельки, тут же надела их. С шелестом раскинула зеленый платок и покрыла им плечи. Прошлась по комнате, горделиво подняв голову.

— Не жмут?— спросила Ойниса.

— Что вы! Словно по заказу сделаны. Как вы узнали мой размер.

— Это не я. Это Юлдаш! Он привез эти туфли из Бухары. Дай бог тебе износить их с удовольствием, доченька.

Дадавай шутливо сказал:

— Ох и попало мне от Гульназ за то, что я не спросил вас, что за вести от Юлдаша.

Ойниса вынула из кармана большой белый конверт.

— Вот они—новости. И радостные и печальные они. Я уж и наплакалась и успокоилась. Главное: жив он. Прочитайте-ка сами, а мы послушаем. Командир Юлдаша прислал.

Гульназ вынула бумагу, стала громко читать вздрагивающим от волнения голосом:

«Уважаемая Ойниса Садыковна! Ваш сын, лейтенант Юлдаш Таштемиров, служит в нашей авиационной части. Вчера он успешно выполнил первое боевое задание. Он вел бой с вражескими самолетами и один из них сбил. В воздушном бою самолет Вашего сына получил много повреждений, начал гореть. Но лейтенант Таштемиров показал высокое летное мастерство и мужество. Он не бросил свою машину, умело посадил ее в очень трудных условиях. Во время посадки горящего самолета Ваш сын получил ожоги рук и лица. Помощь ему оказана. Как только с его рук снимут бинты, он обо всем напишет сам.

Командование представило лейтенанта Таштемирова к правительственной награде, а Вам, матери, воспитавшей такого замечательного сына, мы все шлем сердечную благодарность.

*Командир части
майор Попов».*

Ойниса, хоть и перечитала это письмо десятки раз, едва не расплакалась.

— Я поняла так: рана его не тяжелая. Сначала ужасно переволновалась, а потом подумала: командир обманывать не станет, Юлдаш скоро поправится.

Гульназ плохо слушала слова Ойнисы. Юлдаш горел! Он ранен! Лежит, наверное, весь забинтованный. Как о нем заботятся? Она готова была лететь к нему, чтобы самой убедиться, что ожоги его не очень опасны, чтобы сидеть подле него, не смыкая глаз, и лечить его раны. Слезы катились по ее щекам.

— Вы думаете, ранение его серьезно?—спросила Ойниса.

— Юлдаш такой, что он и с тяжелым ранением не покажет вида,— с болью и гордостью сказала Гульназ.

— Это правда, доченька. Но, судя по письму командира, все обошлось благополучно.

— Нет, пока он сам не напишет, я не успокоюсь.

— Нет, доченька, так нельзя! Женщины всегда склонны преувеличивать опасность,— вмешался Дадавай-ака.— А ну, дай письмо... Видишь, писал сам командир. Разве он будет врать? Серьезный человек, зачем ему обманывать? Как было, так и пишет. Хорошо воевал Юлдаш — хвалит, ранен — и об этом сообщает. Мне кажется, нужно ему ответить от нас всех, поблагодарить за внимание к нам. Если вы не возражаете, я от имени всей родни напишу.

— Очень хорошо,— поддержала Ойниса.

— А Юлдашу напишите и вы, Ойниса-опа, и ты, дочка. Да нюни не распускай в письмах. Он боевой летчик, а вы к нему со слезами!— Переменив серьезный тон на шуточный, Дадавай вдруг спросил дочь:— Ты что же, хозяйка молодая, собираешься нас голодом морить?

— Ой, простите меня, мама, забыла все с этим письмом.

— Ничего, доченька, главная радость — жив он!

Гульназ поспешила на кухню. Дадавай-ака, рассматривая письмо, думал: «Подпись — майор Попов, уж не наш ли это Андрей Попов. Может быть, к нему в часть попал Юлдаш? Андрей видел Юлдаша мальчиком... Но фамилия Таштемиров должна ему о многом сказать».

— Вы не спрашивали Анну Николаевну, где находится

ее муж?—спросил Дадавай Ойнису.— Не наш ли это Попов подписал письмо?

— Нет, я у Анхон не спрашивала.

— Вы ей покажите письмо, номер полевой почты, подпись. Может быть, это он.

— Хорошо, если бы так!—воскликнула Ойниса.— Я как-то не подумала об этом, мало ли Поповых на свете. Завтра же поговорю с Анной Николаевной.

Воспользовавшись отсутствием Гульназ, Ойниса сказала хозяйину дома:

— Может быть, мне не совсем удобно говорить об этом, а вам неприятно будет слушать, но все же скажу. Я очень обрадовалась, когда узнала, что Лобар больше не живет в вашем доме. Она замучила бедную Гульназ и позорила ваше имя.

У Дадавая от смущения проступила на лбу испарина. Опустив глаза, он глухо сказал:

— Это была змея, а не женщина, слава богу, все это в прошлом.

После ужина Гульназ уговорила Ойнису остаться у них ночевать.

Дадавай-ака лег на веранде. Женщины расположились в комнате Гульназ. Они долго не спали, все разговаривали. Гульназ сказала:

— Хоть и трудно сейчас отцу и перед людьми стыдно, но все же так лучше. Отец совсем извелся, а теперь, как видите, немного повеселел... Я просто удивляюсь, как это Лобар и Зулунбек нашли друг друга. Вот уж правильно говорит пословица: «Свинья грязь найдет».

— Не думай больше о ней, доченька. Не стоит она этого. Хороших людей на свете больше, чем дрянных. Добро всегда восторжествует...

За долгие месяцы Гульназ впервые заснула спокойно, с легким сердцем. Ей была приятна близость Ойнисы, которую она не только называла, но и действительно считала матерью.

Глава восемнадцатая

ВКУСИВШИЕ ЗМЕИНЫЙ ЯД

Мухаммед вел своего коня к Анхору, чтобы напоить и выкупать. В вечернем небе громоздились тяжелые тучи. От воды тянуло пронизывающим холодом.

Невесело было на душе Мухаммеда. Не одна предстоящая разлука угнетала его—расставание вышло не таким, каким он его представлял. Когда началась война, Назик на всю махаллю причитала: «Я своего мужа ни за что не отпущу на фронт». А через несколько месяцев, когда Мухаммед объявил ей, что его призывают в армию, она спокойно сказала: «Что поделаешь, поедете, как все».

Одиннадцать лет прожил он с женой душа в душу. Любил ее и баловал. Да и может ли быть иначе, когда тридцатилетний мужчина женился на восемнадцатилетней хохотушке. Сначала ему было приятно выполнять желания и капризы юной красавицы. Потом здоровяк, наездник, заводила в мужских компаниях незаметно для себя попал под башмачок своей женушки. Да он, собственно, и не сопротивлялся ее власти, смотрел в ее глаза преданно, готов был исполнить любое желание жены. Любил ее — ничего не поделаешь! Тем более, что Назик год от года все хорошела. Она округлялась, становилась все пышнее. Кому как, а Мухаммеду это нравилось. Детей у них пока не было, да они и не спешили с этим.

Так и прожили весело и в согласии одиннадцать лет. Раньше Мухаммед не обращал внимания, что в махалле поговаривали о нем как о «бесплодном дереве». А теперь, перед уходом в армию, задумался над этим. Может быть, он погибнет. Или вернется калекой. И не будет на этом свете никого, кто продлил бы род, поддержал бы в старости, сберег память о нем. Провеселился одиннадцать лет, о потомстве не подумал!

Мухаммед пустил лошадь к воде, сам присел на корточки, зябко запахнул чапан, поежился от колючего ветра. Все еще можно поправить, он здоров и полон сил. Но теперь Назик ни за что не согласится на это. Не захочет она остаться с ребенком в тяжелую военную пору. Да и вообще, она очень изменилась с тех пор, как зачастила к ней подруженька Лобар. Прежде Назик была домоседка, а теперь...

Мухаммед снял чапан, повесил его на сук, вспрыгнул на коня и стал понукавать его. Конь понюхал воду, всхрапнул и медленно пошел вперед. Мухаммед постукивал его пятками в теплые бока.

— Что, холодно? Иди, иди, скоро тебя некому будет купать. Вспомнишь хозяина!

Конь, гулко дохнув, погрузился в воду и поплыл. Мухаммед поджал ноги. Остановив коня на мелком месте, искупал его, расчесал гриву. Сам озяб так, что зуб на зуб не попадал.

Когда они выбрались на берег, свет луны заиграл золотистым отливом на боках и блестящем крупе лошади.

— Ну, что, запомнишь хозяина?

Конь прядал ушами, будто соображал, о чем говорит ему человек.

Мухаммед накрыл его попоной, оделся сам и, ловко вспрыгнув коню на спину, весело сказал:

— Замерз! Сейчас я тебя нагрее!

Он проскакал от Анхора до дома. У ворот услышал неприятный громкий смех Зулунбека. «Уже явился этот шакал, ни одного дня покоя нет от него!»

Мужа встретила веселая Назик. Вскинула густые черные брови, кокетливо упрекнула:

— Я думала, уж не собрались ли вы зимовать на Анхоре. Гости заждались...

Прежде чем зайти на веранду, Мухаммед рассмотрел гостей сквозь застекленную дверь. На цветастых шелковых одеялах, постеленных вокруг низкого столика, сидели Зулунбек и Лобар. Не подозревая, что за ними наблюдают, Зулунбек склонился к соседке, потянул ее к себе за полную белую руку и шутливо прикусил ухо с жемчужной серьгой.

— Ой, осторожно, тысячу рублей стоит!— захихикала Лобар.— Вам не по карману такие штучки.

Увидев Мухаммеда, Лобар поднялась, поправила платье, застегнула пуговицу на пышной груди.

— А, дядя пришел! Ассалам алейкум.

— Здравствуйте,— не очень приветливо ответил Мухаммед и покосился на Зулунбека, который даже не счел нужным подняться, чтоб поздороваться с хозяином дома.

— А вы, я вижу, неплохо устроились,— сказал Мухаммед.

— Везет, дорогой. Но везет не всем и не всегда!

— Вижу.— Мухаммед сел и, подняв ладони к лицу, молвил:— Дай бог, чтобы все хорошо началось и хорошо кончилось.

— Я пойду помогать Назик,— поднялась Лобар и,

выходя из комнаты, подмигнула Зулунбеку, кивнув на хозяина: «Смягчите этого неотесанного».

— Где у нас это самое?— спросил Зулунбек.— Дайте, пожалуйста, мы тут с дядюшкой тяпнем.

Мухаммеду подействовало на нервы это фамильярное «дядюшка», но он смолчал.

Назик внесла в комнату блюдо с жареным мясом. За ней вошла Лобар с бутылкой без наклейки. Это был спирт.

Зулунбек полюбовался содержимым бутылки.

— Ну и прозрачная же—как родниковая вода! Редкая штука. Сейчас за такую бутылку на базаре все что угодно можно выменять. Любую красивую вещь.

— Зачем нам вещь, лучше давайте создадим красивое настроение,— сказала многозначительно Лобар, взглянув на Зулунбека.— Наливайте, бек, не теряйте времени понапрасну. Сегодня проводы уважаемого дядюшки!

— Да, конечно.— Зулунбек разливал спирт в поставленные рядком пиалушки.— Дядюшка, вы как будете пить—чистый или разведенный?

— Не стоит добро мутить. Раз уж прощальный вечер, то выпью чистенького.

Заметив, что Зулунбек наливает понемногу, Мухаммед сказал:

— Ваш папаша был, наверное, не из щедрых, а сын в отца. Женщины, дело другое, а нам можно и по полной этого проклятого зелья.

— Пожалуйста, дядюшка!— Зулунбек долил и подал полную пиалу.

— Это другое дело.— Мухаммед посмотрел на голубоватый спирт, он колыхался в пиалушке, словно прозрачное пламя.

— Этот дьявол, пока в бутылке, ведет себя тихо и смирно, а стоит попасть в нутро, начинает штучки откалывать: кровь кипит, язык разболтается, все тайны наружу выпустит. Ну, будем здоровы!

Мухаммед закрыл глаза, затаил дыхание и, медленно креня пиалушку, потянул в себя ее содержимое. Спирт обжег горло, потом все тело обдало жаром. Открыв глаза, Мухаммед увидел перед собой Зулунбека, который, выпив, с хрустом закусывал соленым огурцом. Зулунбек поднял пиалу и протянул ее Лобар.

— Прошу вас, разбавленный.

— Нет, одна не буду,— жеманно отказалась Лобар.— Если не выпьет Назик, и я не стану.

Зулунбек глянул покрасневшими глазами на Мухаммеда:

— Разрешите, дядюшка.

— Да нужно ли мое разрешение? Чего ты ломаешься?— гаркнул он на Лобар.— Раньше пила и теперь пей, нечего из себя скромницу строить!

— Вот видите, дядюшка разрешает, пейте!—Зулунбек подтолкнул незаметно Лобар в бок.

Лобар взяла пиалу и чокнулась с Зулунбеком.

— А вас долго уговаривать не приходится, уважаемая красавица!— подковырнул Мухаммед.

— Не надо портить настроение, дядюшка, давайте повеселимся и поговорим о приятном,— попросила Лобар.

— Ну что же, подавайте пример, послушаем вас,— сказал хозяин.

У Зулунбека после первой пиалушки лицо подернулось болезненной зеленоватой бледностью. Он чокнулся с Лобар, выпил вторую, Мухаммед пить не стал.

— Что же вы нас спаивать решили, а сами воздерживаетесь?— спросила Лобар.

— Больше не могу сегодня. Меня ждут друзья в чайхане. Я должен с ними попрощаться.

— Значит, вы нас покинуть собираетесь?— притворно обиделась Лобар.

— Нет, я вас не оставлю. Сперва, как полагается хозяину, вас провожу, а потом и к друзьям отправлюсь.

Лобар сделала вид, что не поняла намека. Зулунбек же не разобрал, что имеет в виду хозяин, он уже захмелел, похотливо посматривал на Лобар, доставая мясо из блюда, опрокинул бутылку. Лобар поспешила к нему, подложила подушки:

— Обопритесь, так вам будет удобнее.

Мухаммед глядел на раздумяившееся лицо Лобар и думал о своей жене. С завтрашнего дня она останется одна. Неужели и она будет вести себя так же, как эта пьяная развратница? Неужели его честный дом, где все нажито долголетним тяжким трудом, превратится в притон? Почему бы не дружить Назик с порядочными

женщинами. С Ойнисой, например. Как она свято бережет память о своем погибшем муже! Воспитала хороших детей! Работает, помогает людям, пользуется всеобщим уважением! А эта Лобар... Чему у нее научится Назик? Нет, пока есть время, надо спасти ее. Надо что-то придумать, растолковать ей, как должна себя вести она. О боже, что с ней будет, она такая наивная и легкомысленная! Без меня пропадет!

Перехватив взгляд Назик, которая подавала захмелевшему брату пиалу с кок-чаем, Мухаммед спросил:

— Как ты думаешь жить без меня, птичка моя?

— Не умру с голоду,— беззаботно ответила Назик,— брат устроит меня на работу в свою поликлинику.

— Правильно... возьму!— пьяно забормотал Зулунбек.

— В общем, будешь там как сыр в масле кататься,— язвительно поддакнул Мухаммед.— А кем же будет работать ваша сестрица?— спросил он Зулунбека.

— Санитаркой,— ответила за него Лобар.— И я буду санитаркой. Вместе пойдем с ней на работу.

— Так-так...— Мухаммед подумал.— А как с коровой и теленком?

— Да пропади они пропадом!— воскликнула Лобар.— Столько лет я чистила навоз, самые лучшие годы ушли на это! Продала я их. Теперь мы с Зулунбеком почище дело развернули. Знаете, сколько стоят на базаре десять граммов сульфидина? Шестьсот рублей!

— Ого! Куда же вы деньги девать будете, душенька?— спросил арбакеш иронически.

— В золото превратим. Половину выручки Зулунбеку, половину нам с Назикхон. Можете на войне не беспокоиться, мы здесь не пропадем.

Мухаммед не выдержал. Он вскочил, ногой распахнул дверь и приказал:

— А ну, дорогие гости, не надоел ли вам наш дастархан?

Назик растерялась от столь неожиданной выходки мужа, залепетала:

— Он, наверное, перепил... сидите, пожалуйста.

— А ну убирайтесь, живо!

— Что вы делаете?— Назик подбежала к мужу.— Он же брат родной, а она подруга...

Зулунбек, не понимая, что происходит, тупо моргал глазами. Хозяин подошел к нему, бесцеремонно взял его за шиворот.

— А ну вставай...

В него тут же вцепилась Лобар.

— Как вам не стыдно, он гость в вашем доме.

— Вон отсюда, сука!—прорычал ей в ответ арбакеш. Подтащив Зулунбека к двери, он дал ему крепкого пинка под зад, отчего бек, перелетев веранду, распростерся посередине двора.

— Милая,— с деланной мягкостью обратился Мухаммед к жене,— проводите ваших гостей, закройте калитку на запор, а потом я с вами поговорю.

Когда Назик, закрыв дрожащими руками калитку, вернулась к мужу, он проветривал комнату и убирал со стола. Назик боязливо приблизилась. Он гневно глянул на нее — она невольно опустила на колени.

— Я не думал, что дело зашло так далеко,—стараясь быть спокойным, сказал Мухаммед.—Пока не поздно, покончим с этим. Тот, кто мог бы меня обмануть, еще не родился, запомни это, милая!

Назик поспешно кивнула: «Все, мол, я понимаю».

— Вот так-то, милая,— Мухаммед нагнулся к Назик, приблизил свое лицо к ее испуганным глазам.— Или ты будешь жить честно, или собирай манатки, пока я здесь, грузи их на арбу.

— Если я виновата, скажите, в чем.— Назик жалобно заплакала.— Лучше убейте меня, только не мучьте.

Мухаммед выпрямился, иронически улыбнулся:

— Столько лет я тебя пальцем не трогал—и вдруг убей! Нет, милая, я не позволю пылинке сесть на твою голову! Но от тебя требую одного: чистоты и верности. Не думай: «Завтра уедет и ничего не узнает». Я такой: змея под землей шевельнется—услышу. В каждой стене здесь мои глаза и уши—имей это в виду! Так что давай договоримся сразу: чтобы ноги тех сволочей не было в этом доме. На работу к Зулунбеку не пойдешь. Они пять дней попируют, а потом годы будут гнить в тюрьме. Кривая дорожка не для моей жены. Ты все поняла, милая?

— Поняла...

— Очень хорошо, умница. Теперь еще один совет: иди

к тете Ойнисе, поступай к ней на фабрику. Будешь шить для нас одежду. Это и почетно, и прокормишься без меня.

— Ладно.

— Ну вот и поговорили,— Мухаммед облегченно вздохнул.— Теперь я пойду попрощаюсь с друзьями.

Назик пошла проводить его до калитки. Во дворе он обнял ее за плечи и грустно сказал:

— Пуля меня не возьмет, а вот тоска по тебе засушит.

Он поцеловал ее жадно.

— Ох, исстрадаюсь я по тебе,— сказал еще раз сокрушенно арбакеш и вышел на улицу.

Глава девятнадцатая

ПОСЛЕДНИЕ РУБЕЖИ

Капитан Алиджан Абдуллаев обходил свой батальон, отошедший на новый рубеж обороны. В последнем бою опять были тяжелые потери, людей становилось все меньше. Да и те, кто остался жив, выглядели измученными, обросли бородами, ходили в грязных шинелях.

Капитан прикидывал, на что способны его подчиненные. Своего оружия хватало, к тому же кое у кого появились трофейные немецкие автоматы. Противотанковые ружья все целы, есть гранаты, бутылки с зажигательной смесью. «Нет, боевой дух не сломлен, люди готовы бить врага»,— думал комбат. Капитан повидался с ротными, уточнил позиции. Командир первой роты, высокий худой лейтенант Салтыков, был ранен в левую руку, носил ее на подвязке из бинта. Второй ротой вместо погибшего капитана Веденева командовал политрук Мусаев. В третьей роте вообще не осталось командиров, здесь верховодил старший сержант Нонешвили.

Усталые люди рыли окопы, украдкой поглядывали на хмурого комбата. Никто не заговаривал с ним, все прятали глаза, каждый в душе считал себя виновным в отступлении.

Алиджан, глядя на измученных красноармейцев, ду-

мал о том, как много у этих простых людей и выдержки, и терпения, и отваги. Они бились до конца. Гитлеровские самолеты буквально засыпали их бомбами, танки перепыхивали землю, артиллерия и минометы выпускали по сотне снарядов на каждого—и все же они держались. Алиджан знал: отступление временное, скоро оно прекратится и врага погонят назад.

Он гордился своими людьми и жалел их: эти ребята были достойны и отдыха, и хорошей пищи, и чистой одежды. Но ничего этого капитан не мог им дать и даже пообещать в ближайшем будущем.

Капитан Абдуллаев не сомневался в том, что Гитлер будет разгромлен в самое короткое время Красной Армией, что нападение на Советский Союз—это конец фашизма. Успехи фашистов в первые месяцы войны не поколебали этой уверенности. Однако сверлила беспокойная мысль: когда же мы остановимся? Москву нельзя отдавать ни в коем случае! Хватит отступать!

Возвратясь на командный пункт, Абдуллаев встретил здесь своего заместителя—батальонного комиссара Кунаева. Он тоже только что вернулся с передовой.

— Ходил я на стык с соседом справа, посмотрел, как там дела,— сказал Кунаев.— Связь установлена, огневое взаимодействие налажено.

Достав кисет, Алиджан стал вертеть самокрутку из газеты, протянул махорку комиссару. Вместе закурили. Капитан затягивался сигаркой так сильно, что махорка потрескивала, а газета вспыхивала маленьким голубым огоньком.

Хорошо зная своего боевого друга, Кунаев определил: «Психует».

— Чего ты нервничаешь?— спросил он комбата.

— Все думаю, когда начнем бить немцев по-настоящему.

— Мы и сейчас им спуска не даем. Птичка по зернышку клюет. Придет время, и у фашистов хребет сломается от наших зуботычин.

— Я не птичка, и клевать мне надоело, хочу одним махом свернуть им шею.

— Не горячись...

Между деревьями замелькал старенький «газик». Это была машина командира полка. Подкатив к высоким соснам у командного пункта, «газик», скрипнув тор-

мозаи, остановился. Из машины вышел полковник Ребров. Капитан поспешил ему навстречу.

— Товарищ полковник, второй батальон готовит новый рубеж обороны...

— Здравствуй,— перебил полковник Абдуллаева, протягивая руку.— Новый рубеж,— по-стариковски заворчал он,— новый рубеж, ни конца ни края им не видно. Дай распоряжение, чтобы собрали командиров подразделений через час, а мы пока пройдем по твоей обороне.

Полковник, прихрамывая, пошел впереди. Абдуллаев посмотрел, кому бы поручить сбор командиров, но Кунаев шепнул:

— Иди с ним, комбат, я все сделаю...

Полковник шагал вдоль траншей, мимо роющих землю красноармейцев. Заметив обросших узбеков, которых в батальоне было много, полковник остановился.

— Салам алейкум!

— Алейкум ассалам,— уважительно прикладывая руку к груди, ответили бойцы, улыбаясь тому, что полковник обращается к ним на родном языке.

— Каердан буласиз? (Откуда будете?)

— Из Ферганы... Из Ташкента... Из Бухары...— посылались ответы.

Полковник сказал: «яхши». На этом запас его знаний узбекского языка иссякал. Он не скрывал этого, сам добродушно шутил над собой. Однако всегда и везде, где бы ни встречался с узбеками, заговаривал с ними на их языке. Он был уверен, что им это приятно. И не ошибался. Узбеки с гордостью говорили: «Командир хорошо наш язык понимает!»

Абдуллаеву полковник Ребров сказал:

— Я бывал в Средней Азии. Басмачей гонял под Андижаном еще при Михаиле Васильевиче Фрунзе. Хороший у вас народ— трудолюбивый, гостеприимный.

Те, кто слышал эти слова, передавали их другим узбекам, и людям легче и веселее становилось работать.

Когда капитан с полковником возвращались на командный пункт, командиры были уже в сборе. Они сидели под соснами кто на чем: на пнях, ящиках, охапках хвои.

Командиры встали, приветствуя полковника.

— Садитесь, товарищи.— Он подождал, пока все устроится на своих сиденьях, и ровным голосом начал:

— Обстановка тяжелая. Но это совсем не значит, что безвыходная. Все вы, наверное, думали: почему отступаем? Когда кончится отход? А он вынужденный, ибо враг сосредоточил огромные силы и ударил внезапно. Вы об этом хорошо знаете. Теперь, товарищи, настал наш день. Отступать больше нельзя. За нами Москва. Ее судьба в наших руках. Мы не допустим, чтобы по Москве ходили фашисты. Но сделать это очень тяжело. Гитлеровцы собирают для решающего удара огромные силы. К нашему участку подтянуты свежие дивизии «СС». Но мы должны выстоять во что бы то ни стало! На подступах к столице созданы мощные оборонительные рубежи, сюда выдвинуты резервы... Враг не пройдет!

Командиры сдержанно зашумели. Они были возбуждены— значит, отступлению конец! Капитан Абдуллаев поднял руку, призывая к тишине:

— Товарищ полковник, мы заверяем командование, что второй батальон выполнит приказ, мы с этого рубежа не уйдем, будем стоять насмерть!

Времени для долгих разговоров не было. Командир полка спешил в другие батальоны.

Весь день батальон Абдуллаева рыл траншеи, надеялись много сделать и ночью. Однако под вечер неожиданно ударила немецкая артиллерия.

— Ну, кажется, начинается!— сказал Абдуллаев комиссару и побежал из блиндажа на наблюдательный пункт. Он осмотрел в бинокль рубеж, занимаемый батальоном. Рядом со змейками траншей земля кипела от взрыва. Черные фонтаны разной высоты вскидывались вверх и осыпались на головы красноармейцев.

— Скоро пойдут,— крикнул Абдуллаев комиссару, когда огонь артиллерии стал ослабевать.— Успел ли Салтыков поставить истребителей танков у дороги?

— Сейчас попробую связаться по телефону.— Кунаев опустил в окоп, закрутил ручку аппарата. Он долго кричал в трубку.

Несколько снарядов пронеслись над НП и грохнули неподалеку.

— С Салтыковым связи нет, на проводе Мусаев. Капитан взял трубку.

— Мусаев, как у тебя? Еще не пошли? Пошли? Ну, дайте им прикурить, ты знаешь, как это делать! Только смотри, Мусаев, зря башку-то не подставляй, она нам еще нужна будет!

— Очень я беспокоюсь за Салтыкова,— сказал комиссару Абдуллаев, прислушиваясь, как разгорается бой у дороги. Оттуда доносились частые, короткие выстрелы танковых пушек. Значит, уже навалились на первую роту. В бинокль лощина, по которой шла дорога, просматривалась плохо, а теперь еще дым и пыль затянули ее.

— Пойду в первую,— не выдержал капитан,— а ты иди к Нонешвили, он хоть и хороший парень, но все же сержант, нелегко ему с ротой управляться.

Они уже готовы были выпрыгнуть из траншеи, как над головой загудели самолеты.

— Стой! Ложись!— крикнул Абдуллаев.

Эскадрилья бомбардировщиков разворачивалась для бомбометания. Разобравшись, где свои, а где чужие, самолеты сбросили бомбы. Черные точки полетели на боевые порядки гитлеровцев.

— Так это ж наши!— радостно крикнул капитан.— Ах, молодцы, как они вовремя подоспели!

— А бьют как точно, прямо по танкам сыпанули!— вторил ему Кунаев, сияя раскосыми глазами.

— Ну, пошли,— сказал капитан, выпрыгивая на бруствер,— на нашу долю танков тоже хватит.

Пригибаясь и падая от близких разрывов, капитан побежал к дороге. Самолеты заходили на цель второй раз. Сейчас они, наверное, и по артиллерии ударят. Однако надежды капитана не сбылись, из облаков, точно осы, вылетели три «мессера». Завязался воздушный бой. Один из наших бомбардировщиков, заваливаясь набок, задымился и круто пошел к земле.

Алиджан следил за горящей машиной, взволнованно шептал:

— Ну что же вы, ребята, не прыгаете? Прыгайте! Прыгайте же! Поздно будет...

Самолет упал на лес. Черное облако дыма долго висело над этим местом.

Алиджан прибежал в первую роту, когда немецкие танки уже вплотную подошли к траншеям. Как он и предполагал, основные силы немцев рвались вдоль доро-

ги. На танках фашистов, прячась за башни, сидели и лежали автоматчики.

Капитан крикнул Салтыкову:

— Где твои пулеметы? Пусть бьют по автоматчикам, надо отсечь пехоту от танков.

— Уже дал команду, да они, наверное, не могут достать их за башнями, выжидают, чтобы фланг подставили.

Танки приближались. Гулко били по ним противотанковые ружья. Высекая огненные искры, пули отскакивали от брони.

— Ты успел истребителей выставить?

— Успел. Они там...

Мина грохнула в соседний куст.

— Они там,— повторил Салтыков,— только окопаться как следует не успели, наверное.

Алиджан посмотрел в бинокль. У дороги красноармейцев видно не было. Или хорошо замаскировались, или их уже нет в живых,— взрывы там во время артподготовки ложились густо. «А если истребителей нет, значит, танки пройдут»,— подумал Алиджан.

— У тебя здесь гранаты и бутылки есть?— спросил он ротного.

— Есть.— Понимая, что комбат в крайнем случае намеревается останавливать танки сам, Салтыков успокоил:— Там бойцы надежные, они не пропустят.

Танки ползли черными коробками, расставленными в шахматном порядке. Вдоль дороги их было пятнадцать. Ударил наша артиллерия. Стальной град посыпался на фашистов. В небо взметнулись три прямых черных столба.

— Ага, три прямых попадания,— отметил Абдуллаев.— Молодцы!

Огневой удар, однако, наступления не остановил, танки неслись вперед. Как только их первая линия подошла к тому месту, где засели истребители, одна из машин вздрогнула, будто ударилась в стенку, другая закружилась на месте. Послышался взрыв гранат.

— Мои истребители работают!— воскликнул Салтыков.

Еще один танк остановился и задымил.

Однако остальные прошли. Они мчались теперь прямо на командный пункт роты.

— Где у тебя телефон?— спросил Абдуллаев.

— Здесь.

— Вызови скорее Мусаева.

Салтыков дозвонился, подал капитану трубку.

— Мусаев? Видишь танки, которые идут на нас?

— Вижу.

— Бей их по боковой броне.

— Есть.

Танки неслись на большой скорости. Алиджан протянул руку, не глядя на Салтыкова:

— Гранаты...

Ротный дал ему связку.

«Успеет или не успеет поддержать нас Мусаев»,— думал капитан, сжимая гранаты.

Коротко забухали сбоку противотанковые ружья. Два передовых танка зачಾದили. Потом еще четыре. Остальные попятились назад. Уцелевшие автоматчики, отстреливаясь на ходу, убегали, прячась за танки.

«Ну, первую атаку, кажется, отбили,— с облегчением подумал комбат.— Как там дела у Кунаева?»

Он дозвонился в роту Нонешвили. В трубке гремели взрывы, слышались крики и рокот моторов.

— Как дела, комиссар?

— Жарко!

— Ну мы люди азиатские, нам к жаре не привыкать! Сколько набили танков!

— Четыре... Еще лезут... Позвоню позже.

— Может быть, помочь?

— Не надо, держитесь сами, мы справимся...

Трубка вдруг умолкла.

— Салтыков! Твою связь порвало, пошли связистов,— крикнул Абдуллаев командиру роты.

— Есть!— откликнулся ротный...

А отходящие танки начали бомбить самолеты. На душе капитана было радостно: «Наконец-то наша авиация по-настоящему заработала!»

Связист, которого посылал Салтыков, устранил порыв, телефон ожил. Комбат поднял трубку, услышался голос комиссара:

— Алло... Ну, мы здесь отбили атаку.— Он помолчал.— Особенно жарко было на направлении Мусаева.— Комиссар опять замолчал.

Алиджан почувял недоброе.

— Что случилось?— требовательно спросил он.

— Мусаев сам отбивался гранатами. Поджег танк и... тяжело ранен... Очень тяжело.

— Ранен или убит?— уловив неуверенность в тоне Кунаева, спросил капитан.

Комиссар молчал.

— Я пойду в роту Мусаева,— коротко бросил капитан Салтыкову и выпрыгнул из траншеи.

— Пригнитесь!— крикнул ему командир роты.

Абдуллаев ничего не ответил, только махнул рукой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

ПЕЧАЛЬНЫЕ БУДНИ

Морозы ударили внезапно, в первых числах ноября. Земля затвердела, словно каменная. Ледяной воздух обжигал лицо. Все сжалось, оцепенело, съежилось. Воробьи, которые еще вчера прыгали и чирикали повсюду, попрятались в гнезда под крышами. Только вороны, гордо каркая, перелетали с дерева на дерево, рылись в отбросах, презрительно поглядывая на озябший мир.

Сразу сказалась нехватка дров. Да и где их взять? Лесов нет. Фруктовые деревья не порубишь. А эшелоны с углем идут на заводы. Очереди возле топливных складов сразу взбухли и вытянулись. Зашныряли меж озябших людей дельцы и спекулянты, за кубометр дров драли чуть ли не кубометр денег.

Жители махалли Арпапая вспомнили своих перевозчиков угля— арбакешей. Как хорошо и удобно было: летом, загодя, арбакеш сам получит уголь на складе, сам привезет да свалит возле калитки, а хозяину вместе со всей семьей оставалось только перенести его в сарайчик. Но нет славных махаллинских арбакешей. Муж Назик— Мухаммед Карвон— в действующей армии, муж Кумри — Салим — в рабочем батальоне. Единственный арбакеш на всю Арпапая — Абдулла — сын Кумри. Да и тому возить нечего: каждый день спозаранку отправляется на топливный склад, а к вечеру возвращается с пустой арбой.

Мороз, как плетка-камча в руках войны, свирепо стегал направо и налево. Удвоились заботы, обострились тревоги.

Возвращаясь с работы поздно вечером, Ойниса теперь думала, как бы обогреть комнату. Не о себе заботилась — о Шурочке. Девочка и так была слабенькая, а тут вдруг совсем слегла.

Выйдя на Бешагаче из холодного, промерзшего насквозь трамвая, Ойниса торопливо зашагала к дому. Было совсем темно, а свет на улицах еще не зажигали. «Тоже, наверное, экономят», — подумала Ойниса, поглядев на темные столбы, вытянувшиеся вдоль дороги.

Над Анхором склонились талы, похожие во мраке на чудовища. Под карагачами ни души, только окошко в чайхане тускло светится.

Распахнув калитку, Ойниса увидела во дворе под навесом чью-то фигуру. Это была женщина. Она остановилась перед Ойнисой и негромко сказала приятным девичьим голосом:

— Салам алейкум.

Ответив на приветствие, Ойниса подумала: «Кто же это может быть?» Она всматривалась в незнакомку: среднего роста, стройная, одета в черное плюшевое пальто, на голове белый платок, сапожки фасонистые, на каблучках. Ни одну из девушек махалли она не помнила. «Может быть, хочет на фабрику устроиться? Или подруга Гульназ по какому-нибудь делу?»

— Входите, пожалуйста, в дом, — пригласила Ойниса.

— Вы, наверное, меня не узнали, — несмело сказала девушка, — я — Назокат.

Ойниса всплеснула руками.

— Да как же это я сразу вас не признала? Темно тут... — Ойниса распахнула объятия, засыпала девушку вопросами. — Почему же вы тут стоите? Отчего в дом не зашли? Когда приехали? Давно ли ждете?

Держа гостью в объятиях, Ойниса почувствовала, что она дрожит.

— Я постучала, никто не ответил.

— Бедняга, как вы продрогли! Идемте же поскорее в дом.

Девушка подняла чемодан. Они пошли через двор. Ойниса на ходу объяснила:

— У нас часто выключают свет. Экономия. Мои гости на работе. Нонна Матвеевна в ночной смене на фабрике, ее старшая дочь дежурит в госпитале. А млад-

шая девочка больная лежит, наверное, не слышала стука.

Войдя в комнату, Ойниса вывернула фитиль в едва тлевшей лампе. Шура, укрытая одеялом, посмотрела на пришедших большими блестящими глазами, приподнялась.

— Лежи, лежи, доченька. Это я. Гостья к нам из Коканда приехала. Помнишь, письмо ее читали?.. Да, кстати, почему вы не сообщили о своем приезде, я бы встретила.

— Не хотели беспокоить, у вас и так хлопот много. Мы с папой посоветовались и решили, что мне нужно к вам ехать. Помочь. Папа посадил меня в поезд — и вот я здесь.

— Спасибо вашему доброму отцу. Я очень рада. Как хорошо, что вы приехали!

Ойниса действительно была рада — невеста ее сына Эргаша будто принесла в дом его тепло.

А Назокат, глядя на больную, думала: «Бедная, у нее, наверное, высокая температура. Лежит одна и присмотреть некому. Вовремя я приехала».

— А я вас правда помню, по письму, — сказала Шурочка.

— Вот и хорошо. Я помогу тебе, ты скоро поправишься.

А девочка вдруг сказала восхищенно:

— Какая вы красивая, тетя!

Назокат покраснела от этой неожиданной простодушной похвалы. Чтобы скрыть смущение, она поспешила к чемодану.

— Папа прислал вам небольшой подарок.

Услышав магическое для каждого ребенка слово «подарок», девочка приподнялась и замерла в трепетном ожидании. Назокат уловила это. И хоть не было у нее специального подарка для Шуры, она все же вышла из затруднительного положения.

— И тебе мой папа прислал подарок, — сказала она. Достав из чемодана огромную ярко-желтую айву, очищенную от коричневого пуха, протянула Шуре. Комната сразу же наполнилась терпким ароматом.

— Ты видела когда-нибудь айву?

— Нет... Как хорошо пахнет! Какой красивый! Я его есть не буду, я хочу все время дышать им!

— Ешь, милая,— сказала Назокат,— я тебе еще дам. Она выложила из чемодана айву и гранат. Достав небольшой сверток, протянула Ойнисе:

— А это вам, мама.

Ойниса осторожно развернула бумагу. Отрез маргиланского цветастого хан-атласа заблестел даже при тусклом свете керосиновой лампы.

Ойниса минуту полюбовалась прелестной материей. Вздохнув, сказала:

— Стара я для таких красивых платьев. Вам же из него и сошью, доченька.

— Нет, нет, мама, ни за что! Это для вас. Сошьете себе платье обязательно. И наденете его в радостный день, когда мои братья вернутся с фронта.

— Ну ладно, доченька,— согласилась Ойниса,— только бы поскорее настал этот день!

Ойниса постелила новую курпачу возле низенького столика, пригласила гостью сесть, а сама занялась приготовлением чая.

Назокат осмотрелась. В комнате холодно. В углу давно не топленная жестяная печурка. У рта девочки, грызущей айву, иногда появляется облако пара.

Назокат остановила взгляд на портрете Таштемира. Шура, заметив это, пояснила:

— Это папа Эргаша-ака и Юлдаша-ака.

— Я это поняла. Они очень похожи на своего папу. На веранде слышались голоса.

— Стоило так утруждать себя, милая,— говорила с укором Ойниса, но в голосе ее слышалась радость.— Ташили сюда такую тяжесть!

— Какая это тяжесть!— отвечала запыхавшаяся женщина.— Что я вам, арбу приволокла— всего-то ведерко угля! Да и не одна я до этого додумалась. Назикхон видела, что к вам гостья приехала, вот и говорит: «Холодище в комнате Ойнисы-апа, давай уголька ей отнесем».

— Спасибо, Кумри, большое спасибо. Пусть вас не обойдет радость! Заходите в дом.

Ойниса ввела подругу в комнату. Назокат встала с курпачи, поклонилась. Кумри похлопала девушку по плечу, поздоровалась, весело затараторила:

— Моя подружка Назик видела вас, когда шла за водой к Анхору.

— Садитесь, пожалуйста!

— Нет, вы садитесь, вы гостья наша, а я здесь своя,— весело возразила Кумри. Она взяла пустое ведро, стоявшее около печки.— Я помогу немного Ойнисе, а то здесь окоченеешь.

И Назокат потянулась к ведру, но Кумри запротестовала:

— Я пришла помогать! Давайте я растоплю.

После вежливых препирательств с гостьей Кумри стала разводить огонь в печке. Ойниса поставила чай. В дверь ввалилась укутанная в платок с лепешками в руках Назикхон.

В печке бойко запылал огонь, раскаливший печку докрасна. В комнате стало тепло. Женщины сняли пальто и платки. Спрыгнула с кровати и Шурочка. Все расселись у столика и с наслаждением пили горячий чай. Женщины размякли от тепла. Разговор как-то не клеился — после трудного дня все устали. Назокат хотелось поговорить с Ойнисой о своих делах, но она стеснялась посторонних. Да и Ойниса тоже хотела расспросить девушку о многом, однако, зная легкие языки подружек, сдерживалась. Кумри украдкой разглядывала приезжую красавицу. Ее так и распирало любопытство: кто она, зачем приехала из Коканда, какие у нее дела к Ойнисе? Стесняясь спрашивать, Кумри ждала, когда об этом зайдет речь. Назик, слывшая прежде большой болтушкой, тоже помалкивала. За последние месяцы, после ухода мужа в армию, веселая толстуха очень изменилась. От ее былого легкомыслия не осталось и следа, стала она степенной и задумчивой. Однажды к ней пришли, как это бывало и раньше, Зулунбек и Лобар, — Назик им даже не отворила дверь! Молва об этом облетела всю махаллю. Одни поверили, другие нет. Ойниса поверила, она видела, Назик не та, не надевает ярких платьев, тоскует о муже, похудела, поблекла...

Понимая любопытство женщин, Ойниса сказала:

— Назокат— моя дочь. Она приехала из Коканда. Я сама пригласила ее в Ташкент. Будет теперь жить со мной, никуда ее ни на шаг не отпущу.

— У вас такая красавица дочь, а мы-то ничего не знали!

— Совсем взрослая, уже невеста!

Щеки Назокат зарумянились, она смущенно перебирала бахрому скатерти.

— Мама,— попросила она,— позвольте, я добавлю несколько слов.

— Говори, милая.

— Я дочь мастера-печника Мусы из Коканда. Мама моя умерла, когда я была девочкой. Меня и брата вырастил отец. Брат мой женился на кокандской девушке Зухре. Вскоре его призвали в армию. Зухра по настоянию отца переехала к нам. Она актриса, играет в нашем городском театре. Бедная, она так страдает, писем с фронта нет, брат как в воду канул... Прошлым летом наш театр выезжал в Фергану на гастроли. Зухра взяла меня с собой. Однажды я смотрела «Тахира и Зухру». Рядом сидел молодой человек. Это был ваш сын Эргаш. Он привез в театр своих колхозников. Потом мы познакомились.

— Где-то он сейчас,— печально произнесла Ойниса.— Мы хоть в холодных, но все же домах, а они там под открытым небом...

Женщины погрузнели.

— А мой Салим пилит лес на Урале. Урал ведь это рядом с Сибирью, там морозы ужасные,— сокрушенно сказала Кумри.

— А мой даже не пишет,— дрогнувшими губами тихо молвила Назик,— должно быть, так я ему надоела, что и вспоминать не хочет!

— Не выдумывайте, Назикхон!— сказала Ойниса.— Мухаммед вас так любил, многие жены позавидовать могут! Он вас помнит, просто фронтовые дороги очень длинные. Его письма где-то в пути. Скоро получите!

— Спасибо, подружка,— тихо отозвалась Назик. В эти минуты она видела перед собой своего Мухаммеда. Как он, бедный, страдал перед расставанием... В тот вечер она сказала ему, что беременна. Как он ласкал ее, смеялся, сиял от счастья! Вспоминала Назик и совет мужа: «Держись поближе к Ойнисе, иди к ней на фабрику». Немало уж дней прошло после отъезда Мухаммеда, а Назик сидит в доме одна-одинешенька. А чего ждать?

— Ойниса-апа, если я завтра приду на фабрику, возьмут меня на работу?

— Конечно. Возьму к себе в цех, если хочешь. Будем шить красноармейцам гимнастерки и белье.

— Пойду, завтра же, обязательно,— решила Назик. Она встала.— А теперь позвольте нам уйти— поздно. И вам отдыхать пора.

Когда гости ушли, девочка легла на постель и уснула.

Ойниса и Назокат остались у столика.

— Часто вам пишет Эргаш?— спросила Ойниса.

— Последнее письмо пришло больше месяца назад. Писал, что идут бои. Тревожился о вас. С тех пор ничего нет...

— И я не получаю... Нет писем ни от Юлдаша, ни от Эргаша. Прислал как-то весточку командир Юлдаша по фамилии Попов. Я сначала думала, что это муж моей подруги Ани. Но это оказался другой Попов. Писал он, что Юлдаш храбрый и ранен. Где он сейчас? Выздоровел ли? День и ночь об этом думаю.

— И я... только об Эргаше.

Некоторое время они молча смотрели на колеблющийся огонек лампы. Затем Назокат тихо сказала:

— Спасибо вам, мама, что вы часто писали мне. Знали, что я радуюсь каждому слову об Эргаше. Мы с папой вместе читали ваши письма. Он ведь по письмам вас и узнал. Думал, думал и однажды говорит: «Езжай, дочка, в Ташкент, найди мать Эргаша. Будь рядом с ней. У матери сердце кровью обливается. И ты страдаешь в одиночестве. Вместе вам будет легче. Поможешь ей по хозяйству. Создашь в доме уют. Одиночество хуже смерти. Езжай».

— Я очень благодарна вашему отцу. Он мудрый человек.— Ойниса взяла руку девушки, погладила ее.— И очень добрый. О нас подумал, позаботился, а сам остался один.

Было за полночь. В лампе кончался керосин, огонек осел, замигал. Ойниса постелила себе и Назокат. Подбросила в печку угля и, поставив лампу в нишу, прикрутила огонь.

Назокат долго не могла заснуть. Осторожно, чтобы не тревожить Ойнису, поворачивалась с боку на бок.

— Я тоже не сплю, дочка,— тихо шепнула Ойниса.

— Хоть бы скорее письмо пришло, сил нет больше ждать.

— Придет, милая, придет,— успокаивала Ойниса.—

Я много ждала в своей жизни, знаю, что это не легко. Привыкай...

На дворе посвистывал ветер. Постукивали в окно смерзшиеся снежинки. На стеклах проступали синеватые узоры мороза.

— Мама, я всегда буду с вами. Пойду тоже работать на фабрику.

— Хорошо, доченька. Спи.

Рано утром, когда еще не рассвело и поземка гнала по дороге выпавший ночью снег, четыре женские фигуры, укутанные в платки, отворачивая лица от холодных порывов ветра, шли к трамвайной остановке на Бешагач. Они спешили, им надо было успеть на первый трамвай, вышедший из парка...

Глава вторая

ДУМЫ ДЕДА КУЛДАША

Редко бывают в Ташкенте такие зимы. Обычно холода сменяются солнечными оттепелями, потом опять небо нахмурится, мокрый снег упадет, а к обеду, глядишь, уж и растаял, пар поднимается от земли. А тут, как нарочно, лютуют морозы. Вот уж правду говорят: пришла беда — отворяй ворота. И война, и голодно, и холодно.

Снегу навалило много. Покрыл он толстым слоем берега Анхора, придавил плоские крыши домов. Кажется, от этого дома ниже сделались. Голые деревья дрожали на берегу Кичкирика, глядели на свои отражения в вороненой воде, будто думали: что же теперь с нами будет?

Люди выбирались из-под придавленных сугробами жилищ, закрыли за собой калитки, ушли на работу.

Только один дед Кулдаш бродил по своей махалле. Запахнув овчинную шубу, надев на голову казахский меховой треух, натянув на ноги поверх многочисленных портянок кожаные выворотные сапоги, он ходил по берегу Кичкирика, заложив по-стариковски руки на поясницу, и все думал какую-то думу.

Невеселые были его размышления. Давно уж томили они деда Кулдаша. Каждый день радио возвращало его к ним. Как только включишь репродуктор — он тут же

спрашивает: «Что ты сегодня сделал для фронта?» Слышал дед ежедневно и другие слова: «Все для фронта! Все для победы над врагами!» Но это был лозунг для всех, для всей страны. А эти слова, обращенные прямо к нему: «Что ты сделал?» — не давали покоя, постоянно звучали в ушах. Будь у него силы, мог бы он держать оружие в руках, пошел бы на фронт вместе с внуками Юлдашбаем и Эргашбаем бить фашистов. Но старость высушила былую силу, гнет к земле, проклятая... А радио все спрашивает: «Что ты сделал для фронта?» Извелся дед Кулдаш.

Выход, как часто это бывает, нашелся неожиданно. Но дед Кулдаш не рубил с плеча, принимал решение не торопясь. Со всех сторон подходил, прикладывал, взвешивал, примерялся, оценивал, пока не убедился, что замыслил дело действительно большое, нужное и благородное.

И сегодня, прогуливаясь по берегу Кичкирика, дед думал все о том же: «Фашисты сбили самолет Юлдашбая. Они думают, не на чем ему теперь летать. А я, старик, в далеком Ташкенте, о котором Гитлер никогда и слыхом не слыхал, возьму и куплю внуку новый аэроплан! Да pošлет аллах быстрое и полное выздоровление Юлдашбаю! Вот и просчитается враг окаянный. Думает, у нас на один самолет меньше, не тут-то было! Взлетит в небо Юлдашбай на новом, лучше чем прежний, аэроплане... И тогда он, безвестный дед Кулдаш, как только радио спросит: «Что ты сделал для фронта?» — расправив плечи, гордо скажет: «Купил аэроплан! Купил новенький аэроплан на свои деньги и отправил на фронт внуку Юлдашбаю!»

Обычно дед Кулдаш ничего не предпринимал, не посоветовавшись с женой. Она старуха мудрая, всегда дельный совет подаст. Но на сей раз дед утаил от нее свою думку. Одно дело, когда собираешься купить на базаре пару калош, и совсем другое, когда замыслил приобрести аэроплан. Что в таком деле может подсказать старуха? Дед предвидел: нелегкое дело он затевает, сколько всяких препятствий и формальностей будет, к тому же он толком не знает, сколько стоит этот самый аэроплан. Многое случалось покупать за долгую жизнь деду Кулдашу: и арбу, и лошадей, и баранов, а вот аэроплан не доводилось. На эту покупку дед уже не

первый день копит деньги. Виноград, яблоки, урюк из сада, сушеные фрукты, варенье, повидло, припасенные раньше, даже стог сена, наметенный для крыши,— все начало уплывать на базар, все дед Кулдаш обращал в деньги.

В конце каждой недели, вечером, дед вместе с внуком Сирожиддином запирался в своей комнате. Мальчик прижился в доме, он оказался хозяйственным пареньком, во всем помогал деду, привязался к ласковой бабушке Рисолат, знал уже много узбекских слов и даже имя Сирожиддин нравилось ему больше прежнего Сережи. Выкрутив повыше фитиль в лампе, дед брал шкатулку, а внук принимался считать деньги. Старик всегда оставался недовольным: денег все было мало. По утру дед с внуком опять запрягали ишака в тележку и отправлялись на базар. Теперь очередь дошла до дров. На задах давно валялся хворост, ветки, когда-то срубленные деревья, выкорчеванные пни. Морозы помогли—людям дрова потребовались...

Вчера, в воскресенье, опять считали деньги. Сумма, видно, приблизилась к той, которую наметил дед Кулдаш. Не случайно он закусил конец бороды и довольно улыбнулся. Деньги есть. Теперь предстояла не менее трудная задача—добыть самолет. Где его купить? Как это делается? Однажды мелькнула в его старой забывчивой голове фамилия — Ахунбабаев! Дед прямо просиял от радости. Ну, конечно, Ахунбабаев! Он не только Председатель Президиума Верховного Совета Узбекистана, он дорогой и близкий его сердцу человек. Он обязательно поможет достать аэроплан! Да что там аэроплан, если аксакал всего Узбекистана замолвит за него, деда Кулдаша, словечко, десять аэропланов продадут. «Ну, слава аллаху, навел на правильный путь!» И хотя аллах имел весьма сомнительное отношение к Верховному Совету и к покупке самолета, дед Кулдаш истово возвел руки к небу, помолился и с облегчением вздохнул — дело на мази.

Выйдя во двор, дед позвал:

— Сирожиддин! Ишака накормил?

— Да, деда.

— Молодец. Ну-ка, седлай его.

— Сейчас,— с готовностью откликнулся Сережа и побежал под навес в конце двора.

Старушка в этот момент пришивала заплату на халат мужа. Оторвавшись от работы, она с удивлением глянула поверх очков на старика.

— Куда это вы собрались, уважаемый?— с явной иронией спросила она.

— Погуляем с Сирожиддином,— уклончиво ответил дед.

— Ишака тоже на прогулку берете?

Проницательная старуха давно уже заметила за мужем неладное — иногда всю ночь не спит, ворочается с боку на бок, кричит, вздыхает.

Вопрос об ишаке несколько смутил деда Кулдаша.

— Ишак нам, собственно, не нужен. Это я просто так. Базарных дел теперь не осталось. Вроде все уже распродали. Вот и можно нам с Сирожиддином немного прогуляться.— Чувствуя, что он говорит не очень убедительно, дед Кулдаш с тревогой глядел на жену.

Бабушка Рисолат лукаво улыбнулась:

— Откройтесь уж, довольно таиться...

— Э... э...— дед опешил.— Ты о чем?

— Признавайтесь, признавайтесь, хватит скрывать от меня.

— Ну и проницательная ты!— воскликнул дед Кулдаш и, понимая, что ему не отвертеться, решил обо всем рассказать жене.— Дело, жена, такое. Ты знаешь о том, что аэроплан Юлдаша сгорел?

Рисолат кивнула.

— Ну, а замена нужна? Как ты думаешь?

— Конечно, нужна. Юлдаш скоро поправится.

— Вот я и думаю: давай подарим внуку аэроплан. Что ты на это скажешь?

Бабушка Рисолат, хоть и давно заметила задумчивость деда, хоть и догадывалась, замышляет что-то старик, но о таком размахе его намерений у нее и мысли не было!

Бабушка, не скрывая своего крайнего изумления, уставилась на мужа. А дед Кулдаш, стараясь казаться равнодушным, ликовал, зазорные глаза его так и говорили: «Ну, как, удивил я тебя. Обставил на этот раз, так, что онемела даже!»

— Хорошо вы надумали, ничего не скажешь!— с ис-

кренним восхищением молвила наконец Рисолат.—Только где и как вы купите аэроплан?

— Насчет этого не беспокойтесь. Все я продумал,— гордо сказал дед Кулдаш.— Пойду прямо к Ахунбабаеву. Что ты на это скажешь?

— Вроде бы верно...— задумчиво сказала старуха.— Но у Ахунбабаева так много дел. Не до нас ему. Тебя могут даже не пустить. Кто ты такой, чтобы у Ахунбабаева время отрывать? Надо бы подыскать человека среди нашей родни, который может помочь в этом деле.

— Кто же у нас в родне такой есть?— соображал дед, почесывая бороду.

— Ну, а сват наш Дадавай,— предложила вдруг Рисолат.— Как же вы о нем забыли? Он большой начальник.

— И верно,— сказал с некоторой растерянностью дед Кулдаш.— Как это мне раньше в голову не пришло? Вот ведь старость...

— Хоть раз признались!— лукаво улыбнулась старуха.

Тут подошел Сережа с оседланным ишаком.

— Иди, детка, привяжи ишака под навесом. Нам еще кое о чем поговорить нужно.

Когда Сережа ушел, бабка сказала:

— Дадавай поздно возвращается с работы. Садитесь, отдохните,

Дед, отметив про себя, что и в этом старуха права, разулся и сунул онемевшие от холода ноги под теплое одеяло сандала. Вернулся Сережа. Он тоже юркнул под одеяло и уткнулся в книжку.

Некоторое время все молчали. Дед Кулдаш, почесывая редкую бородку, удивлялся тому, как это он сам не вспомнил о свате Дадавае, который действительно может помочь. Рисолат была довольна: старик все же не обошелся без нее, пришлось-таки и ее советы выслушать.

Обращаясь не то к Сереже, не то к деду Кулдашу, бабка беззлобно ворчала:

— Прежде чем приняться за дело, всегда нужно посоветоваться. Ибн Сина, на что мудрый человек был, а и то с другими советовался. Вот так-то! Разузнали вы хоть, сколько аэроплан стоит?

— Нет, мать, точно не знаю,— покорно, как прови-

нившийся ученик, ответил дед.— Слышал я, что председатель колхоза из поселка Карасу за танк уплатил пятьдесят тысяч. Я полагаю, аэроплан раза в два дороже будет.

— Вот как! Значит, потихоньку от меня сто тысяч собрали?— снова кольнула мужа старуха.

— Не хватает немного до ста.

— Сколько?

Дед Кулдаш посмотрел на Сергея.

— Какой у нас там счет, Сирожиддин?

— Девяносто семь тысяч пятьсот!— отчеканил Сережа.

Бабушка Рисолат укоризненно покачала головой:

— И ты, постреленок, все знал и молчал!— Но тут же добро улыбнулась:— Правильно делал, раз дедушка велел хранить в тайне — значит, чок-чок, зубы на крючок, а язык на полочку.— Бабушка оперлась о сандал, тяжело поднялась.— Коли у вас нехватка, добавлю я.

Дед Кулдаш только рот открыл от удивления. Он не верил своим ушам. Когда старуха ушла в комнату, спросил у внука:

— Что твоя бабка сказала, не расслышал я?

Сергей сказал деду на ухо:

— Говорит, хочу добавить.

— Вот это да!— Дед заскреб свою бороденку.— Твоя бабка может кого угодно удивить. Прочила она нас, Сирожиддин!

Рисолат вынесла из дома свой маленький сундучок, поставила его на сандал, открыла ключиком, достала сверток. Размотав платок, протянула деду пачку денег:

— На-ка вот, прибавь это. На похороны берегла.

— Храни тебя аллах, не говори такое, жена.— Он взял деньги, протянул мальчику:— Сосчитай.— Затем, склоняясь к старухе, проникновенно сказал:— Спасибо тебе. Мудрая ты у меня. Нам погребальные не понадобятся. Нас внуки похоронят. Вот хотя бы Юлдаш, если его смерть один раз миновала, бог даст, вернется с войны живым и здоровым. Или вот Сирожиддин подрастет.

Дед погладил мальчика по голове. Слова старика проняли и его самого, и бабуку. Они утерли слезинки, скользнувшие по морщинистым щекам. Сережа, не

понимая, о чем идет речь, но видя, что старики прослезились, тарашил голубые глаза на дорогих его сердцу людей, сам готовый разреветься.

Чуткая бабушка поняла состояние мальчика, поспешила отвлечь его:

— Ну как, сосчитал?

— Сосчитал.

— Сколько же?

— Три тысячи.

— Ого, даже больше, чем нужно!— нарочно громко воскликнул дед Кулдаш.

— А вы Ойнисе об этом деле говорили?— вдруг спросила бабушка.

— Не-ет...— Опять чувствуя себя виноватым, несмело ответил дед.— У Ойнисы без нас забот хватает.

— Какая же это забота? Это доброе дело. Аэроплан для сына! Ойнисе очень приятно будет узнать об этом. Она обрадуется. Может быть, даже что-то посоветует.

«Мудра она, мудра». От смущения у деда на лбу даже гот выступил.

— Думал я о ней,— приврал старик,— да занята она, все время на работе...

Уловив ложь, Рисолат решила отчитать старика за все сразу.

— Сейчас бедная Ойниса за троих мужчин работает. А вы о ней совсем не заботитесь. Даже не проведаете. Морозы вон какие лютые стоят. А у нее полный дом приездных. Хоть бы дровишек ей подвезли.

— Сколько будешь ругать, столько будешь права!— покорно сказал дед Кулдаш.— Правду говоришь, жена. Позаботиться об Ойнисе — мой долг. Сейчас же, сию минутку к ней отправляюсь.

— Идите. К Дадаваю не забудьте зайти. И он, и Ойниса пусть к нам придут. Поговорим об аэроплане-то.

— Ладно, ладно.— Дед Кулдаш поднялся из-за сандала, сказал внуку:— Запрягай арбу, дрова Ойнисе повезем.

Не прошло и получаса, как арба, нагруженная уцелевшими дровишками, выкатилась из ворот. Бабушка, провожая у ворот мужа и внука, наставляла их:

— Будьте осторожны, дорога скользкая. Ойнису привезите непременно, скажите, свекровь, мол, стосковалась по ней. Привет передайте русской женщине и девочкам,

которые живут у нее. Если получила новые письма, пусть принесет, своими глазами прочитать хочу. Спросите, есть ли вести от Алиджана? Куда Аняхон запропастилась, не заходит почему, тоже узнайте... Смотрите под ноги-то! Эй, Сирожиддин, поддерживай своего деда!

Колеса арбы сначала прыгали по твердым смерзшимся комьям глины, потом попали в колею, пошли ровнее. А старая Рисолат все стояла у ворот и смотрела вслед внуку и мужу.

Глава третья ПОСЛЕ РАБОТЫ

Гульназ обошла больных на Себзаре и Лабзаке. Возвращалась усталая. Солнце опустилось за крыши домов, снег на крышах стал синеватый. Снова похолодало.

На дороге резвились дети, катались на санках, на коньках. Коньки были самые разнообразные: от щеголеватых «снегурочек» до простой деревяшки с прикрепленным к ней куском проволоки.

Дети были веселы, но на душе Гульназ стало тяжело. Уж очень плохонько одеты! Бледные от недоедания. Простуженных много. В домах холодно. Вот сейчас она ушла от женщины — лежит в ледяной комнате, укутавшись в одеяло. Отец, муж и брат на фронте, мать и сестра на работе. Воды подать некому. Гульназ, забыв о том, что она только врач, долго искала в сараях и под навесом дрова. Наконец нашла какой-то старый стол, изрубила его и затопила печь, вскипятила чаю, напоила больную и ее ребенка и только потом ушла.

Здесь больные и холод, а где-то далеко мучается ее дорогой Юлдаш. Он ранен и до сих пор не написал письма. Значит, еще в тяжелом состоянии. Командир сообщил Ойнисе, что скоро выздоровеет и напишет сам. Но пока от него нет ни строчки. Неужели не может даже рукой двинуть?

Тягостное неведение о Юлдаше, развод отца, натянутые отношения с главным врачом на работе... Зулунбек делал все, чтобы выжить Гульназ из поликлиники. Она всей душой ненавидела этого человека. Грязный в быту, он и как врач был нечестен: брал взятки за фиктивные

бюллетени, а к больным был абсолютно равнодушен. Он давно уже потерял уважение сослуживцев и держался только на окриках и угрозах да на угодничестве старшему начальству.

Сегодня, когда, закончив прием больных в поликлинике, Гульназ собралась идти на свой участок, к ней вдруг пожаловала Лобар. Сначала притворно пустила слезу — будто переживает из-за разрыва с Дадаваем.

— Я во многом виновата. Он хороший человек. Не оценила его, а теперь вот тоскую. Может быть, он простит меня, доченька?

Гульназ понимала: это лицемерие. Ответила сухо:

— Это дело отца, а не мое. Но едва ли он пойдет на это.

— А я вот ни на него, ни на тебя не в обиде. Наоборот, готова помочь. Вот хотя бы твои отношения с главным врачом. Хочешь, я все улажу? Только не дерзи ему, пожалуйста. Ты должна считаться с тем, что он главный!

— Он главный комбинатор, а не главный врач.

— Ну-ну, ты не очень. Его сюда назначил наркомат. И ты обязана выполнять его приказы.

— Вот именно обязана, — подчеркнула Гульназ.

— А не хочешь с ним работать, подай заявление — кто тебя держит?

«Ну вот, вся ты и обнаружилась, — подумала Гульназ. — Вам нужно, чтобы я ушла. Ты пришла от Зулунбека, прощупать почву».

— Скажите Зулунбеку, — сказала Гульназ, — пусть идет на фронт и выполняет свой долг перед Родиной!

Ох и раскричалась Лобар!

...Ну вот, наконец, и трамвайная линия. Гульназ посмотрела в сторону рабочего городка. Трамвая не видно. Уже свет зажегся в ближних домах, а вагона все нет.

Гульназ хотела заехать к Ойнисе, узнать, нет ли известий от Юлдаша. Чувствует сердце — есть новость. Как немного ей надо: всего одно слово. Жив! И больше ничего, всего одно-единственное слово. Неужели и сегодня его не будет!

Дребезжа, подкатили два старых вагончика. Гульназ вошла, купила билет у старушки-кондуктора в мужской ушанке. В вагоне тесно, но тихо. Усталые за день люди едут молча. Каждый занят своими думами. Окна плотно затянуты изморозью, сквозь них ничего не видно. Маль-

чик рядом с Гульназ постукивает замерзшими ногами, дует на красные, не по-детски натруженные руки.

На площади у базара Гульназ пересела в другой трамвай, с трудом втиснулась в вагон. И тут услышала знакомый ласковый голос Ойнисы.

— Здравствуй, доченька, проходи к нам!

Рядом с Ойнисой сидели Нонна Матвеевна, Кумри, Назик и какая-то незнакомая девушка. Когда Гульназ пробралась к ним, эта девушка встала, уступая ей место, и приветливо сказала:

— Здравствуйте, Гульназ-апа!

Гульназ пристально всматривалась в ее хорошенькое личико и думала: «Нет, это не просто попутчица с фабрики, уж очень близким и родным от нее веет, уж не невеста ли она Эргаша?»

— Вы Назокат?— спросила Гульназ.

— Как вы узнали?

— Я доктор, я все знаю!— пошутила Гульназ, и они обнялись.

Ойниса рассказала о неожиданном приезде Назокат, и о том, что она теперь работает на «Красной заре», уже хорошо показала себя. Назокат смущенно потупилась:

— Ну что вы, мама, я только начинающая швея.

Гульназ увидела, что среди этих тружениц оказалась изнеженная Назик. Почувствовав недоумение невестки, Ойниса объяснила:

— Назик-апа, доченька, теперь тоже работает вместе с нами.

— И прекрасно. Поздравляю вас, Назик-апа,— сказала Гульназ.— Теперь вы имеете право воздействовать и на своего братца.

— Назик не пускает его на порог,— сказала Кумри за подружку.

— Кто идет по кривой тропинке, тому не миновать дубинки, он ее получит и без моих советов,— ответила Назик.

— Все же вы родня ему. Можете предостеречь. Нехорошо он поступает. Я моложе вас и не имею, наверное, права давать вам советы, но мы работаем с Зулунбеком вместе, я много знаю такого, что вам неизвестно. Только это заставляет меня говорить.

На Бешагаче вывалились из вагона. Гульназ сразу же взяла под руку Ойнису, шепнула:

— Ну как, мама, есть что-нибудь от Юлдаша?

— Нет,— упавшим голосом ответила Ойниса.— Может быть, дома нас ждет радостная весточка?

— О, если бы!— вздохнула Гульназ и ускорила шаги.

Женщины заговорили о письмах. Назикхон упрекнула своего мужа:

— Неужели все время воюет, не может минуту для письма найти? И почтальонша наша Олия сама жалуется, что и ей давно нет весточки!

Ойниса, желая подбодрить подруг, рассказала о письме, которое Анна Николаевна получила от мужа. В нем, между прочим, было сказано: «Если не будешь долго получать писем, не тревожься, с фронтовой почтой это случается, дороги непролазные, да разбомбить могут и почту».

— Это верно,— поддержала Нонна Матвеевна,— там, где поезда раньше шли пять-шесть дней, мы ехали сорок! Пока добрались до Москвы, раз десять нас немцы бомбили. При одной бомбежке сгорели два вагона, при другой — два под откос полетели. Вот так и с почтовым может случиться, не расстраивайтесь, Назикхон. Наберитесь терпения.

В этот вечер дом Ойнису встретил ярким электрическим светом. В комнате приятно пахло прожаренным маслом. Большая сковорода стояла на печке.

Ира помогла Ойнисе снять пальто, радостно сообщила:

— Сегодня в госпитале нам тушенку дали, я картошки нажарила. Объедение! Садитесь к столу!

Шурочка, спрятав руки назад, всем своим видом так и говорила: «Обратите, наконец, внимание на меня!»

— Что у тебя, доченька?— сдерживая волнение, спросила Ойниса.

— Отгадайте?

— Письмо?

— Отгадайте от кого, тогда отдам!

— От Юлдаша!— воскликнула Гульназ и протянула руки.

— Нет, не отгадали!

— От Эргаша?— перестав дышать, спросила Назокат.

— Тоже не отгадали.

— От кого же? От Алиджана?— спросила Ойниса.

— Правильно! Получайте, тетенька!

Ойниса, взяв у девочки треугольник, первым делом взглянула на адрес: не из госпиталя? Нет, полевая почта была прежняя.

Ойниса быстро вскрыла письмо.

Он пишет о Юлдаше...

Алиджан-ака, после традиционных приветствий, писал:

«Да будет известно вам, моя дорогая сестра, что ваш сын Юлдаш проявил себя героем. Я сперва даже не знал, что был очевидцем его подвига. Над нашей частью разгорелся воздушный бой. Один советский летчик особенно выделялся отвагой. Даже когда его самолет задымил, он продолжал биться и срезал «мессершмидта». Так поступают настоящие герои. Истребитель загорелся и упал неподалеку от нас. Я послал людей, чтобы помогли летчику, если он жив. Его вынесли из пламени. Он обгорел. Но остался жив. Мои красноармейцы доставили его в ближайший санитарный батальон. Этот человек просто покорила меня своим мужеством. Через час, как только позволила обстановка, я пошел в санбат, чтобы познакомиться с летчиком.

Представьте себе, дорогая сестра, это, оказывается, наш славный Юлдаш!

Расскажу по порядку. Вы не волнуйтесь, теперь он уже вне опасности.

Когда я прибыл в медсанбат, который находился неподалеку от нас, в деревне, Юлдаш уже лежал на операционном столе. Сперва я не знал, что это наш сын. Я стоял в стороне и смотрел, как хирург и две помогавшие ему сестры извлекали осколки, удаляли обгоревшую кожу с тела летчика, он лежал без сознания. Брови и волосы на голове обгорели, еще и поэтому я не опознал его сразу...»

Дочитав до этого места, Ойниса жадно глотнула воздух и отвела в сторону руку с письмом.

— Мой мальчик...— выдохнула она со стоном.

«Операция́ длилась долго. Хирург мне показался очень опытным и внимательным. Он искусно обработал все раны и ожоги, а сам, бедняга, едва стоял на ногах от усталости. Когда хирург снял маску, я увидел очень молодого человека. Он признался, что это была первая

сложная операция в его практике. Он недавно в Москве закончил институт. Но вы не беспокойтесь, сестра, этот человек, несомненно, станет знаменитым хирургом, у него золотые руки и чуткое сердце. Он обращался с раненым, как искуснейший садовник со своими нежными цветами. Сняв маску, он устало улыбнулся и сказал:

— До свадьбы все заживет!..»

Тут уж Гульназ не выдержала, заплакала, ткнулась в плечо Ойнисы.

«Только после операции и знакомства с хирургом, я спросил имя летчика, рассказав, что восхищался им, когда он вел бой. И вдруг мне говорят: «Юлдаш Таштемиров!» Описать свое удивление и радость не могу.

Я посидел у постели Юлдашбая. Давал ему пить. Когда он открыл глаза, я сказал. «Юлдашбай, узнаешь меня? Я дядя Алиджан». Но он, должно быть, еще находился под действием наркоза. Не узнал. Только тихо-тихо прошептал: «Мамочка».

Когда он пришел в себя, я рассказал ему обо всем, что с ним случилось. О его героизме, о нашей гордости. Потом его отправили на самолете, присланном из авиаполка. Повезли его в глубокий тыл, в госпиталь. Летчику, который прилетел на этом самолете, я дал ваш и свой адреса, попросил написать о состоянии Юлдаша, как только сдаст его на лечение. Он обещал.

Вот так, сестра моя! Вы счастливая мать, можете гордиться сыном! От души поздравляю! Письма от летчика я пока не получал. Если он писал вам, сообщите мне, пожалуйста.

Мои дела идут неплохо. Здоров. Верю в победу несокрушимо. Врага мы остановим и выгоним с нашей земли.

Свидимся обязательно.

Желаю вам здоровья.

Алиджан.

1941 год. 10 декабря».

— За шестнадцать дней пришло,— сказала Гульназ.— Быстро.

— Наверное, дядя Алиджан отправил это письмо с летчиком, который увез Юлдаша,— предположила Нонна Матвеевна.— Поэтому так скоро получили. Не сегодня-

завтра ждите письма и от этого летчика, а может быть, и сам Юлдашбай напишет.

Гульназ думала: «Где же этот тыловой госпиталь, куда повезли Юлдаша? В Москве, Новосибирске? А может быть, в Ташкент везут поездом? В Ташкенте много госпиталей... Опять неизвестность и ожидание».

Назокат, глядя на Ойнису и Гульназ, понимала их состояние, понимала и немножечко даже завидовала, Юлдаш-ака герой, хоть и ранен, но жив. А вот о ее Эргаше ничего не известно. Где он? Что с ним?

Труднее всех было Ойнисе: радость и страдание буквально разрывали ее сердце. «Жив! Обгорел, из его тела извлекают осколки! Ему больно! Он без сознания...»

Ира подала жаркое, нарезала тонкими ломтиками черный хлеб. Но никто есть не стал, хоть были голодны.

Напряженность неожиданно разрядила Шурочка:

— А еще дедушка с Сережей приходили.

— Когда?

— Когда вы все были на работе!

— Чего же ты молчишь?

— Разве я молчу? Я говорю.

— Что они сказали?

— Просили тетю Ойнису прийти к дяде Дадаваю. У них очень серьезное государственное дело!

— Какое?

— Государственное!

— А что именно, ты не помнишь?— допытывалась Нонна Матвеевна.

Шурочка лукаво оглядела всех и, наслаждаясь значительностью того, что известно только ей, сообщила:

— Дедушка Кулдаш хочет купить аэроплан дяде Юлдашу. Он собрал много денег. Теперь нужно покупать и отправлять его на фронт.

— Чудак папа, откуда у него может быть столько денег?— слабо улыбнулась Ойниса.— Ну что ж, я пойду, девочки. А вы отдыхайте.

Назокат, не желая оставлять ее одну, заявила:

— И я пойду с вами.

— И я,— сказала Гульназ.

— И мы,— заявила Нонна Матвеевна, взглянув на старшую дочь.

— Там и покушаем,— сказала Ира, заворачивая в тряпицу тушенку с картофелем и хлеб.

— Ну и дедушка, придумал же такое!— удивлялась Ойниса, натягивая пальто.

— Здорово придумал!— восхищенно сказала Нонна Матвеевна.

Выйдя на улицу, женщины заспешили к дому Дадавая.

Глава четвертая

Э Р Г А Ш

Стрелковый полк, в котором служил Эргаш, располагался в лесу южнее Москвы. Два месяца шла непрерывная учеба. Выходных не было. И только сегодня, накануне праздника, впервые дали отдых. Красноармейцы мылись в гарнизонной бане, чистили оружие, наглаживали обмундирование. Все это считалось отдыхом.

Эргаш пришел к хате, превращенной в баню. Из двери валил пар, в его белесых клубках иногда появлялись голые бойцы. С гиком пробежав по крыльцу, они бросались в снег. Крякали и кричали от удовольствия, катаясь по снегу. И опять мчались в клубящуюся паром дверь.

Эргаш такого еще никогда не видел. Он просто оторопел.

— Так закаляется сталь!— шутливо сказал ему командир отделения.— Попробуй!

Эргашу жара была не в новинку. Он забрался с красноармейцами на самую верхнюю полку и с наслаждением ощущал, как вместе с обильным потом уходили усталость и остатки холода, проникшего до костей за долгие дни учения на морозе в поле. Он блаженствовал. Назаров протянул веник:

— Похлещись!

— Зачем это?

— Бей, потом узнаешь.

Эргаш начал хлестать себя по мокрому телу. Сначала осторожно, потом все крепче и крепче. И странное дело: чем сильнее он стегал, тем приятнее было и хотелось еще и еще этой сладостной боли. Казалось, он вот-вот взорвется от переполнившей его силы. Нужен какой-то выход, разряд! И тут Эргаш вспомнил— он быстро слетел с полки и выскочил во двор. Кинулся в мягкий, как хлопок,

снег. Покатился по нему, не чувствуя холода, и тоже застонал от наслаждения. Снег совсем не был холодный, он только нежил пылающее от перегрева тело.

— Вот это да!— сказал Эргаш командиру отделения после бани.— Вернусь в Ташкент, обязательно парную построю.

— А где снег возьмешь?

— Да, со снегом сложнее,— Эргаш засмеялся.

Потом, сидя в ленинской комнате, он писал письма.

«Простите, мама, что пишу редко. Сегодня первый выходной день за всю службу. День и ночь на стрельбище и в поле. В бою еще не был. Но готов выступить в любую минуту. Пишет ли Назокат? Как дела у брата Юлдаша и дяди Алиджана?»

Второе письмо Эргаш написал невесте. В конце, хоть и знала она об этом, повторил: «В мире два самых любимых человека: мама и ты».

Принялся он за третье письмо — брату. Но тут в ленинскую комнату повалила вся рота. Кто-то включил радио — звучал торжественный марш. Затем наступила короткая пауза, и вдруг эфир донес звуки большого зала, наполненного людьми: ровный гул приглушенного голоса, покашливания, стук сидений. Затем старческий, но крепкий голос объявил об открытии торжественного собрания, посвященного годовщине Великого Октября.

Гордость за свою великую Родину наполнила грудь Эргаша.

«Враги под Москвой,— думал он,— тысячи орудий и танков устремлены в ее сторону, а мы, презрев фашистов,— празднуем!»

Ведущий собрание дал слово Председателю Государственного Комитета обороны товарищу Сталину.

Сталин говорил неторопливо, сдержанно, но уверенно. Он подвел итоги первых месяцев войны. Сказал, что обстановка все еще очень напряженная. Но уже можно сказать о полном провале ставки гитлеровцев на «молниеносную войну». Сталин сообщил о том, что людские резервы Германии сокращаются, а наши возрастают. Советский тыл силен больше, чем когда-либо.

Эргаш про себя отметил: «Правильно». Из писем родных и друзей он знал о поднимающихся новых заводах, об упорном труде в колхозах. Дадавай-ака закончил строительство одного завода, начал строить другой. Эр-

гаш чувствовал необыкновенный прилив сил и уверенности. Ему хотелось действовать.

В этот вечер Эргаш был впервые назначен в караул у боевого знамени. Раньше он стоял у склада боеприпасов, а у знамени стоять не приходилось. Он знал, пост у знамени особой важности, сюда назначаются лишь лучшие из лучших. Эргашу это было приятно, и он с волнением ждал минуты, когда встанет в глубокой нише в стене, обтянутой красным бархатом, рядом со святыней полка — знаменем.

Время тянулось, как нарочно, долго. После развода на строевом плацу пришли к караульному помещению. Опять строились — старый и новый караул друг против друга. Начальники обменялись паролем для смены. Потом все вошли в жарко натопленное помещение. Здесь все было знакомо Эргашу: общая комната с пирамидой для оружия, комната отдыха с затемненными окнами, чтобы можно было спать днем, сушилка, комната начальника с железным сундуком для боезапаса. Сержанты долго принимали у прежнего караула валенки, шубы, посуду, плащи, свистки и прочее имущество, постоянно находящееся в караульном помещении.

В коридоре штаба, куда явился на свой пост Эргаш, было тепло и тихо. В ярком свете пламенело знамя. Эргаш с гулко бьющимся сердцем шагнул навстречу часовому и доложил о приеме поста своему разводящему. Начальник караула и разводящий ушли. Эргаш замер. Боясь ослабить ногу, стоял по стойке смирно. Немного успокоясь, он скосил глаза и увидел рядом в стеклянном футляре красное полотнище, кусочек герба и золотые буквы на складках ткани. Сколько славных дел совершено под этим знаменем! Ведь полк существует с 1918 года! И сколько еще предстоит увидеть этому полотнищу в предстоящих боях! Эргаш вспомнил недавно прочитанную в газете заметку. В ней рассказывалось, как сражались бойцы полка, оказавшиеся в окружении. Когда их осталось несколько человек и положение было безвыходным, один из красноармейцев взобрался на березу и прибил знамя на самой макушке. К этому месту стали сходить все уцелевшие и сползаться все раненые. Здесь под березкой с алым стягом, развевающимся на ветру, красноармейцы бились до последнего патрона.

Воображение Эргаша рисовало эту величественную

картину подвига, и он видел себя среди защитников знамени. Только знамя уже было не то, о котором писалось в заметке, а вот это, стоящее рядом. И Эргаш не погибал, а вместе со всеми шел в контратаку. Он нес знамя, не чувствуя его тяжести, оно влекло его за собой. После боя командир полка, старый, выдавший виды полковник, спрашивал: «Кто так умело нес знамя в бою?» И узнав, что это узбекский парень Эргаш, говорил: «Будете нести наше знамя до самой победы!»

К действительности Эргаша вернуло неожиданное оживление в штабе. По коридору бегали командиры. По их лицам Эргаш понял — случилось что-то очень важное. Может быть, получен приказ об отправке на фронт?

Вскоре во дворе заиграл трубач. Это был сигнал «Тревога!» Из комнат в коридор выбегали работники штаба, уже одетые в полушубки, перехваченные ремнями. Красноармейцы, топя кованными сапогами, несли к выходу тяжелые ящики, обитые железом, волокли маленькие, но неподатливые сейфы.

Из кабинета командира вышли полковник и комиссар. Они были одеты в белые шубы и каракулевые шапки. Командир что-то на ходу говорил комиссару, на минуту он остановился и показал в сторону знамени и Эргаша. Эргаш расслышал два слова: «марш» и «парад». Эргаш понял: будет парад по случаю двадцать четвертой годовщины революции. Кто-то из начальства приехал в гарнизон и, несмотря на поздний час, решил провести парад полка и одновременно проверить боевую готовность. Поэтому трубач играет тревогу.

Некоторое время Эргаш стоял в опустевшем здании один. О нем будто забыли. Из самого дальнего конца коридора доносился легкий шорох. Где-то, наверное, не закрыли форточку, и брошенные бумаги шелестели на сквозняке.

Вдруг появился начальник караула и разводящий. За ними шли капитан, которого Эргаш раньше видел в штабе, двое сержантов и старшина. Они приблизились к знамени. Начальник караула приказал:

— Рядовой Таштемиров, сдайте пост и доложите о сдаче.

Эргаш отчеканил давно заученные слова:

— Товарищ лейтенант, часовой поста номер один, рядовой Таштемиров. Под охраной находится боевое знамя

полка в застекленном футляре, опечатанное двумя печатями. За время несения службы происшествий не было.

К знамени шагнул постоянный знаменосец полка, рябоватый высокий старшина, по бокам встали ассистенты.

— Разрешите вскрывать?— спросил старшина, обращаясь к капитану.

Капитан осмотрел сургучные печати и только после этого кивнул:

— Вскрывайте.

Хрустнул сургуч. Бесшумно отворилась стеклянная створка футляра, и в сильных руках старшины-знаменосца знамя, шелестя, взметнулось к потолку.

Взвод Эргаша прибыл на центральную площадь военного городка, когда полк уже стоял выстроенным. Перед серединой строя беседовали старшие начальники. Лейтенант доложил командиру батальона о прибытии взвода после сдачи караульного помещения и получил разрешение занять место в строю роты.

От группы командиров отделился комиссар полка. Говор без команды стих.

— Товарищи бойцы, командиры и политработники!— громко сказал комиссар. Голос его звучал отчетливо и звонко.— Получен приказ выступить на фронт. Мы движемся к передовой через столицу нашей Родины — Москву. Завтра примем участие в параде на Красной площади. А оттуда прямо на передовую. Враг недалеко от Москвы. Настало время, товарищи, сказать и нам свое веское слово. Вы научились владеть оружием. Мы с вами — частица грозной нарастающей силы, которая опрокинет врага и погонит его с нашей священной земли. Командование поздравляет вас с праздником 24-й годовщины Октябрьской революции. Ура!!!

После торжественного марша роты с площади выходили прямо на дорогу, вытягиваясь в длинную походную колонну.

Шли всю ночь. Черная «эмка» командира и комиссара все это время курсировала вдоль строя, то и дело останавливаясь около командиров, шагающих со своими подразделениями.

На рассвете вступили на окраину Москвы. Эргаш прочитал на одном из домов табличку «Большая Калуж-

ская». В каком-то сквере остановились на отдых. Кухни, наполняя морозный воздух ароматом горячей гречневой каши, проехали по аллее сквера. Повара стали раздавать кашу красноармейцам, выстроившимся в длинные взводные очереди.

Эргаш после ночного перехода ел с удовольствием. Никогда не поверил бы прежде, что гречневая каша может быть такой вкусной. Гречка! Он прежде даже не слышал о ней. В первые дни службы с недоверием и осторожностью отправлял в рот ложку с этой коричневой мягкостью. Потом, конечно, привык. А теперь уплетал так, что за ушами потрескивало, и казалось, гречиха не хуже ароматного плова, приготовленного дома!

Запив кашу чаем, Эргаш почувствовал, как тепло разлилось по всему телу. Бойцы сладко задымили самокрутками. Эргаш, будучи некурящим, просто отдыхал. «Каша хороша!— думал он.— А вот чаек слабоват. Пахнет котлом. Нет в нем нашего ташкентского аромата. Эх, насыпать бы сейчас полпачки в заварной чайничек, да насладиться густым черным чаем!»

Отдыхали часа два. Москва просыпалась медленно. Да и когда проснулась, не выглядела оживленной. Большинство учреждений и населения эвакуировано.

Прикатила командирская «эмка». Раздалась команда: «Приготовиться к построению!»

И опять длинная колонна потянулась по московским улицам. Никто весело не махал бойцам, как это привык видеть Эргаш в мирные дни. На тротуарах стояли одинокие пожилые женщины в телогрейках, с противогазами на боку и красными повязками на рукавах — дежурные противовоздушной обороны. Окна в домах были занавешены — еще с вечера, видно, осталась светомаскировка. Над крышами висели многочисленные серые колбасы азростатов. На площадях, обложенные мешками с песком, стояли зенитки. Столица была сурова, по-военному подтянута, не шумлива и настороженна.

Ближе к Красной площади стало больше войск, то в боковых, то на параллельных улицах замелькали колонны. Все они шли в одном направлении.

Эргаш ждал — вот-вот появятся кремлевские башни, Мавзолей. Но полк остановился на какой-то другой огромной площади. Справа тянулась зубчатая кремлевская стена, но это была не Красная площадь. Неподале-

ку высилось серое здание с вывеской: «Ресторан «Москва»».

Ждали долго. Где-то за домами грянула музыка. Из-за красного дома вынеслись два всадника. Лошади были в красивом золоченом убранстве, ноги внизу плотно охвачены белоснежными бинтами. Командующий парадом по очереди здоровался с воинскими частями. Громовое «Ура!!!» билось о стены домов и разлеталось по боковым улицам. Потом «ура» заходило волнами. Оно зарождалось за красным кирпичным домом Исторического музея и, переливаясь, катило по войскам, заполнившим прилегающие улицы, площади.

Короткая речь Верховного Главнокомандующего. Особенно запомнились его слова:

— На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят поработанные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойны этой миссии. Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших предков великих — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Эргашу казалось, что мощное «ура» слышно не только в столице, но и в Ташкенте. «Ну, пусть не по-настоящему, а по радио они меня наверняка слышат. Они сейчас обязательно слушают радио!»

Начался парад. Полк вступил на Красную площадь. Вот тут были и трибуны, и Мавзолей, и голубые ели, и кремлевские стены.

Эргаш видел, как впереди колонны развевалось знамя, возле которого он совсем недавно стоял на посту. «Эх, мне бы поручили его нести! — думал он. — Написал бы потом Назокат, маме, брату Юлдашу и Алиджануака!»

На какое-то мгновение сбилось равнение в рядах. Бойцы зашикали друг на друга, быстро взяли верный шаг, выровняли строй. «Хорошо, что успели, — мелькнуло в голове Эргаша, — а то бы опозорились перед правительством». Он изо всех сил печатал шаг, ощущая монолитность

всего строя, частицей которого он был. И в этом чувстве единения с сотнями, тысячами шагающих сейчас по площади бойцов было какое-то наслаждение. И казалось, нет силы, которая могла бы устоять против этой лавины людей, неудержимодвигающихся вперед.

Эргашу не хватало лишь одного, чего именно — он не мог осознать. Понял только, когда запрыгали красные кружочки перед глазами. Оказывается, он перестал дышать, когда проходил мимо Мавзолея! И следя за равнением и шагом, он даже забыл посмотреть на трибуну... Не видел ни маршалов, ни руководителей партии, ни Сталина.

Глава пятая

НА ПРИЕМЕ У АКСАКАЛА РЕСПУБЛИКИ

Дедушка Кулдаш был расстроен: болела его жена Рисолат. Бабка, печальная и молчаливая, день и ночь без сна лежала укутанная одеялом у сандала. Лекарства, которые приносила ей Гульназ, не пила. Слезящимися глазами все читала и читала старинные книги.

Не ладилось и с покупкой самолета. Дадавай прямо сказал старику:

— Задуманное вами осуществить едва ли возможно. Частному лицу самолет не продадут.

— Почему? Танк люди покупали же. По радио говорили об этом. А почему аэроплан нельзя? Я же не для себя. Не на базар летать — хочу подарить красному войску.

— Это все так, но без правительства такое дело не разрешить.

— Ну что ж, поговорю с правительством, — упрямо сказал дед.

И вот, сложив накопленные деньги в переметную суму и усадив Сергея на ишака, дед отправился на Красную площадь, к зданию Верховного Совета. На площади было большое скопление лошадей, привязанных к деревьям, двуколок, линейек, фазтонов. Стояло несколько автомобилей. «Видать, не вовремя мы прибыли, — подумал дед, — какое-то там большое совещание».

— Да, не вовремя!— вздохнув, сказал он расстроено Сергею.— Ну, что будем делать, Сирожиддин? Не пробиться нам с тобой сегодня...

Мальчик, не понимая, почему огорчается дед, просто душно сказал:

— Двери открыты, в них очереди нет. Пойдемте!

— Верно говоришь,— оживился дед.— Попробуем счастья. Двери открыты! А ну, животинка, чу!— крикнул он на ишака.— Ходжа Насреддин на таком скакуне к эмирам проникал!

Около массивной лакированной двери стояла группа мужчин. Увидев старика, влекущего на поводу ишака к зданию Верховного Совета, они заулыбались. Один из них в драповом пальто с серым каракулевым воротником, в щегольских желтых сапожках и в дорогой куньей шапке, сдвинутой на затылок, пошел навстречу старику, приветливо улыбаясь.

— Ассалям алейкум, уважаемый мастер-мираб. Не узнаете меня?

— Ваалейкум ассалям,— без особого энтузиазма ответил дед. Он остановил ишака, дал повод Сергею и шепнул:— Поглядывай за мешком.— Только после этого оглядел с головы до ног фасонистую фигуру и сказал с иронией:

—Одет больно ярко, ишака напугал. Кто ты — что-то не припомню.

Стоявшие негромко рассмеялись.

— Э-э... не узнали, значит, стареете, память сдает! Мы с вами на Чирчике вместе строили плотину. Зовут меня Маматкул. Сейчас я председатель колхоза Карасу.

— Ага, значит, ты тот самый Маматкул из Карасу, который дал пятьдесят тысяч на танк?

— Я и есть,— не без гордости сказал председатель, покосившись в сторону только что посмеявшихся над ним людей.

— Хвала твоему отцу!— сказал дед.

Председатель, опасаясь острого языка деда, с предельной почтительностью спросил:

— По какому делу пожаловали, папаша?

Дед Кулдаш подумал: не сказать ли ему обо всем прямо? Он танк покупал, должен знать, как это делается. Но, покосившись на мешок, набитый деньгами, решил

повременить. «Зачем до свадьбы бить в барабаны, придет время — скажу».

— Да так просто...— уклончиво сказал дед, почесывая бородку,— ехал мимо, завернул к аксакалу.

Маматкул, конечно, понял, что дед хитрит.

— А мы вот тоже ждем аксакала,— сказал председатель с напускным спокойствием, желая показать, будто запросто встречается с Ахунбабаевым чуть ли не каждый день.— Он нас сам пригласил. Велел ждать здесь... Как ваш садик?

— Растет.

— Много в этом году собрали?

— Да так, ничего.

— Ох и сад у Кулдаша-ата,— стал хвалиться стоящим рядом мужчинам Маматкул.— Был там всего один раз, а забыть не могу. Большой клочок земли, но как ухожен! С каким умением подобраны сорта. Все есть: и виноград, и груши, и яблоки, и айва... Все это высокой урожайности и созревают в разные сроки... Наверное, на доход не жалуетесь, папаша?

— Какой там доход! Ни коня, ни верблюда на мой доход не купишь. Видите, вон на ишаке вдвоем с внуком разъезжаем. Мой садик не то что ваш колхоз, вы там все, наверное, миллионеры.

— Ох и хитрый вы, папаша,— прищурив глаза, сказал Маматкул.

В это время показался «газик» с открытым верхом. Этот простенький автомобиль знали во всей республике. Сверкая никелированными спицами, машина подкатила к подъезду, из нее вышел Ахунбабаев.

Хотя был он в толстом зимнем пальто, дед сразу отметил: похудел аксакал, осунулся, побледнел, морщин прибавилось. На голове аксакала была кашгарская круглая шапка, отороченная темным мехом,— ее он обычно носил в холодную пору.

Увидев ишака у подъезда, Ахунбабаев заулыбался и весело сказал, здороваясь с дедом, как со старым знакомым.

— Это вы йа таком скакуне? Значит, дело срочное!

Дед покосился на председателя: какое, мол, на тебя производят впечатление наши отношения с аксакалом?

Ахунбабаев поздоровался с остальными и, взяв деда Кулдаша под руку, пригласил:

— Заходите, пожалуйста, все.

Дед, прежде чем последовать за ним, снял с ишака мешок, перекинул его через плечо. Ахунбабаев с некоторым недоумением смотрел на старика, но ничего не спросил.

Когда расселись за длинным столом в просторном кабинете, Ахунбабаев вызвал звонком секретаря и попросил заказать в буфете чаю.

— Ну, как поживаете, мастер-мираб? Как ваше здоровье? Какие вести от внуков?— радушно спросил аксакал.

— Здоровье ничего. Сейчас не время болеть. Пока не оторвем башку собаке Гитлеру, не то что болеть, спать некогда. От внуков вести хорошие: бьют врагов прилежно.

— Молодцы. Про дочку Ойнису я не спрашиваю, только что видел ее в горисполкоме, она была там с работницами фабрики. Опять вопрос о расселении эвакуированных решался. Трудно с ними. Не хватает жилья. Ваша Ойниса решила еще пять семей устроить. Кроме своего дома, хочет разместить их у Алиджана и Дадавая. Очень добрая и энергичная женщина ваша дочка.

Дед приосанился, кивнул солидно:

— Она такая! Сказать правду, она не только наша дочь, ее Советы воспитали!

Дед помолчал и, понимая, что у Ахунбабаева не так уж много времени, чтобы вести праздные разговоры, решил перейти к главному.

— Позвольте поделиться с вами одной думой?

— Пожалуйста, слушаю вас,— сказал Ахунбабаев. Он поднялся и, как гостеприимный хозяин, разлил в пиалушки принесенный чай.

— На войне поврежден аэроплан моего внука Юлдашбая.— Дед поднялся, положив выгоревший переметный мешок на стол.— Вот замена ему. Тут деньги, которые удалось нам собрать ровно на один аэроплан,— сто тысяч. Но как его купить, я не знаю. Не поможете ли вы, аксакал, в этом деле?

Хоть знал Ахунбабаев деда Кулдаша как человека доброго и отзывчивого, но такая затея удивила председателя. Купить самолет? Шутка ли собрать такую сумму в трудную годину войны. Ахунбабаев знал, что эти деньги, несомненно, нажиты только честным трудом. Растро-

ганный до глубины души, Ахунбабаев вышел из-за стола, взял обе жилистые, темные руки деда в свои, посмотрел ему в глаза и горячо сказал:

— Спасибо вам, отец! Нет слов, чтобы высказать вам мое восхищение! Спасибо вам от меня, от правительства, от партии. Тысячу раз готов повторить — спасибо!— Обращаясь к присутствующим, Ахунбабаев восхищенно сказал:— Вот они какие наши старики-аксакалы!

— Я говорил о своем намерении Дадаваю, а он сказал, что государство частным лицам аэропланы не продает.

— Дадавай, наверное, вас не понял,— махнул рукой Ахунбабаев.— Какое вы частное лицо? Вы и есть государственный человек! У вас мысли и размах государственный! Куда уж еще крупнее ваших замыслов...

Ахунбабаев поднял трубку одного из многочисленных телефонов.

— Соедините меня с управляющим госбанка!— Дождавшись ответа, распорядился:— Возьмите, пожалуйста, с собой кассира и приезжайте ко мне. Это говорит Ахунбабаев.

Потом он опять позвонил, на этот раз в редакцию газеты:

— Пришлите, пожалуйста, ко мне корреспондента и фотографа... Да, Ахунбабаев.

Видя, что мечта близка к осуществлению и происходит это без сложных хлопот, которых он опасался, дед Кулдаш от души поблагодарил бога:

— Слава аллаху, вот все и уладилось. Теперь я могу уйти со спокойной душой. Больше у меня никаких дел нет.

Однако Ахунбабаев удержал его.

— Посидите с нами. Вы не посторонний. Послушайте о наших делах. Может быть, хороший совет дадите. Кроме того, о вас надо рассказать людям. Сейчас из газеты придут.

Ахунбабаев объяснил председателям окрестных колхозов, зачем он их вызвал:

— Красная Армия остановила фашистов под Москвой и готовится к решительному наступлению. Мы должны обеспечить армию всем необходимым. Мы даем ей оружие. Я не говорю уж о хлопке и его оборонном значении. Но все ли мы сделали? Давайте еще раз по-

думаем. Мне кажется, мы сможем послать еще несколько эшелонов фруктов защитникам Москвы. Что вы, товарищи, скажете?

Некоторое время все молчали. Первым заговорил пожилой, с густой проседью в черных волосах, председатель колхоза «Красный Октябрь»:

— Мы можем дать: лука — сто тонн, картошки — семьдесят тонн, сухофруктов разных — двадцать тонн.

— Спасибо вам, Хаит-ака! — сказал Ахунбабаев, записывая в блокнот цифры, названные председателем.

— А что вы скажете, Маматкул-ака?

— Мы дадим пятьдесят тонн капусты, тридцать тон сухофруктов. — Председатель виновато посмотрел на аксакала, будто говорил: «Я понимаю, это не много, но больше ничего нет». Потом несмело спросил: — А редьку и свеклу можно?

— Пожалуйста, это тоже пойдет.

— Тогда запишите еще пятнадцать тонн редьки и десять — свеклы, — повеселел Маматкулов.

— Добро!

Когда высказались другие председатели, Ахунбабаев подвел итоги, он был доволен.

— Тысяча семьсот тонн. Это будет хороший подарок нашим сыновьям. Вот мы и создали с вами первый эшелон, братья. Я думаю, вашу замечательную инициативу надо распространять по всей республике, рассказать о ней во всех колхозах. Другие тоже в стороне не останутся. Большое дело вы начинаете, друзья!

Председатели потупились, они были поражены скромностью Ахунбабаева: все задумал и осуществил он, а поставил в заслугу им. Их теперь будут хвалить в газетах и по радио. А всеми уважаемый аксакал Ахунбабаев останется в стороне. Разве только улыбнется в бородку и, лукаво блеснув усталыми глазами, скажет когда-нибудь: «Доброе дело мы с вами сделали!»

Вошла секретарша.

— Прибыли товарищи из банка и из газеты.

— Зовите, доченька.

Управляющему банком Ахунбабаев сказал:

— Возьмите, пожалуйста, этот мешок с деньгами. Сосчитайте и выдайте документ уважаемому аксакалу Кулдашу-ата. Это он принес деньги на приобретение самолета. Если его сбережений не хватит, добавьте. Но

самолет должен быть послан на фронт от его имени лично летчику Таштемирову, внуку уважаемого Кулдаша-бо-бо. Вы поняли?

— Все ясно.

Фотокорреспондент не ждал указаний, он немедленно принялся за работу, защелкал аппаратом. Расспросил деда Кулдаша, как фамилия, где живет, с чем пришел к аксакалу.

Ахунбабаев проводил деда до самого крыльца и, прощаясь, предложил:

— Может быть, поедете домой на легковом автомобиле?

Дед кивнул на Сергея, который стоял в тени дерева, держа ишака под уздцы:

— Благодарю вас, аксакал, мы на своем скакуне с внучком доберемся.

— Ну, будьте здоровы!

Дед взгромоздился на ишака, посадил впереди себя Сережу.

Ахунбабаев все стоял на крыльце.

— Приходите весной в наш сад, посидим, потолкуем,— пригласил старик Ахунбабаева.

— Обязательно приду.— Ахунбабаев помахал рукой.

— Цхе,— скомандовал ишаку старик и гордо поехал через Красную площадь.

Глава шестая ПЕЧНИК МУСА

Назokat осталась дома одна. Все отправились навестить больную бабушку Рисолат. Назokat тоже собиралась к ней, но Ойниса уловила желание девушки побыть одной. Она получила письмо от Эргаша, у нее сегодня светло и радостно на душе, зачем ей сидеть и вздыхать около больной старухи?

— Как же мы дом бросим?— сказала Ойниса.— Надо кому-то остаться.

Назokat отлично ее поняла, поблагодарила взглядом.

— Давайте я посижу.

Сегодня вообще хороший день. Последнюю неделю фабрика работала без выходного. Надо было сдать срочный военный заказ. Машины в цеху Ойнисы стучали, как пулеметы, день и ночь. Женщины не уходили даже в столовую, ели тут же, у машин. Вчера заказ был выполнен.

Анна Николаевна поблагодарила работниц за самоотверженность и дала им целый день для отдыха.

Вернувшись домой поздно вечером, семья Ойнисы обнаружила у калитки горку угля. Шурочка сообщила:

— Приезжали из городского Совета. Они за собой вели целый караван арбов.

— Арб,— поправила ее мать.

— Ну арб... У каждого дома с эвакуированными сваливали по одной арбе угля. И нам тоже.

Женщины быстро взялись за ведра и корзинки, вскоре уголь лежал во дворе под навесом. Натопили печь. Нагрели воды. Устроили санитарный день: помылись, постирали белье. Ойниса, несмотря на то, что отчаянно устала, под села к Назокат и заплела ей длинные волосы во множество тугих, блестящих косичек. Потом все легли спать и хорошенько выспались.

А сегодня, закончив домашние дела, решили навестить родных.

Оставшись одна, Назокат несколько раз подряд перечитала письмо. Она представляла своего любимого: как он сидел, какие у него были глаза, когда он писал: «моя ненаглядная».

Сегодня шестое декабря — ровно месяц, как написаны эти слова. Это были последние его дни в тылу, теперь он уже на фронте, под Москвой. Там идут тяжелые бои. Где он сейчас? В бою? Или после сражения отдыхает усталый?.. А может быть, лежит на снегу раненый?

Назокат посмотрела на часы: сейчас должны передавать сводку Совинформбюро. Включила радио.

Диктор говорил о том, что упорное сопротивление противника сломлено, что Красная Армия гонит врага на запад, что освобождено от фашистов 45 населенных пунктов.

Назокат слушала и видела перед собой Эргаша. Это он крушил врага, гнал его, освобождал родную землю. Когда диктор умолк, Назокат села к столу, взяла перо. «Много раз я изливала ему свою тоску, надо написать что-то приятное, чтоб отдохнула его душа от боев и опасности. Но как найти нужные слова?» Назокат вспомнила Фергану, летние вечера, когда она гуляла с Эргашем. А потом, лежа ночью рядом с Зухрой, с трепетом рассказывала ей о сладком волнении, впервые в жизни охватившем ее. Светила луна, таинственно поблескивала вода в

пруд, от урюковой роши доносился аромат спелых плодов, заливались соловьи. Назокат знала, что в эти минуты Эргаш тоже не спит. Ей даже почудилось, что он зовет ее песней. В песне говорилось о свете любви, рассеивающем тьму разлуки. Она затрепетала и крепче прижалась к Зухре...

Девушка прочитала написанное. Письмо получилось, как она хотела, светлым и радостным, как та ночь, когда она услышала его песню.

Назокат сложила исписанные листки, взяла конверт. В калитку кто-то постучал. Она встрепенулась, выбежала во двор:

— Кто там?

— Я, доченька.

— Папа!

Назокат рывком распахнула дверь и обняла отца. Он стоял в стареньком выгоревшем халате, меховой шапке, в стоптанных сапогах. Она прижалась к нему и сразу отпрянула: отец плакал. Нет, не от радости встречи. По его осунувшемуся, почерневшему лицу она поняла: стряслось что-то ужасное.

— Идемте в дом, папа!

Муса шагнул, и Назокат увидела, что он вот-вот свалится. Мешок соскочил с его плеча, руки повисли, как плети. Муса остановился посреди двора, медленно снял платок с пояса и уткнулся в него лицом. Плечи его задрожали от рыданий:

— Да что ж случилось, папочка, дорогой?

— Ох, зачем я дождался до этого дня! Лучше бы мне умереть...

— Ну скажите же наконец!

— Нет у тебя больше брата, доченька моя милая!

— Брата? Как? Почему?

— Погиб он...

Назокат обмякла, ноги подкашивались. Она почувствовала, что падает. Отец поддержал ее.

— Кто сказал? Может быть, это неправда?

— Письмо пришло, черное письмо...

Муса достал из кармана сложенную вчетверо бумагу и протянул дочери. Назокат, развернув бумагу, прочла:

*«Уважаемый Муса Хайдарович! С глубоким при-
сорбием извещаем, что сын Ваш, политрук Абдулхай*

Мусаев погиб в бою с немецкими захватчиками, защищая свою Родину. Он был смелый и честный воин. Имя нашего боевого друга Абдулхая Мусаева навсегда останется в наших сердцах. Мы скорбим вместе с Вами, дорогой отец.

*Командир части майор Абдуллаев
Комиссар части капитан Кунаев».*

— Когда оно пришло?

— На прошлой неделе.

— Идемте же в дом,— опомнилась Назокат, почувствовав, что ее знобит. Она попыталась поднять мешок отца, но ощутила такую слабость, что едва устояла на ногах.

— Командир Абдулхая, видно, очень душевный человек, он прислал еще письмо и от себя,— сказал отец, подав конверт.

Командир писал подробно о том, как служил Абдулхай, как добросовестно выполнял обязанности политрука, о последнем его бое, где он заменил погибшего командира роты, приняв командование на себя. Он пал смертью героя, подорвав фашистский танк, прорвавшийся на командный пункт. Командир сообщил, что послал такое же письмо его жене Зухре.

— Она получила?— подняла глаза Назокат.

— Получила.

— Бедная Зухра!

— Она очень мучилась. Бросила все и уехала из нашего города.

— Куда?— изумилась Назокат.

— Сказала, в армию.

— В армию?

— Да, доченька. Она не посоветовалась ни со мной, ни с отцом. Сама решила. Пошла в военкомат, добилась, чтоб записали ее добровольцем. Мы узнали об этом только в день отъезда. Она сделала так, чтоб отец не помещал. Ты же знаешь, он был против их брака, последнее время добивался, чтоб она оформила с Абдулхаем развод, а ей подыскал другого. Но она осталась верной женой, так что ее папочка, узнав об отъезде дочери, рвал свою бородавку.

— Ну уехать-то уехала, а куда? Написала она вам?

— Сообщила мне и предупредила: «Ни в коем случае не давайте адрес отцу!» Она женщина с характером!— Муса достал из кармана еще один конверт.

Прочитав адрес, Назокат оживилась:

— Это же здесь, в Ташкенте!

— Да, где-то здесь.

Зухра писала, что учится на краткосрочных курсах медсестер и скоро поедет на фронт.

— Надо ее разыскать. Сегодня у меня весь день свободный.

— Пойдем поищем нашу Зухру.

— Но я даже чаем вас не напоила.

— Ничего, потом.

Назокат стала собираться, а Муса все вздыхал:

— О, господи, аллах всемогущий, уж если ты не можешь воскресить Абдулхая, заberi и меня к себе. Неужто у тебя на это сил нет?

— Не надо, папа, не мучайтесь. Беды не поправить. Правильно говорят, видно, люди приходят в мир и уходят из него, как гости. У нас еще много близких людей: мама Ойниса, Зухра... Пойдемте к ней.

В адресе на конверте был указан только номер полевой почты, поэтому отыскать Зухру оказалось непросто. Кто-то посоветовал обратиться в комендатуру. К коменданту не так-то легко было попасть, много военных ожидало приема. Когда подошла, наконец, очередь Мусы, полковник-комендант, взглянув на конверт, коротко бросил одному из своих помощников:

— Разъясните, как найти.

Курсы оказались совсем недалеко, в двух кварталах от вокзала. В проходной долго пришлось объяснять, к кому, зачем, почему. Но все же их не пустили, а кого-то послали за Зухрой.

Через несколько минут она выбежала на улицу в военной форме и кинулась к Мусе.

— Папа!

Она обняла его. Потом расцеловалась с Назокат.

Лицо Зухры показалось Назокат каким-то увядшим. Ее былая красота поблекла. Только глаза по-прежнему блестели ярко, но огонь этот был холодный и строгий.

Поглаживая Зухру по плечу, Муса спросил:

— Не трудно тебе в армии, дочка?

— Обо мне не беспокойтесь. Я все вынесу и отомщу

за Абдулхая. Уже научилась не только перевязывать раны, но и стрелять.

Тесть протянул мешочек.

— Возьми, дочка, здесь немного риса и сливы сушеные с нашего дерева. Привез, что было.

— Спасибо, папа, у нас все есть.— Но мешочек все же взяла, боясь обидеть старика.

Разглядывая ладную фигуру Зухры в военной форме, Назокат думала: «Ей все идет».

— Не отпустят ли вас на побывку к Ойнисе-апа?— спросила Назокат.

— Нет, сестричка, сейчас нельзя. Идут занятия, разрешили выйти на несколько минут. Оставьте адрес. Я приеду сама.

— Бешагач, махалля Арпапая. Спросите Ойнису, ее там все знают.

— Хорошо.— Зухра повторила адрес, чтоб лучше запомнить. Опять обняла тестя и сестричку.— Ну, мне пора! До свидания. Скоро увидимся.

Она убежала за ворота.

По дороге домой Назокат сказала:

— Правда, Зухра изменилась? На мужчину стала похожа. Какая-то строгость в ней появилась.

— Верно, доченька. Душа от горя, видно, окаменела. Зухра стала мстителем, а мстители не делятся на женщин и мужчин...

Глава седьмая

СТИХИ

На веранде, укрытая стеганым одеялом, лежит бабушка Рисолат. Рядом с ней Гульназ. Открытая сторона веранды завешена камышовой цыновкой. Сквозь нее пробиваются полоски света. Ветер иногда надувает камышовый занавес, как парус, и заносит на веранду снег.

Гульназ недавно принесла в совочке раскаленных углей и высыпала их в углубление сандала. Тепло и уютно под жаркой курпачой, нагретой от углей.

Бабушка тихо пошевелилась. Гульназ склонилась к ней, поправила подушку, подвернула одеяло, нащупала

пульс. Слабая жилка на исхудавшей руке билась тревожно и часто, будто из последних сил.

Уже месяц, как слегла бабушка. В тот день испуганный Сережа прибежал за Гульназ. Старуха лежала на кошке без сознания, а у ее изголовья сидел растерянный дед. Он умоляюще посмотрел на Гульназ. В этом взгляде была и пылкая любовь, и нежная привязанность к дорогой подруге жизни Рисолат.

Сердце у бабушки работало с перебоем. Гульназ сделала ей укол и, чтоб меньше тревожить больную, здесь же, на веранде, постелила ей постель у сандала. Девушка надеялась, что на свежем воздухе бабушке станет лучше. Гульназ дежурила около нее, регулярно делала инъекции, но состояние больной не улучшалось. Тогда Гульназ, не надеясь на свои знания и скромный опыт, решила обратиться к своим учителям из медицинского института — профессору Слониму и доценту Умидовой. Знаменитые специалисты не отказали своей ученице, приехали. Потом Слоним спросил Гульназ:

— А какой диагноз поставили вы, доктор?

Гульназ зарделась, но, взяв себя в руки, ответила:

— Мне кажется, профессор, инсульт.

— Я с вами согласен, — кивнул головой Слоним. — Какие вы сделали назначения?

Гульназ перечислила инъекции и лекарства, которые она выписала бабушке.

— Очень хорошо, — похвалил профессор. — Можно было нам и не приезжать. Как вы считаете, коллега? — обратился он к Умидовой.

— Доктор Дадабаева предусмотрела все, — доброжелательно сказала Умидова.

— Кем доводится вам больная? — поинтересовался Слоним.

— Бабушка.

— Вашей бабушке нужен полный покой. Абсолютный! Понимаете?

— Да, профессор?

Слоним подошел к деду Кулдашу, который почти стоял в сторонке. Положив ему руку на плечо, профессор ласково спросил:

— А вам кем она приходится?

— Моя старуха...

— И вас прошу, создайте вашей супруге покой. Полный покой. Понимаете?

— Понимаю,—тихо сказал дед.

— А жить будет еще долго. Вот так!

— Спасибо вам, ученый человек, большое спасибо.

— Не за что, уважаемый, это наша работа. Ну, мы отправимся, нас ждут другие.

Каждый день Гульназ до ухода в поликлинику забегала проведать бабушку. Состояние ее было прежним: молчаливая, лежала она на веранде, изредка открывала глаза, бессмысленно глядела в потолок и опять закрывала.

Но однажды, когда Гульназ поила старуху из чайной ложечки, она уловила, что больная глотает легче. Внучка с надеждой спросила:

— Вам лучше, бабуля?

Старушка ничего не ответила, но глаз не закрыла.

— Ну вот и хорошо, миленькая, вам явно лучше,— обрадовалась Гульназ, увидев, что взгляд ее стал осмысленным.— Видите, вон снег идет. А в саду стучит топор, слышите? Это дедушка с Сергеем пни корчуют, дрова добывают. Вчера приходила навестить вас Ойниса. И гости, которые живут у нее, тоже были...

Гульназ перечисляла имена близких больной людей и следила, как она реагирует. Глаза старухи оживились, она даже шевельнула губами. Гульназ погладила бабушкину голову, повязанную теплым платком, и радостно сказала:

— Прекрасно! Дело пошло на поправку!.. От внучка вашего Юлдаша письмо пришло. Он пишет: «Передайте моей доброй бабушке привет, огромный, как леса России». Он тоже пока лежит в постели. Но и он поправляется, раны заживают, скоро поедет в свою часть. Такой уж у вас внук — мало ему пережитого, только и думает, как поскорее вернуться на фронт. Если бы попросил отпуск, наверное, не отказали бы после ранения. А он — все на фронт да на фронт. Я написала ему: навести нас, отпросись на недельку. Пусть попробует не приехать! Я тогда сама к нему отправлюсь. Только вы поправляйтесь, бабушка. А как выздоровеете, так и отпустите меня, хорошо?

Старуха, кажется, уловила кое-что из воркотни Гульназ, попыталась что-то сказать, но лишь промывчала.

Гульназ вспомнила настоятельное требование Слонима: «Покой, абсолютный покой!»— и больше говорить не стала.

Девушка отодвинулась к стене, чтобы не быть в поле зрения больной, достала из ниши старинную книгу стихов, которую любила читать бабушка, подумала: «Сейчас раскрою наугад, и что сказано в стихах — пусть сбудется».

Жду с тоской, когда ты придешь, любимая.

Хотел бы вечно видеть тебя, любимая.

Ах, как я не дорожил тобой, когда была ты рядом, любимая.

Приди ж и успокой мою душу, любимая.

Интересно! Сколько бы она ни листала этот том и какие бы ни читала стихи, всегда они близки сердцу, будто написаны специально для нее. Может, это оттого, что у всех влюбленных одна судьба, тоска, разлука, несбывшиеся мечты?

«Ну-ка, посмотрю еще, может быть, есть и такие стихи, которые меня вовсе не касаются». Опять распахнула том.

Ни на миг не свободна душа от мечты о тебе!

Тоскую, мой милый, всегда и везде о тебе.

И на рассвете, и ночью, и днем, и всегда о тебе.

Нет других дум в сердце моем, лишь о тебе.

Гульназ даже улыбнулась. «Не сказано только о том, что и в поликлинике я думаю всегда о тебе... Да, любовь, видно, во все эпохи одинакова. Это единственное чувство, перед которым равны и царь, и раб, и полководец, и воин. Вот влюбленный в Надиру, о которой говорится в поэме, был шахом, а мой Юлдаш — летчик. Но какая разница в наших чувствах? Пожалуй, никакой. Прошли века, а я переживаю то же самое, что и Надира в те далекие годы!»

Старуха что-то прошепелявила.

— Хотите пить?

Гульназ склонилась над ней.

Бабушка не ответила, но глаза ее остановились на книге.

Внучка изумилась:

— Почитать?

Старуха медленно сомкнула веки и вновь раскрыла их.

— Бабуля, миленькая! Вы уже все понимаете и слышите!— Девушка чмокнула ее радостно в морщинистую щеку и быстро залистала книгу. А сама думала: «Читать или нет? Не нарушит ли это ее покой? Нет, хорошие стихи никогда не вредили людям!»

— Сейчас, бабуля, выберу вам газели Надиры, сейчас. Вот нашла. Слушайте:

Настало тяжкое время. Я не слышу тебя.

И плачу я, о друг милый мой...

— Нет, это нам не подходит, поищем что-нибудь повеселее!— сказала торопливо Гульназ, поразившись: «И здесь поэт в точку попал!»

Гульназ нашла другие стихи и принялась их читать. Когда попадались грустные строки, она пропускала их.

Старуха сначала слушала молча, но потом протестующе зашамкала, беспокойно задвигала пальцами.

Она понимает! Гульназ прочитала один из стихов, не пропуская ни слова.

Бабушка лежала спокойно, слушала.

Прошла пора свиданий, настали сумерки тоски и разлуки.

Осталась я наедине с грустью своей.

В глазах старухи мелькнули слезинки. Гульназ решительно захлопнула том:

— Нет, бабуля, хватит. Вам нельзя волноваться. Когда поправитесь, я всю книгу вам прочитаю. А сейчас нельзя!

Бабушка понимающе сомкнула веки. Гульназ утерла ей слезинки.

Она легко вздохнула и погрузилась в сон.

Гульназ проверила пульс, он стал ровнее и четче. «Да, хорошие стихи еще никогда никому не вредили!»— довольно подумала девушка.

Глава восьмая

ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ

— В каждом деле точность нужна, товарищ лейтенант. Я люблю точность,— говорил старшина.

Он сидел возле койки Юлдаша, опираясь на костыли, вытянув свою единственную ногу.

— Иной всего раз пальнул из винтовки, а разболтается — будто город взял. Другой уложил больше десятка фрицев, а говорит так, словно грядку хлопка прочеканил. Я не одобряю ни тех, ни других. Надо говорить правду, как было. И нечего стесняться. Что успел, то и сделал.

Старшине очень хотелось узнать о боевых делах лейтенанта. А тот молчал. Обронит слово, другое — воды попросит или закурит — вот и весь разговор. А старшина — человек общительный, он поговорить любит...

Госпиталь разместился в одной из школ Орехово-Зуева, на берегу Клязьмы. Палата, в которой лежат старшина и лейтенант, на втором этаже. В ней четыре койки. Две пустые. Раненые, занимавшие их, поправились, уехали на фронт. Остались «неходячий» Юлдаш Таштемиров да одноногий старшина. Его перевели сюда недавно, дней пять назад — подумали врачи, что от соседства с земляком узбеком тяжело раненному лейтенанту легче на душе станет.

— Надо же такому случиться — столько людей и на фронте и в госпитале, а мы вот, земляки, в одной палате встретились,— продолжал рассуждать старшина.

Лейтенант отмалчивался.

— Так все быстро получилось, просто опомниться не успел. Как будто вчера еще был бригадиром в колхозе, по сорок два центнера хлопка давал, а сегодня уже инвалид. Седьмого ноября по Красной площади в Москве строевым шагом рубил, а теперь, как одноногий аист, прыгаю. Наш полк тогда прямо с парада — в бой. Прошли мимо Мавзолея — и по Можайскому шоссе на передовую. Копаем траншею, а над нами «юнкеры» идут. И все в сторону Москвы. Слышим, как их там зенитки встречают, на душе легче становится. А потом гляжу, на нас одно звено заходит. Развернулись не то-

ропаясь, будто высматривают, и понеслись вниз, нам на головы. Я видел, как у «юнкеров» брюхо раскрывалось и оттуда черненькие бомбы сыпались. Как загрохотали бомбы вокруг, так я очумел. «Юнкеры» уж ушли, а я все никак в себя не приду. Вы, товарищ лейтенант, наверное, «юнкеров»-то в воздухе близко видели, привыкли к ним, а я, скажу честно, испугался их. Когда очухался после бомбежки, смотрю — в лесу что-то горит. Все бойцы наши бегут туда. Ну и я, конечно, побежал. Гляжу, «юнкерс» сбитый горит, а из кабины пытается выбраться летчик немецкий. Но не может. Видать, раненый. Одни наши ребята кричат: «Пусть сгорит фашист проклятый!», другие: «Надо вытащить, мы же не такие звери, как они!» Попробовали несколько человек приблизиться к самолету — не выходит, жар сильный, одежда начинает дымиться. Тогда наш командир отделения Назаров накрылся с головой плащ-палаткой да бегом прямо к огню. Схватил немца и назад. Вернулся, как факел, весь в огне. Сбросил палатку, затоптали ее ребята.

Слушая старшину, Юлдаш думал: «Меня гитлеровцы из горящего самолета вытаскивать не стали бы. Наоборот, загнали бы назад в огонь и наслаждались бы тем, как я жарюсь заживо. Мое счастье, что упал к своим, иначе — хана».

От неприятных воспоминаний будто жаром обдало. Юлдаш пошевелился, словно хотел отвернуться от обжигающего огня. Резкая боль пронзила тело. Юлдаш застонал.

Старшина участливо склонился к нему:

— Больно? Это гипс давит. Когда он засохнет, жесткий делается и жмет, проклятый, спасу нет. Может, намочить водой, чтоб отпустил немного?

Юлдаш закусил губу и отрицательно покачал головой.

— Терпеливый вы, товарищ лейтенант! — Старшина на некоторое время смолк, понимая, что соседу сейчас не до разговоров. Он смотрел на заснеженные сосны за окном, на речку, затянутую матовым льдом. Но этот словоохотливый человек не мог долго молчать, вскоре он опять заговорил:

— Мне ногу по самую голень отрезали. Ох и болело первое время. И странное дело, ступня вроде болит.

Ступни нет, а она болит! Стонал я и кричал тогда от боли. А вот ребята рассказывали, что вы все муки молча переносили. У лейтенанта семь жизней, говорят. Одну из него страдания вытянут — он другой живет, уйдет вторая — он третью включает... Может быть, я побрею вас, товарищ лейтенант? Как в первоклассной парикмахерской обслужу. Побрить?

Юлдаш отказался. Старшина вздохнул.

— Ну, ладно. Тогда я своим делом займусь.

Он встал и, тукая о пол костылями, принялся за приписанные ему ежедневные упражнения. Гулкые удары костылей о пол досаждали Юлдашу. Но, видно, не только ему. Вскоре с первого этажа прибежала няня, замахала руками:

— Будя, будя тебе колготить-то. На весь госпиталь разгромыхался. Иди вниз, там и скачи, сколько душе угодно!

Старшина сел на кровать, вытирая полотенцем потное лицо, сказал:

— Слышите, товарищ лейтенант, сперва ногу оттапали, а теперь говорят: не громыхай костылями.

— Не обижайся, старшина,— тихо сказал Юлдаш.— Если бы я мог ходить хоть немного, я добрался бы вот до той рощи,— лейтенант показал в окно.— Делал бы упражнения на берегу речки, на чистом воздухе. Но увы...

— Не отчаивайтесь!— Старшина опять сел на стул рядом с койкой Юлдаша.— Вам доктор что сказал? Скоро на ноги встанете. Вот тогда мы вместе на бережок и отправимся. И упражнения делать будем.

— Очень надоело лежать...— сказал Юлдаш.— Не слышали, почта была сегодня?

— Пока не приносили.

— Ну ладно, подождем.— Юлдаш потрогал свой подбородок, обросший жесткой бородой.— И бороду сбреем.— Лейтенант говорил только потому, что это немного отвлекало от боли. Прежде он досадовал на болтливость старшины, а теперь сам попросил:

— Расскажите, как вас ранило?

Старшина встрепенулся.

— Как я вам уже говорил, рота наша в обороне была. В том самом месте, где «юнкерс» сбитый недалеко

от нас сгорел. Ну, простояли мы дня три, пришел приказ — наступать. Километрах в двух от нас деревня была, вот ее и приказали взять нашей ротой. Фашисты, которые стояли против нас, наверное, не собирались долго задерживаться на этом рубеже, думали дальше продвигаться: ни проволоки, ни минных полей перед их окопами. Вот наши командиры и решили: без артподготовки, потихоньку подойти к немецким позициям и свалиться им на голову. Так и сделали. Выбрались мы из своих траншей и пошли. Тихо-тихо шли. Пулеметы, минометы, боеприпасы — все несли осторожно, чтоб не звякнуло. Какие подразделения раньше подобрались — залегли: поджидали, чтоб все подтянулись. Ну, а потом сигнал — в атаку! Кинулись мы в немецкие траншеи — и началось. Фашисты с переполоху палят куда попало, ракеты пускают во все стороны, а мы их глушим; которые в траншеях — прикладами да штыками, а тех, что в блиндажах, — гранатами! В общем, не успели они опомниться, как мы до деревни их отогнали. Прямо в домах бились. В одной избе наши, в другой они. Все перепуталось, не поймешь, кто где. Ночь ведь — темень! Я с отделением сержанта Назарова в какой-то большой дом забежал. Наверху фашисты, внизу мы. Они в нас из пулеметов, а мы под лестницу спрятались. Не могут они нас огнем достать. Но и мы тоже ничего поделывать не можем. Ну сколько сидеть? Нетерпение меня охватило. Говорю сержанту Назарову: «Сейчас я рвану наверх, поддержите огнем». Он отвечает: «Давай, только осторожно, не лезь на рожон». Вот я автомат упер в живот, как дам очередь непрерывную на весь диск, а сам «ура!» и вверх по лестнице. Ребята за мной. Бегу и спотыкаюсь о тела фашистов. Не знаю, я их сразил или до меня набили, только вся лестница ими завалена была. Вскочил я на второй этаж. Ну тут меня из пулемета и полоснули. Будто в ведро набрали мелких красных углей и на меня сыпанули разом. Дальше ничего не помню. Потом узнал: пулемет мне целую очередь в ногу всадил. В ту, которую отрезали. Изрешетил все кости. Очнулся я, когда деревню уже взяли. Рота задачу выполнила. А парень один из нашей роты, Эргаш, тащил меня в санчасть.

— Эргаш? — спросил лейтенант. — А как его фамилия?

— Да, кстати, фамилия-то у него, как и у вас,— Таштемиров. Уж не братишка ли вам будет?

— Возможно. Есть у меня брат, тоже воюет. Только не знаю, где.— Юлдаш, заинтересованный рассказом, приподнялся на локте, старшина подложил ему под спину подушку.— А что дальше было?

— Дальше было не очень весело. Ногу мне так разделало, что ее прямо в санчасти отрезали. «Никак ее отремонтировать нельзя,— сказал доктор,— медицина в таком случае бессильна». Сказал и пилой кость отпилил, как ветку сухую от дерева.

Юлдаш хотел услышать подробности об Эргаше, но старшина все о ноге своей толковал. Как ему больно было, да как его перевязывали, как на костыли впервые встал и грохнулся. Перебивать было неудобно, лейтенант терпеливо ждал. Но потом все же не выдержал, спросил:

— Ну, а Эргаш-то, однополчанин ваш, с ним что случилось?

— Эргаш?.. Он в роту вернулся. Я его больше не видел. Не знаю, как он потом воевал... Но думаю, что хорошо. Он парень решительный. Говорить много не любит, вроде вас. Уж если что скажет, то веско. Я его хорошо знаю. Мы с ним в одном колхозе работали.

— В каком колхозе? Где?— нетерпеливо спросил Юлдаш.

— Да разве я вам не говорил? Помните, хвастался, что по сорок два центнера хлопка с гектара собирал? Так это благодаря Эргашу. Он был в нашем колхозе агрономом. После техникума к нам приехал... А призвали нас вместе. В один день повестки получили. И обучение недалеко от Самарканда проходили вместе. И на фронт в одном эшелоне ехали. В Ташкенте на вокзале Эргаша мать провожала. Ласковая такая женщина, все обнимала его, плакала. На дорогу ему целый мешок лепешек принесла...

Теперь Юлдаш уже не сомневался: старшина видел его мать и брата. Было это и радостно и печально. Радостно оттого, что вот сидит живой человек, своими глазами видевший близких ему и дорогих людей. Печально потому, что судьба Эргаша неизвестна.

— Да, теперь я уверен, что вы были с моим родным братом,— сказал Юлдаш.

Старшина так и просиял, весело воскликнул:

— Это что же получается, товарищ лейтенант, мы с вами не только земляки, а прямо родственники!

— А в Ташкенте с мамой никто больше не был?— спросил Юлдаш, думая, что, может быть, Гульназ тоже приходила на вокзал.

— Нет, была одна ваша мама... А может, я и не заметил других? Я же ваших родственников в лицо не знаю. Возможно, кто-нибудь еще в сторонке стоял...

— Давай, старшина, закурим,— попросил лейтенант.

— С великим удовольствием!

Старшина вытащил из кармана кисет с махоркой. Дал бумаги лейтенанту и себе оторвал. Насыпал зеленого самосада по щепотке. Они свернули самокрутки. Старшина, не без форса, чиркнул трофейной зажигалкой, поднес огонь Юлдашу. Курили с удовольствием.

— Как ноги, товарищ лейтенант?

— Грят...

— Схожу-ка к докторам, что-то они сегодня не заглядывали.

— Открой пожалуйста, форточку.

— Это я мигом.

Старшина открыл форточку и застучал костылями по коридору.

Юлдаш курил, размышляя о том, какие неожиданности случаются в жизни. Старшину удивило, что два земляка из тысячи людей сошлись в одной палате. Это редкое совпадение. Но то, что этот человек видел его мать, был в бою вместе с Эргашем, а теперь вот столкнулся еще и с ним, это просто поразительно!

Снова затукали в коридоре костыли, вошел сияющий старшина.

— Ох и новости я принес, товарищ лейтенант! В госпитале персоналу добавилось. Одна сестра, несомненно, узбечка. Чернобровая, стройная, глянет — как прутом жиганет. Строгая! Ее на наш этаж назначили! Роемся в историях болезни. Наверное, скоро придет к нам. Ох, и красивая, сами увидите.

Вскоре новая медсестра быстрым шагом вошла в палату. Лицо ее действительно было красиво и строго. Косы, уложенные на голове высокой башенкой, были закрыты белоснежной косынкой. Из-под халата выглядывала зеленая юбка, на ногах поскрипывали сапоги.

— Здравствуйте,— официальным тоном сказала девушка, даже не взглянув на раненых. Протянула каждому по градуснику:

— Измерьте температуру, сейчас будет обход нового начальника отделения.

Она ушла.

— Ну как?— восхищенно спросил старшина.

— Ничего,— неопределенно отозвался Юлдаш.

— Где-то я ее видел,— задумчиво произнес старшина.— Не то в Фергане, не то в кишлаке нашем. Уж очень знакомое лицо...

Вскоре в сопровождении новой сестры вошли двое врачей. Один высокий, худой, майор медицинской службы, второй врач — женщина, пожилая, в очках, с капитанским знаком.

Женщина взяла градусник у старшины, потом, подняв очки на лоб, спросила:

— Ну-с, как ваша нога?

— А нога моя никак! Нет ее, ноги-то. Один обрубок остался.

— Ложитесь, я вас послушаю.

Старшина лег, задрал рубашку.

Женщина, прикладывая стетоскоп, внимательно выслушала сердце, легкие. После нее на край койки сел майор. Он тоже послушал, постукал согнутыми пальцами по груди, помял живот. Коротко приказал сестре:

— Разбинтуйте.

Девушка быстро размотала бинты, обнажив красную зарубцевавшуюся рану.

Майор сначала осторожно, потом сильнее и сильнее стал щупать и мять швы.

— По-моему, все в норме,— сказал майор, обращаясь к женщине.

Та согласно кивнула. Похлопав раненого по обнаженному бедру, доктор, улыбаясь, сказал:

— Ну, что же, товарищ, будем вас выписывать. Лечение ваше кончилось. Идите вниз, оформляйте документы. Собирайтесь домой.

— Спасибо, товарищ майор,— взволнованно поблагодарил старшина.

— Можете идти прямо сейчас.

Старшина суетливо подобрал бинты. Встал на косяки и направился к двери.

Женщина остановилась возле Юлдаша.

— Температура 38,7. Причем держится давно... Давайте, миленький, мы вас посмотрим.

Майор приказал вскрыть гипс на ноге лейтенанта. Долго, сантиметр за сантиметром осматривал повреждения, осторожно гнул ногу в суставах.

Юлдаш поморщился.

— Больно,— утвердительно сказал майор.— Крепитесь, лейтенант, вы еще летать будете, все идет хорошо.

Сев к столу, врачи негромко обменивались мнениями и давали какие-то указания сестре. А сестра, как показалось Юлдашу, была чем-то взволнована.

Юлдаш сначала обрадовался обещанию врача — летать буду! А теперь, глядя на сестру, с тревогой думал: «Неужели обманывают? Хотят, чтобы не волновался. Что они там такое пишут? Сестра просто на месте стоять не может».

Они ушли продолжать обход.

Юлдаш закрыл глаза и вскоре забылся в полудремоте.

— Ассалам алейкум, Юлдаш-ака!— услышал он вдруг приятный женский голос.

Откуда прилетел он? С земли, с небес ли? Или, может быть, в зимней роще вдруг соловей пропел? Кто же это может здороваться с ним так нежно! Уж не мерещится ли ему Гульназ?

Юлдаш открыл глаза. Нет, не Гульназ. Перед ним стояла сестра. Но почему она так трепещет?

— Кто вы?— спросил Юлдаш.

— Сестра, ваша сестра.

— Как это?— удивился Юлдаш.

— У вашего брата Эргаша есть невеста — Назокат. Она сейчас живет в Ташкенте вместе с вашей мамой. Брат Назокат — Абдулхай — мой муж. Вот и получается, что мы с вами родственники, я ваша сестра.

— Ах, вот оно что?

— Неужели вы меня не помните, я бывала в вашем доме, когда училась в Ташкенте. Гульназ моя подруга. Как она скучает о вас! Как любит! Она меня на фронт провожала. Ну, теперь вспомнили меня? Я Зухра.

Юлдаш все же не мог вспомнить эту девушку. Но, желая ее огорчить, сказал:

— Да, теперь вспомнил.

А сестра, назвав свое имя, стала грустной.

— Я Зухра, оставшаяся без Тахира. Погиб мой Абдулхай... Загубили нашу любовь фашисты.— В глазах девушки сверкнул холодный огонь.— Я их своими руками уничтожать буду. Все равно добьюсь, чтобы меня отравили на передовую. Отомщу за своего Абдулхая!

Взволнованные, они не заметили, как в палате появился старшина.

— А я все же вспомнил, где видел вас!— воскликнул он.— Вы в театре в Фергане Зухру играли! Правда?

— Вы ошиблись,— сдержанно ответила девушка.

— Вот не везет. Опять мучиться буду, пока не вспомню, где вас встречал. Но я обязательно вспомню.— Бросив вещмешок на тумбочку, сказал:— Пойду проездные выписывать, завтра уже в поезде буду.

— Вы правда играли в театре Зухру?— спросил Юлдаш.

— Играла,— скорбно сказала девушка.

Они долго молчали. Потом сестра спросила:

— О чем вы думаете?

— Вспомнил одно изречение своего деда Кулдаша.

Зухра улыбнулась:

— Который купил вам самолет?

— Да, того самого. Самолет ждет меня в полку. Командование в письме сообщило.

— Какие слова дедушки вы вспомнили?

— Он как-то сказал: «У некоторых почти каждый день запоминается на всю жизнь, а у иных вся жизнь пройдет — и вспомнить нечего». Нам есть о чем вспомнить, сестренка! И впереди еще будет много хорошего...

Глава девятая

ВЕСТНИК

Старшина Холматов, который надоедал Юлдашу своей словоохотливостью, был по сути своей добрый малый.

Когда он вышел в Ташкенте из московского скорого, на параллельном пути стоял поезд, отправляющийся в Фергану. Однако старшина не пересел на него. Холматова в кишлаке ждали отец, мать, жена, дети. Но он считал своим долгом найти мать братьев Таштемировых.

Холматов вышел на привокзальную площадь, осмот-

релся. Шел снег. Вечерело. Свет на верхушках столбов тлел бессильными белыми кружками, не прогоняя темноты с улицы. Постояв, старшина заковылял к трамвайной остановке. Ждать пришлось долго. Снег напал высоким слоем на его плечи и шапку. Ветер посвистывал в проводах.

Холматову приходилось бывать в Ташкенте, он немного знал город. Куда ему ехать, представлял хорошо. Однажды он был на курултае хлопкоробов, гулял в парке Пушкина, на Комсомольском озере. Около этого парка-озера и находится Бешагач. А оттуда, как сказал летчик, до махалли Арпапая рукой подать, спросишь — любой скажет.

Трамвая все не было. Холматов вспомнил раненых, с которыми ему доводилось лежать в одних палатах. Быстро люди сближаются в госпиталях. Расскажут всю жизнь, поведают о близких, порой самое сокровенное открывают... Многих старшина запомнит на всю жизнь, будет писать им письма. Лейтенант Таштемиров из всех соседей оказался самый неразговорчивый. И все равно он стал близким. Просто у летчиков такой характер, не любит человек зря трепаться, строгий, сдержанный — настоящий боевой командир. Так ничего и не рассказал он старшине о воздушных боях. Лишь от врачей узнал Холматов о храбрости Юлдаша...

Скрытый мраком, где-то неподалеку звякнул трамвай потом показалось бледно-желтое пятно его единственной фары. Подкатили красные вагоны, засыпанные снегом. В вагонах было пусто. Несколько человек зябко ежились на площадке, один из них помог старшине взобраться в вагон.

Холматов сел, снял с плеч вещевой мешок и положил его рядом. Костыли пристроил, чтоб не упали. Оглядел людей, сидевших напротив. Бородатый старик в казахском треухе, стеганой телогрейке и таких же стеганых брюках, да две усталые девушки, тоже в ватниках.

Трамвай, глухо громяхая, катил не спеша. Старик посмотрел на костыли и обрубок ноги Холматова, участливо спросил:

— С фронта, сынок?

— Оттуда, папаша. Сам я из Ферганы, по делу здесь задержался: надо заехать в дом друга, рассказать о нем матери.

— Похвально, сынок.

Пассажиры, услышав, что старшина — фронтовик, оживились, придвинулись ближе.

— Ну как там дела? — спросил старик.

— Дела, можно сказать, поправляются, — солидно сказал старшина. — Фашистам под Москвой жару дали, отбросили. Жалко вот, ногу я там потерял, а то бы вместе со всеми еще дал им прикурить!

— Слава богу, что отогнали, слава богу, — вздохнул старик, теребя бородку. — Приглашаю вас быть моим гостем, сынок, вы же не в своем городе...

— Спасибо, папаша, мне есть у кого остановиться.

— А может быть, у них и у нас в семье побываете?

— Очень вам благодарен, отец, но мне хочется побыстрее добраться домой.

— Это правильно, — согласился старик. Помолчав, он вдруг спросил, покрутив около головы пальцем:

— А правду про Гитлера говорят, что он того... не совсем нормальный?

— Был бы он в своем уме, разве полез бы на нашу страну? — вопросом на вопрос ответил Холматов.

Пассажиры улыбнулись находчивости старшины.

— А в каких местах вам довелось воевать, дядя? — спросила одна из девушек.

— Под Москвой.

— Мой папа тоже там... Только давно уже не пишет...

— Война, — старшина не нашелся больше ничего сказать. Увидев, как погрустнело лицо девушки, попытался успокоить. — Фронтовики очень устают. После боя только бы глаза сомкнуть. Ляжешь где попало, только прикорнешь, а там опять началось... — Случается, и полевую почту разбомбят. У нас вот бомба угодила в повозку, которая везла письма в тыл. Сколько там солдатских приветов в воздух взлетело! Да вы не сомневайтесь, придет письмо.

— Спасибо, дядя.

Когда на Бешагаче с помощью новых знакомых старшина выбирался из вагона, старик еще раз сказал:

— Возьми адрес на всякий случай, может, не застанешь никого.

— Да нет, папаша, не беспокойтесь, люди меня ждут надежные, примут хорошо.

Как только очутился старшина на площади, так и за-

кружила вокруг него снежная карусель, завернула полы шинели, бросила колючие снежинки в лицо. Прикрыв рукой глаза, Холматов осмотрелся. Где-то здесь должны быть высокие колонны, вход на Комсомольское озеро. Напротив большие ворота базара. Слева раньше находилась чайхана. Ничего этого старшина в темноте не обнаружил. «Куда подевались? Тут вроде ни бомбежек, ни маскировки не было... Может быть, напрасно не взял адрес у старика? Ну да ничего, Ташкент всегда полон гостеприимными людьми. Не пропаду! Кого бы спросить, где Арпапая?»

Увидев тускло освещенное окно, зашагал к нему. Заглянул — оказывается, чайхана! На ковре сидел одинокий посетитель и курил кальян. У старшины засосало в груди — захотелось курить. Толкнув дверь ногой, вошел. Приятный запах табака защекотал в носу.

— Проходите сюда, уважаемый,— замахал рукой курильщик.— Садитесь рядом, поговорим, покурим, я тут в одиночестве скучаю.

Старшина сел.

— Дайте затянусь разок,— попросил с нетерпением.

Протягивая ему чилим, курильщик предостерег:

— Табак белый, из Ургута, смотрите, братишка, будьте поосторожней.

— Ничего, видали мы и покрепче, браток,— сказал старшина и потянул так, что в кальяне бурно заклокотала вода, а в головке, где наложен табак, затрещало и вдруг вскинулся язычок пламени.

Мужчина одобрительно закивал, его рябоватое безбородое лицо просияло:

— Здорово! Я думал, вы птенец в этом деле, а оказывается мастак! Ну что же, давайте знакомиться.— Он надел маргиланскую тибетейку, которая лежала рядом на ковре, и, протянув руку, представился:— Я чайханщик, мое имя Артыков Сафаркул. По годам я старше вас, наверное, в отцы гожусь.

— Меня зовут Ходжа Холматов, я из Ферганы, еду с фронта после излечения в госпитале.

— О!— Чайханщик засуетился.— Сейчас я самовар расшевелю, угощу вас отличным индийским чаем, у меня припасено для друзей.

— Чайку мы с вами попьем в другой раз, поблаженствуем, а сейчас помогите мне найти нужный дом.

— Я эти места, уважаемый, знаю как свои пять пальцев. Ну говорите, кто вам нужен?

— Я ищу Ойнису Таштемирову...

— Мать Юлдашбая и Эргашбая,— тут же добавил чайханщик.— Ее дом тут рядышком... Ну и женщина же эта Ойниса-апа, скажу я вам. Прекрасная женщина!— Чайханщик оглядел Холматова. — Уж не служили ли вы с одним из ее сыновей?

— Встречался, даже с обоими.

— Ну?!— изумился чайханщик.— Как они? Здоровы?

— Здоровы.

Сафаркул возбужденно походил взад-вперед и, встав перед Холматовым, сказал:

— Значит так, братишка. Я вам не советую идти к Ойнисе так поздно, хотя это и недалеко. Дом ее полон эвакуированных женщин. Ойниса весь день была на работе, устала. Женщина она чувствительная, послушает вас, разволнуется, всю ночь глаз не сомкнет, а завтра ей опять на фабрику. Совет мой таков: заночуйте со мной здесь. Места, как видите, много. Тепло. Посидим, поужинаем, поьем чайку, потолкуем. Мне аллах послал четверых сыновей, и все они на фронте, нам есть, о чем поговорить.

«А он, пожалуй, прав, куда я пойду ночью? Не стоит беспокоить людей»,— подумал старшина и согласился:

— Что же, совет вы даете правильный, остаюсь, посидим вдвоем.

— Премного вам благодарен!— Сафаркул засуетился около самовара, заварил заветного чайку, разломил и выложил на поднос паек хлеба, полученного по карточке.

Старшина достал из мешка банку говяжьей тушенки, сухари и вяленую рыбу.

— Настоящий той у нас с вами получился,— довольно потирал руки чайханщик.

Поели. Насладились чаем. Разомлев, повели неторопливую беседу.

— Сыновья вам пишут?

— Не забывают.— Сафаркул вынул из кармана стопку писем и подал старшине.— Вот, читайте, пожалуйста. Холматов развернул верхнее.

— Вслух, пожалуйста. Я еще раз послушаю,— попросил чайханщик.

Старший сын — Умаркул — извещал, что учится в школе танкистов. Другой сын — Назиркул — оказался командиром зенитной батареи. В день, когда писал письмо, сбил фашистского стервятника. Третий — Мардонкул — сапер. Младший — Яхшикул — пулеметчик. В одном из конвертов была вырезка из газеты, в ней статья и снимок Назиркула, стоявшего возле зенитки. В статье говорилось, что батарея Сафаркулова Назиркула мастерски бьет фашистов и что при налете немцев на Минск она сбила два немецких самолета.

— С тех пор прошло много времени,— вздохнул чайханщик.— Минск уже в руках фашистов.

Помолчали.

— Не засыпать ли нам нового табачку в чилим, Сафаркул-ака?

Чайханщик снял головку кальяна, сменил воду в его желтом вытянутом чреве, почистил головку, заложил в нее пару алых угольков из-под самовара и, засыпав доброй порцией табака, принялся раскуривать. Вода бурлила, головка попыхивала слабым дымком, а когда разгорелась, хозяин протянул чилим гостю.

Старшина затынулся раз, другой...

— Хотите расскажу вам, папаша, как я в первый бой ходил?

— С большим интересом вас послушаю.

— Сказать правду, поначалу было очень страшно. Рвутся снаряды, пули свищут. Смерть так и носится рядом. А мы ведь не из железа. У каждого отец, мать, жена, дети. А надо не только думать о том, как свою жизнь сохранить, но и врагов истреблять. Находить их глазами, брать на мушку. Это не просто. Фашисты не дураки, маскироваться умеют! И вот человек, оказывается, ко всему привыкает, даже к смертельной опасности! В первом бою ничего даже не соображал от страха. Потом стал присматриваться, кое-что примечать. В третьем уже винтовку держал в руках крепко и целился как надо. Ну, а дальше пошло, будто всю жизнь на войне прожил. Стреляют пушки, бомбы с самолетов сыплются, пулеметы тарахтят, а ты сидишь в окопе и лупишь фашистов, только пусть успевают патроны подноситься. Ну, а когда в штыковом бою побываешь да уцелеешь, тут можешь считать себя просто профессором по военному делу. Есть такие храбрецы отчаянные, ря-

дом с ними сам делаешься отважным. Вот, например, сын Ойнисы-апа Эргаш — настоящий богатырь! Был с ним в бою не раз. А одну высоту брали, так он первым на пулемет пошел. Поразительной отваги человек!

— Да, все это хорошо,— поддакнул Сафаркул-ака,— но пуля и храбрецов берет, сколько их уже полегло, да и вас вот не миновала,— он кивнул на культу Холматова.

Еще покурили.

— А не напишете ли вы письма моим сыновьям?— спросил вдруг Сафаркул-ака.— Если не утомились с дороги, конечно.

— Напишу, почему не написать. Это же не кетменем махать. Бумага, ручка есть?

— Найдем.— Чайханщик принес ученическую непроливайку, стер с нее пыль, подал ручку и тетрадь.— Вот, пожалуйста, пишите так, чтобы скорее дошло, вам все фронтовые порядки известны.

— Постараюсь.

Потом Сафаркул-ака диктовал, а старшина старательно выводил буквы. Хоть он и сказал, что «писать— не кетменем махать», однако, будучи не очень большим грамотеем, частенько смахивал пот со лба.

В начале каждого письма отец сообщал, что сам он и мать здоровы, что дела в тылу идут хорошо...

«Вот и мне так писали,— думал старшина,— все они фронтовиков успокаивают, а сами полуголодные в холоде сидят, главная забота, чтоб сыны не думали о них, уверенней врагов били».

Затем старик просил написать, чтобы поскорее добивали врагов и возвращались домой невредимыми.

Незаметно досидели они до рассвета. Когда за окном закрипела арба, чайханщик спохватился, выбежал на улицу, о чем-то поговорил с арбакешем и вернулся довольный.

— Арба с хлебом на Арпапаю едет. Вас подвезет.

Холматов быстро натянул шинель, завязал вещевой мешок.

Вместе с арбакешем Сафаркул-ака помог старшине взобраться на высокую арбу. Когда он устроился, чайханщик наказал:

— Вези гостя осторожно, он достойный человек.

А старшине поклонился, приложив руку к груди.

— Спасибо вам, что зашли ко мне. Приглашаю вас и на обратном пути. Желаю вам хорошей встречи, вселите надежду в душу страдающей матери, поддержите Ойнису-апа добрым рассказом. Вы это сможете.

По дороге Холматов задумался над словами чайханщика. «Правильно он подсказал, надо мне рассказать не как на ум придет, не валить все в кучу, а помнить, с кем я говорю, что пострадали они здесь в смертельной тоске не меньше, чем мы там, на передовой». Приосанившись, старшина ехал уже не просто как знакомый сыновей Ойнисы. Он чувствовал себя посланцем с войны, вестником, который должен нести людям добрые надежды.

Глава десятая

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

В горисполкоме — в который уже раз! — рассматривался вопрос о размещении эвакуированных. Члены комиссии, усталые люди с бледными болезненными лицами, искали, куда еще можно поселить несчастных стариков, женщин и детей, прибывающих с запада. Казалось, город уже перенасыщен. Не только в домах битком — по улицам идешь и ощущаешь тесноту. А эшелоны все прибывают и прибывают. Члены комиссии давно бы уже потеряли голову, если бы не широкая и отзывчивая на чужое горе натура ташкентцев. Жители города приходили сюда, предлагали: могу взять еще одну-две семьи на уплотнение. За это им не платили денег, не давали никаких льгот. Просто люди знали: беду можно осилить только сообща. Это были обыкновенные советские люди, у которых чувство коллективизма вошло в плоть и кровь. В минуту опасности и нужды они не забивались каждый в свою скорлупу с надеждой, что их минует чаша сия, а наоборот, протягивали руку помощи соотечественникам.

Когда очередь дошла до заявления Ойнисы Таштемировой, задумались даже члены комиссии, которых трудно удивить. Председатель негромко сказал:

— Таштемирова уже взяла к себе семью Глушко. Просит еще пять семей...

— Дом у нее небольшой, не поместятся, — сказал

одни из членов комиссии.— В очень трудное положение вы себя ставите,— добавил он, обращаясь к Ойнисе.

— Трудно? А кому сейчас легко?— грустно спросила Ойниса.

— Да, дом тесный, а душа широкая...— задумчиво сказал председатель.— Как же вы все-таки поместитесь?

— У себя, у родни, да вы не беспокойтесь, мы все сделаем, чтоб им хорошо было...

— Ну ладно,— сказал председатель.— Я, товарищи, Таштемирову знаю. Она слов на ветер не бросает. Давайте удовлетворим ее просьбу.

Ойниса вышла во двор, держа перед собой полученные бумаги. Двор был заполнен людьми. Они держались семьями. Усталые, измученные долгой дорогой, растерянные от свалившейся беды, они сидели на чемоданах, узлах, садовых скамейках, просто на земле. Глаза их были скорбны: что ждет завтра? Где жить? Только дети со свойственной им беззаботностью давно уже перезнакомились и бегали во дворе.

Гульназ, Назокат и Абдулладжан, сын Кумри, ждали Ойнису.

— Читай, доченька, узнаем, кто к нам пойдет.

Гульназ стала читать списки и справки, которые выдавал горисполком каждой семье.

— Мицкевич Ирина Михайловна, 1900 года рождения, дочь Алиса, 1930 года, сын Владимир, 1935 года. Трое. Белорусы.

— Хорошо. Их возьмите в свою семью вы, Гульназ,— определила Ойниса.

— Ладно, мама,— сказала Гульназ и стала читать дальше:

— Зорина Надежда Сергеевна, 1878 года рождения, Зорин Семен Иванович, 1875 года. Русские.

— Их поселим в доме Алиджана-ака,— Ойниса подумала,— но они старенькие, нельзя одних оставлять без присмотра.

— Есть и молодые,— Гульназ прочитала третий список.— Сестры - Путинцевы, Валя и Оля,— пятнадцать и шестнадцать лет.

— Вот и объединим их. Назокат, ты, доченька, найди Валю и Олю. Познакомь их со стариками Зоринными и веди в дом Алиджана-ака.

— Иду, мама.

Четвертая семья — молодая женщина Нина Васильевна Боровская с пятью детьми — один другого меньше. Ойниса обратилась к Абдулладжану:

— Назик-апа — человек доброй души, вези к ней весь этот детсад.

Пятую семью Ойниса предполагала устроить в дом деда Кулдаша. Но Мария Ивановна Тишкова, как и Боровская, оказалась многодетной: тоже пятеро, три девочки школьного возраста и братья-двойняшки еще на руках. В ветхом домике стариков им будет холодно, да к тому же бабушка Рисолат больна. Ойниса решила взять Тишковых к себе, а как только придет весна, отправить их к старикам, у них в саду, как на даче, будут жить!

Разыскали все семьи, погрузили их вещи на арбу. Взрослые, взяв маленьких детей на руки, пошли за скрипучей арбой пешком. Ойниса несла одного из близнецов Тишковой. Люди благодарно смотрели на эту крепкую, загорелую узбечку, которая вела их в свой дом. По строгому и красивому лицу Ойнисы, по уверенному ее шагу, по коротким распоряжениям, которые она давала сопровождавшим ее девушкам, эвакуированные чувствовали: судьба свела их с человеком сильным и добрым. Близость этой женщины вселяла уверенность, лица людей светлели. Шагая с ней рядом по пыльной дороге, они уже не чувствовали прежней тоски и безысходности. Женщины видели: их ведет мать, сама родившая и вырастившая не одного ребенка.

...Прошел месяц после приезда в дом Ойнисы новых людей. Все заняты своими делами, своими заботами. Каждый думает о своем. Гульназ — о Юлдаше. Назокат — об Эргаше. Только Ойниса думает обо всех. Она — мать. Ей некогда о себе думать. Что она ест, как одета? Все это не занимает ее мысли. Некогда.

Каждый день заходит к Назик, проводит Нину Васильевну и ее пятерых детей. Возвращаясь с работы, обязательно забежит в дом Алиджана. Есть ли дрова у Зориных? Ходят ли в школу Оля и Валя? Как учатся? Заболел недавно один из близнецов Марии Ивановны, Ойниса ночью бегала в дом Дадавая-ака за Гульназ.

Полночь. Темно и холодно. Остыла печка. От входной двери до кровати около стены весь пол занят пос-

телями. Как только пришла в дом Мария Ивановна, Ойниса уступила ей и ее близнецам свою кровать. Кровать узкая, к ней приставляют на ночь четыре стула. Три девочки Тишковой на полу, рядом с кроватью. Дальше спят Нонна Матвеевна и ее дочери. Почти у самой двери Назокат и Ойниса. Закон гостеприимства нерушим. Пусть война, пусть трудно, пусть это надолго, но лучшее место — гостям.

Услыхав, что заплакала младшая девочка Тишковой, Ойниса поспешила к ней, взяла на руки, покачала.

— Спи, маленькая, спи,— тихо шепчет Ойниса и с тревогой косит глаза на Марию Ивановну,— не проснулась бы, уж так за день умаялась бедная женщина.

Успокоив ребенка, Ойниса открыла дверцу печки, выгребла золу, раздула огонь из двух уцелевших красных угольков, подбросила щепок. Затем натянула ичиги, набросила пальто и тихо на цыпочках вышла на веранду.

На стене тикали ходики. Ойниса чиркнула спичкой: половина шестого. Снег шел всю ночь, пухлым высоким слоем лег на край веранды. Пронизывающий ветер носится по двору. Зябко передернув плечами, Ойниса застегнула пальто. Спустилась с веранды. Снегу чуть ли не по колено. «У ребятишек обувь плохонькая, выбегут утром, промочат ноги». Взяла лопату, расчистила дорожки от веранды к калитке и до уборной в глубине двора. Вышла на улицу. Снег лежал ровным мягким ковром. По следам было видно, что кто-то из соседей опередил ее и уже ушел занимать очередь за хлебом.

Стараясь попадать в след, чтоб не набрать снега в калоши, Ойниса пошла в сторону ларька. Там уже толпились люди. Кто-то помахал Ойнисе:

— Идите сюда, я вам заняла.

Ойниса узнала — это Назик.

Увидев в голове очереди махаллинских стариков, Ойниса уважительно поклонилась им.

Низенький Разик-ата сказал ей:

— Ты можешь не вставать в очередь. Мы знаем, у тебя дел много. Скажи продавцу, чтоб выдал тебе хлеб без очереди. А еще лучше — с кем-нибудь послать тебе хлеб прямо домой. Шутка ли, столько людей у тебя, да еще на фабрике работаешь. Иди, отдыхай!—

Чтоб получить подтверждение своим словам, старик обратился к очереди:— Что на это скажете, люди?

Его поддержали:

— Пусть берет без очереди.

— Можно и принести...

— Идите домой, Ойниса-апа.

— Идите же!— Назик легонько подтолкнула Ойнису.— Я принесу ваш хлеб.

Ойниса не тронулась с места, мягко сказала:

— Что мне дома делать? Не рассвело еще. А тут с вами поговорю, побеседуем.

— Учтива,— одобрительно сказал Разик-ата соседу и тихо прошептал:— Да пошлет аллах благополучия ей и здоровья ее детям.

— Не трудно тебе с гостями?— спросила Ойниса, обращаясь к Назик.

Назик очень похудела, поблекла. Коричневые пятна проступили на лице, глаза окружены тенями,— она ждала ребенка. На прошлой неделе получила первое письмо от Мухаммеда. Писал он грубовато, коряво, но Назик знала, сколько чувства было вложено в эти слова. «Не убережешь ребенка, худо тебе будет».

— Гостями довольна,— ответила Назик.— Дом словно ожил. Нина Васильевна добрая женщина, дети у нее хорошие. Особенно озорной мальчишка — трехлетний Вадик. Как приду с работы, просто виснет на мне, не отходит. Муж Нины Васильевны в своих местах, оказывается, большой человек, секретарь райкома. Он сейчас партизанами руководит. Письма оттуда не идут. Жалко мне бедняжку...

— Да, нелегко,— вздохнув, сказала старуха, стоявшая рядом.— Скажите, Ойниса-бану, нельзя ли покончить с этой проклятой очередью, а? Ведь каждому полагается точная норма. Продавец никому лишнего кусочка не даст. Зачем нам стоять? Кто выдумал эту очередь?

— Очередь выдумали мы сами,— ответила Ойниса.— Если я и вы, и другие не будут выходить в полночь, не станет очереди.

— Вот так бы и надо...— ворчливо согласилась с ней старуха.

— А завтра вы все равно пораньше придете, чтобы быть первой,— улыбаясь, сказала Ойниса.

— Конечно, приду,— весело сказала старая.

— Ладно уж, постоим,— вздохнув, сказала Ойниса.— Вот наши вернутся, тогда и хлеба вдоволь, без очереди будет. И отоспимся. А сейчас надо терпеть.

— А разве мы не терпим?!— запальчиво сказала одна из женщин.— Все близкие и дальние родственники на фронте. Я на заводе место мужа заняла. Железяки неподъемные ворочаю. Детей вижу, только когда спят. Разве это не терпение?

— Вы правы, Масудахон,— примирительно сказала Ойниса.— Из каждой семьи в нашей махалле ушли мужчины на фронт. Беда заставила. Но у месяца вон только одна сторона темная, а другая — светлая. Будет и в нашей махалле праздник. Радио слушаете? Наши уже гонят фашистов. А кто гонит? Ваш муж, братья, уважаемая. Ваш супруг, Назик. Мои сыновья. Доживем, обязательно доживем до радостных дней!

Старики негромко забормотали:

— Дай-то бог!

— Да сбудутся твои слова!

Разговор прервался. Люди стояли молча, не шевелясь, старались сохранить остатки тепла. Молчал замерзший Анхор. Страшными и неестественными казались эти люди, молча стоявшие на морозе один в спину другому. Укрывая лица от ветра, они кутались в халаты и телогрейки. Притопывали на месте. А очередь росла. Новые люди пристраивались в хвост и, не говоря ни слова, начинали тоже пританцовывать. Все ждали, когда же придет, наконец, арба с хлебом.

Ойниса думала о сыновьях. Юлдаш в госпитале. А это — не передовая. Хоть и ранен, но жив. Последнее письмо он написал 6 ноября. Накануне праздника. Холодно. Молчат люди в очереди. Качается одинокая электрическая лампочка на столбе. И кажется Ойнисе, что сердце у нее в груди так же качается и леденеет от пронизывающего ветра и тоски по сыновьям.

Один из стариков достал большие карманные часы, приблизил к глазам.

— Седьмой уже.

— Не опоздать бы на работу,— забеспокоилась Кумри.

Старик, хмурия густые заиндеветшие брови, посмотрел на дорогу в сторону Бешагача.

— Вчера в это время уже привезли.

В утренней тиши где-то звякнул трамвайный звонок.

— О господи!— потеряв терпение, сказала Назик.— Ну куда провалилась эта хлебовозка!

Старик, глядевший на дорогу, вдруг повеселел.

— Вон она!

По дороге действительно катилась арба с ящиком для хлеба. Открылся ларек. Продавец, низенький старичок, громко сказал:

— Не торопитесь. Встаньте в один ряд.

Хотя все с нетерпением ждали именно этого мгновения, внимание людей отвлек человек, сидевший на арбе. Это был военный. Он держал в руках костыли, а единственную ногу свесил. Она болталась, эта уцелевшая его нога.

Кто же это может быть? Если едет сюда — значит, здешний. Забыв о хлебе, люди беспокойно вглядывались в военного.

Когда арба остановилась возле ларька, арбакеш помог инвалиду спуститься на землю. Тот встал, подставил себе под мышку костыли и весело глянул на очередь.

— Здесь ли Ойниса-апа?— спросил вдруг арбакеш.

— Да, я тут,— откликнулась Ойниса и вышла из очереди.

— Ассалям алейкум, мамаша,— сказал инвалид.

— Ваалейкум ассалям. Кто вы?

— Я старшина Холматов.— Военный выпрямился, улыбнулся и гордо сказал:— Я ваших сыновей видел.

— Сыновей? Моих?— голос Ойнисы задрожал и надломился.— Моих сыновей?

— Они здоровы. Не волнуйтесь. И Эргаш. И Юлдаш. Видел обоих.

— Ах, какой вы добрый человек! Как хорошо, что вы пришли сообщить мне об этом!— Ойниса обняла военного, поцеловала его в холодную небритую щеку, заплакала.— Ну, пожалуйста, пойдите в дом!

Люди окружили приезжего, засыпали вопросами:

— Откуда вы?

— Где видели Юлдаша и Эргаша?

— Где вас ранило?

— Когда кончится война?

— Не встречали ли вы человека по имени Мухаммед Карвон?

Старшина не знал, кому отвечать, растерянно смотрел на Ойнису.

— Гость будет у нас в доме,— сказала Ойниса, подавая свои хлебные карточки Кумри.— Приходите к нам, побеседуем.

— Я сейчас принесу ваш хлеб!— сказала Кумри.

Старшина двинулся за Ойнисой.

Один из стариков добро сказал:

— Это бог ей послал радостного вестника. За душу ее широкую, за любовь к людям!

Глава одиннадцатая

СИЛЬНЕЕ СМЕРТИ

В те дни, когда старшина Холматов гостил в доме Ойнисы, а ее родственники и соседи с трепетным вниманием слушали его пространные рассказы, полк, в котором он служил до ранения вместе с Эргашем, закрепился километрах в восьмидесяти от Москвы и готовился к новому рывку на запад.

Сержант Назаров завел свое отделение в только что отбитый у немцев большой блиндаж, разрешил красноармейцам отдыхать, а сам отправился к командиру взвода.

В последнем бою двоих убило, одного тяжело ранило. Теперь вместе с командиром в отделении осталось шесть человек.

Немцы удрали из блиндажа совсем недавно: в печке еще краснели угли. Светя карманным фонариком, который выхватывал из мрака то стены, укрепленные бревнами, то нары, то печку, Усманджан зло сказал:

— Неплохо устроились, сволочи! Деревянные кровати, матрацы, печка.— Свет фонарика остановился на каком-то блестящем предмете, лежавшем на столе.— Во! Даже музыка есть!— воскликнул красноармеец.

Он взял со стола губную гармошку, тщательно вытер ее о рукав шинели. Дунул раз, другой. Приноровился. И тут же подобрал мелодию шуточной песенки: «Вах-вах, миленький мой!»

— Получается,— одобрил Эргаш. Он положил свой

автомат на стол и неторопливо, как делает это усталый человек, наконец дождавшийся отдыха, стал снимать с себя вещевой мешок, противогаз, сумку с запасными дисками. Сняв снаряжение, вздохнул полной грудью и тут же поморщился: бойцы уже задымили самокрутками.

— Ребята, давайте не курить. Здесь спать будем,— сердито сказал Эргаш.

— Тебя надо перевести в отделение для некурящих,— подковырнул Усманджан.

— Сказал тоже!— обиделся Эргаш.— Я вам же добра желаю. Чего хорошего в этой махорке?

— Эргаш свою душу иначе отводит!— весело бросил Федор Соломатин.

— Чем же?

— Неужели втихаря черненький опиум пожевывает?— Насторожился Усманджан.

— Не угадал.— Соломатин многозначительно помолчал.— Эргаш стихи пишет...

— А я-то думал, интересное что-нибудь скажешь...— разочарованно потянул сибиряк Герасимов.— Ерунда это. Разве стихами душу ублажишь? Нет, курево они замечать не могут.

— Еще как ублажишь-то!— поддержал вдруг Соломатина казах из Нижнего Чирчика Абдулла.— Стихи — большое удовольствие.

— Стихи опьяняют, задумчиво сказал Усманджан.— Ни табак, ни вино со стихами не сравнишь. Затоскуешь об отце и матери — пиши стихи, встанут они перед тобой, как живые, рядом. Щемит сердце от любви — пиши газель и тут же почувствуешь: любимая коснется твоих губ своими сладкими устами!

— Ну хватит болтать!— сказал Эргаш.— Есть время — отдыхать надо. А то подсыпят огонька немецкие минометчики, не до поцелуев будет. Ложитесь.

— Повезло нам, братцы, что не Эргаш над нами командир,— продолжал подтрунивать Усманджан,— он бы нас за один день вышколил!— Помолчав недолго, он стянул с себя шинель и добавил:— Вообще-то, Эргаш правильно говорит, отдохнуть надо как следует. Тут вот в бочке вода есть. Мыло немецкое осталось. Может, помоемся? Печку расшуруем, чтоб пожарче было, и баню устроим. Как думаете?

Хотелось спать, усталость валила на нары. Но от одной мысли, что можно помыться, по телу пробежал приятный озноб. Прогнав сонливость, Эргаш потянул с себя гимнастерку.

Раздевшись до пояса, красноармейцы принялись мыться в дальнем углу. Они поливали друг другу из котелков, старательно терли спины, крикали, смачно шлепали по мокрым телам.

Когда сержант Назаров вернулся от командира взвода, бойцы, помывшись, уже сидели за столом, на котором горела «коптилка». Все ели, только Уммат-ака спал, негромко похрапывая.

Сержант сел рядом с Эргашем. Ножом вскрыл банку консервов.

— Может, помоетесь?— предложил Усманджан.— Мы уже,— он кивнул на бочку.

Назаров взглянул на часы:

— Времени мало. Половина двенадцатого. А в четыре подъем. Поспать надо. До рассвета выйдем на исходную для атаки. Передовой батальон соседнего полка немцы отрезали. Выручать будем.

Красноармейцы молча ели и слушали командира.

Сержант рассказал, что по эту сторону шоссе всюду наши войска. На той стороне гитлеровцы. Там же, примерно в двух километрах от дороги, отрезанный батальон. Он наступал впереди всех. Оторвался от других. Вот его-то немцы и окружили.

— Так надо быстрее помочь им,— загорячился Усманджан.

— Думали об этом. Но артиллерия отстала. А без артиллерии нельзя. Она через несколько часов подойдет.

— А связь есть с этим батальоном?— спросил Эргаш.

— Есть.

— Надо их подбодрить, чтоб не теряли надежды. Объяснить, почему сразу же не помогаем,— торопливо вставил Усманджан.

— Командование это уже сделало, не дождавшись твоего совета, Усманджан.

Боец не обиделся, с напускной серьезностью ответил:

— Ну и правильно сделали, я занят был, мог бы и опоздать с советом.

— А боеприпасы у них есть?— спросил Герасимов.

— Пока есть. Да с убитых немцев собирают...

— Туго, значит, приходится,— заключил Эргаш.

— Да, нелегко,— сказал сержант и тут же вскинул голову:— Вот и ложитесь быстрее. Времени у нас немного.

Эргаш лег на нары, укрылся шинелью и мгновенно заснул.

Проснулся он вдруг, как от толчка. Открыл глаза. В блиндаже темно и тихо. Все спали. Только Уммат-ака сидел на корточках около печки. Слабые блики огня освещали небритое лицо снайпера. Эргаш сполз с нар, подошел к нему, тихо, чтоб не разбудить товарищей, сказал:

— Когда вы спали, мы тут мылись. Вода осталась, мыло есть. Я полью. Будете купаться?

— Да, я сразу заснул. Притомился. Хорошо поспал.

— Скоро опять в наступление. Приказ уже получили.

Уммат-ака, ничего не ответив, принялся тянуть через голову гимнастерку.

Поливая из котелка, Эргаш с грустью думал: «Не молодой, ему тяжелее, чем нам».

Пока снайпер вытирался и натягивал на себя одежду, Эргаш рассказал ему все, что узнал от сержанта Назарова.

— Сон мне интересный привиделся,— задумчиво сказал Уммат-ака.— Будто мой старший сын Сунатулла летает в поднебесье на шелковом сюзане. Я ему кричу: «Спускайся!» А он все выше, прямо к луне летит. Смотрит на меня с высоты, машет, зовет: «Давай сюда, отец!» К чему бы это?

— Сон ваш к хорошему, Уммат-ака! Сын зовет — это значит скучает о вас. Наверное, увидите скоро.

— Дай бог, чтоб сбылись ваши слова, Эргашбай.

— Может быть, покушаете? Скоро подъем.

Эргаш сказал об этом, чтобы переменить разговор.

Хоть и был он человек не суеверный, сон Уммата-ака не понравился ему.

Снайпер захрустел сухарем и снова опустился на корточки возле печки.

В половине четвертого проснулся сержант. Свесив босые ноги с нар, чиркнул спичкой, посмотрел на часы, зевнул, потер глаза, упруго потянулся и тут же коротко крикнул:

— Подъем!

Было темно: ни звезд, ни луны. Сержант Назаров вел своих бойцов к шоссе. Вдруг гулко ударила артиллерия. Снаряды полетели в сторону врага. Словно эхо откликнулись взрывы на выстрелы орудий. Сухо и коротко зачавкали минометы. Хлесткие взрывы один за другим затарабанили по мерзлой земле.

— Артподготовка началась,— сказал сержант и, ускорив шаг, скомандовал:— Быстрой, быстрой!

Будто проснувшись от артиллерийской стрельбы, तोплоиво застрочили немецкие пулеметы. Трассирующие пули огненными нитями засверкали над землей. Один из пулеметов, надрываясь от усердия, трещал где-то совсем рядом.

— Ложись!— крикнул сержант.— Ползком вперед!

Едва успели выползти к дороге, как в небо взметнулась красная ракета — сигнал атаки.

— За мной!— вскочив, закричал сержант.

Эргаш, пока горела ракета, видел, как справа и слева поднимались другие подразделения.

Красноармейцы выбежали на дорогу, и тут же на них посыпались немецкие пули. Осколки со свистом брызнули в стороны. Эргаш увидел, как опередивший его на два шага Уммат-ака ткнулся в снег лицом. Эргаш думал, что он залег, подбежал, похлопал по плечу:

— Идемте, Уммат-ака, не отставайте!

Однако снайпер не встал. Эргаш осторожно повернул его на спину. Из-под шапки на лицо текли черные струйки.

Эргаш схватил руку товарища. Пульса не было. Он быстро расстегнул шинель Уммата-ака, вынул из кармана гимнастерки документы и письма и побежал за отделением.

Снова ударил ближний пулемет. Ударил точно. Бойцы залегли. Эргаш тоже прыгнул в яму. Его тут же засыпало снегом и землей, взметнувшимися от близко грохнувшей мины. Отряхнувшись, Эргаш осторожно выглянул из убежища — вокруг никого. «Неужели всех побил?» Эргаш вдруг вспомнил остекленевшие глаза Уммата-ака, и горькая досада пронзила его: веки-то забыл ему опустить...

Сзади все была наша артиллерия. «Верно ли они ведут огонь?» — думал Эргаш. — Не бьют ли по окружен-

ному батальону? Ночь, темень, не разберешь, где свои, где чужие».

— Таштемиров, жив?— послышался голос сержанта. Он, оказывается, был неподалеку.

— Жив, товарищ командир. Уммата-ака убило. В голову осколок попал. Документы у меня.

— Все этот пулемет проклятый. Не дает подняться.

Будто подтверждая слова сержанта, новые очереди пролетели над самой головой. Эргаш опять услышал голос Назарова:

— Таштемиров! Эй, Таштемиров!

— Я!

— Из-за этого пулемета мы отстанем от всех. Не хорошо! Надо его, собаку, гранатой шаракнуть. Сможешь?

— Попробую, товарищ сержант.

— Только осторожно.

— Не беспокойтесь.

Эргаш выполз из ямы. Пулемет все строчил длинными злыми очередями. «Что у них целый вагон патронов?»— подумал Эргаш. Он быстро полз, касаясь щекой снега. Ракеты вспыхивали одна за другой. Немецкий пулемет, не видя никого перед своим окопом, перенес огонь правее, на атакующих. Воспользовавшись этим, Эргаш пополз еще быстрее. Но пули снова стали ложиться рядом — то впереди, то сзади. При вспышке очередной ракеты Эргаш увидел воронку недалеко от немецкого пулеметчика. «Вот бы до нее добраться, тогда он меня не достанет, а уж я-то его наверняка!» Но до воронки оставалось еще несколько метров, и на каждом поджидала смерть...

В небо метнулось сразу несколько ракет. Они осветили окружающее бледно-зеленым светом. «Как погаснут, сразу вперед»,— принял решение Эргаш и, как только ракеты погасли, рванулся к воронке. С разбегу упал в нее. «Жив!» А пулемет опять бился, как бешеный. «Не достанешь,— злорадно думал Эргаш, готовя гранату.— Сейчас я тебе дам прикурить!» Он ждал, когда пулеметчик сделает паузу. А тот, словно чувствуя опасность, садил и садил очередь за очередью. Он был так близко, что Эргаш отчетливо ощущал запах гари, идущей от пулемета. Но вот пауза! Эргаш хотел вскочить. Он даже приподнялся и, уже вставая, поду-

мал: «А вдруг ловит?» В эту секунду пули брызнули, как ему показалось, прямо в лицо. Как Эргаш сумел остановить свое тело на лету,— он и сам не мог объяснить. Какая-то сила дернула его назад в воронку. Пули пронеслись над головой. Одна из них ужалила в руку выше локтя. Пулеметчик, наверное, был уверен в том, что покончил со своей жертвой. Затих. А может быть, опять ждал?..

После того как залегло отделение Назарова, прошла, наверное, минута— не больше. Но Эргашу казалось, что его поединок с фашистским пулеметчиком длится очень долго. Он вспомнил, как сержант нервничал, что они отстают от других атакующих... Быстрым рывком Эргаш вскинулся над землей и бросил гранату. Пулемет, успев издать лишь короткое «тра!», захлебнулся.

Эргаш еще не опомнился, а сержант уже был рядом.
— Молодец, Таштемиров!

Вскинув автомат, Эргаш побежал туда, где стоял пулемет. Пулеметчики лежали на дне окопа, искареженный взрывом пулемет отбросило в сторону.

При свете ракеты Эргаш увидел: справа и слева шли в атаку подразделения роты. «Оказывается, мы даже не отстали, удивился Эргаш.— Как быстро все произошло! А меня могло уже не быть после этих секунд. Вот Умма-та нету».

Эргаш бежал за сержантом, стараясь не потерять его из вида. Ныла рука. Эргаш пощупал раненое место. Шинель намочла от крови. «Кость, наверное, не задело... Ничего, терпеть можно».

Уже светало, когда немцев выбили из леса и вышли к деревне. Отделение Назарова вырвалось вперед. Меж домов бегали гитлеровцы. Их было много.

— Ложись, — скомандовал сержант. — Подождем, пока другие подтянутся.

— Так и лезут гады на мушку, — сказал Герасимов.

— Не стрелять! — одернул его Назаров.

Эргаш смотрел на фашистов, бегавших по деревне. «Где же батальон, который мы выручаем». Хотелось поскорее увидеть окруженных. Им, беднягам, тяжело!

Минут через десять подоспели другие взводы. Запыхавшиеся командиры приводили в порядок свои подразделения.

«Уж скорее бы подали команду,— злился Эргаш,— убегут немцы, бить некого будет. А этих доколотить нужно обязательно... за Уммата».

Немцы не подозревали, что русские так близко и видят их с опушки леса, они продолжали суетиться, что-то выносили из домов.

— Приготовиться к атаке!— покатилося по залегшей цепи. Это красноармейцы передавали друг другу команду, поданную где-то в стороне командиром роты. «Наконец-то»,— Эргаш вздохнул с облегчением, как будто после этой команды предстояло не продолжение тяжелого боя, а отдых. Эргаш понимал: окруженные ребята бьются из последних сил. Дорога каждая минута. Хотелось поскорее прийти им на помощь. Он поймал на прицел двух ближайших немцев и, как только прозвучала команда «вперед!»— пустил длинную очередь. Оба фашиста упали. Затрещали «максимы», ударили минометы. Красноармейцы ринулись в атаку. Эргаш задышался от тяжелого бега, ноги вязли в снегу. Но он, напрягая все силы, бежал и бежал вперед, строча из автомата.

В крайней хате немцев не было. Они мелькали в середине деревни. Из-за каждого угла, с крыш и чердаков били пулеметы и автоматы. Грохали взрывы гранат. Несколькo изб горело. Едкий дым кружил между домов.

Перепрыгнув через убитого фашиста, Эргаш догнал сержанта, крикнул:

— Где же батальон?

— Близко... Близко уже...

Кто-то, охнув, упал. Другие неслись неудержимой лавиной.

Выбежав из деревни, все кинулись к высоте, на которой держались отрезанные. Отделение Назарова и тут было первым.

— Живы, ребята?!— радостно орал Эргаш, не то спрашивая, не то радуясь, что успели выручить.

Эргаш первым спрыгнул в окопы окруженных, но в лицо его брызнуло землей и огнем. Сначала он даже не почувствовал боли. Только потрогав лицо руками, ощутил что-то липкое и теплое.

— Таштемиров, что с тобой?— спросил сержант.

— Вроде ранен,— ответил Эргаш, чувствуя, что рот его заполняется кровью.

— Дай посмотрю.— Сержант приподнял его лицо.

— Ну, что там у меня?— спросил Эргаш.

— Ты свет видишь?— спросил Назаров.

— Свет?— Эргаш только сейчас понял, что ничего не видит. Он пытался открыть глаза, но резкая боль пронзила его, словно два пылающих угля впились в глазницы.

— Да, плохо дело,— сказал сержант.— Ты посиди здесь, я санитаря поищу.

Эргаш опустился на корточки. В голове шумело. Тошнота подкатывалась к горлу. Чтобы не упасть, он прислонился к стенке окопа, за воротник посыпались холодная земля и снег. «Что же произошло? Неужели повредило глаза?» Эргаш осторожно ощупал свое лицо, всюду пальцы встречали кровь и причиняли боль...

Вернулся Назаров с санитаркой. В шинели и шапке, как у всех солдат, она похожа на молодого солдата. Только жалостливые глаза и брови, надломившиеся при виде раненого Эргаша, выдавали в ней женщину. Привычным жестом она обхватила Эргаша, положила его руку себе на плечи и заворковала:

— Ничего, миленький, ничего. Сейчас мы тебе поможем. Пойдем, дорогой, пойдем.

Эргаш все еще сжимал в левой руке автомат.

— Дай мне оружие. Оно тебе пока не понадобится. Я его сержанту твоему отдам. Не бойся. Не пропадет.— Она повела его осторожно, продолжая приговаривать:— Ничего, миленький, ничего. Сейчас мы тебе поможем.

В санчасти Эргашу оказали первую помощь. Лежа на носилках, он ждал, когда повезут дальше. Он думал о том, что для него померк не только свет — померкла жизнь. Кому теперь он, калека, нужен?

Эргаш не знал, что в эти минуты бойцы вызволенного из беды батальона, счастливые, курили махру из кисетов своих освободителей. Не знал Эргаш и того, что со своими товарищами по оружию он выручил родного дядю Алиджана-ака, который был командиром окруженного батальона.

Глава двенадцатая

СМЕРТЬ ДОБРОЙ БАБУШКИ

Состояние бабушки Рисолат ухудшалось. Наступившее улучшение оказалось временным. Она опять потеряла сознание.

Дед Кулдаш чахнул, худел на глазах. Он не отходил от старухи.

Однажды за ним приехал на «газике» Дадавай.

— Никуда я не поеду, — сразу же заявил дед.

— Там вас Ахунбабаев ждет.

— Ну ладно, но только ненадолго.

Дед Кулдаш не узнал места, куда привез его Дадавай. Раньше здесь были кривые, узкие переулки, дувалы, размытые дождями, овраги. Теперь здесь пролегли прямые асфальтированные дороги, высились заводские корпуса. Повсюду колыхались красные полотнища с лозунгами, знамена.

Через огромные железные ворота «газик» въехал на просторный двор. Здесь былолюдно.

Дадавай помог старику выйти из машины и по коридору повел в кабинет директора. Когда распахнулась дверь, дед немного оробел: в кабинете сидели, о чем-то разговаривая, Усман Юсупов, Ахунбабаев и еще несколько человек, видно, не малых начальников.

— А вот и уважаемый Кулдаш-бобо пожаловал, — приветливо поднялся навстречу Ахунбабаев. — Проходите, знакомьтесь.

Дед Кулдаш поздоровался сначала с Усманом Юсуповым, отметил про себя: «Все такой же крепкий и смотрит, будто насквозь видит, пошли ему аллах доброе здоровье».

Высокий статный человек оказался директором завода Якушиным.

— Заказ ваш выполнили, — сказал он.

Ахунбабаев пояснил:

— Завод сделал самолет на ваши деньги.

«Ах, вот в чем дело!» — понял наконец старик.

— Вы начали, а народ подхватил, — сказал Юсупов. — По всему Узбекистану идет сбор средств на самолеты.

Якушин поднял трубку звонившего телефона и, обращаясь к Юсупову, сказал:

— Все в сборе, можно начинать.

— Пойдемте, — Ахунбабаев взял деда Кулдаша под руку, — мы решили провести здесь небольшой митинг.

Когда шли по коридорам, Ахунбабаев настороженно поглядывал на осунувшееся лицо стрика. Негромко, чтоб не слышали другие, спросил:

— У вас что-то случилось?

— Старуха больна.
— Прислать хорошего врача?
— Были. Сам профессор Слоним и Умидова. Да и в доме свой у нас доктор постоянно — внучка Гульназ. Только старушка моя не поправляется.

— Жаль. Очень вам сочувствую. Тяжело, когда близкий человек болеет...

Во время митинга дед Кулдаш был на трибуне. Он старался держаться прямо. Смотрел на выступавшего Первого секретаря ЦК Юсупова, аплодировал ему вместе со всеми. Но смысл речи не доходил до сознания деда. В мыслях он был дома, со своей старухой. «Может, очнулась и зовет меня? А может, кончается в эту минуту и некому ее поддержать за руку!»

Дед едва дождался, пока кончится митинг. Он хотел попросить Дадавая, чтоб тот без промедления отвез его назад. Но, оказывается, надо было идти еще на летное поле, где стояли самолеты.

Несколько новеньких самолетов пепельного цвета поблескивали на солнце, стояли в ряд. Перед ними выстроились летчики.

Юсупов и Ахунбабаев подвели деда к первому самолету. Секретарь сказал:

— Вот этот красавец ваш. Его доставят на фронт и передадут вашему внуку Юлдашу. Вы довольны, отец?

— Очень!..— искренне сказал дед. «Если бы не болела Рисолат, сколько бы принес радости этот день и ей и мне».

Дед обошел истребитель со всех сторон, полюбовался, погладил крыло. Его глаза радостно заблестели.

«Да пошлет аллах счастье и удачу Юлдашу, когда он полетит на этой птице биться с врагами»,— мысленно благословлял старик внука и самолет, а сам посматривал на Юсупова: не догадается ли секретарь, что дед в эту минуту обратился к богу?

Летчики по команде сели в кабины и, вырубив на взлетную полосу, один за другим поднялись в воздух.

«Покупатели» остались очень довольны.

...Выйдя из машины Дадавая, дед Кулдаш подошел к калитке, прислушался. «Слава аллаху, кажется, тихо!» Во двор вошел на цыпочках, осторожно прикрыл за собой калитку. Даже с Дадаваем не попрощался.

Тихонько подошел к веранде. Что это? Нет его стару-

хи? Когда он уезжал, она лежала здесь. Ужас охватил деда...

Он метнулся в комнату. На высокой постели лежала Рисолат. У кровати — Гульназ и Ойниса.

Дед Кулдаш опустился у изголовья. Вопросительно взглянул на Ойнису. Она покачала головой и прикусила губу. Дед склонился к жене, погладил ее руки, сложенные на груди. Веки больной не дрогнули. Лицо было бледное. Дед напрягал свой тугой слух, силился определить: дышит ли?

— Сирожиддин побежал за лекарством,— шепнула Ойниса.

«О господи, неужели ты отнимешь ее? Аллах милостивый, пощади! Она единственное, что осталось у меня на этом свете»,— молился дед.

Гульназ, чтоб не разрыдаться, вышла из комнаты.

Ойниса поднесла к губам больной чайную ложку с зеленым чаем. Губы не шевельнулись; раскрыв их, Ойниса влила чай. Бабушка слабо глотнула и открыла глаза. Они смотрели невидяще, безразлично.

— Дорогая моя...—дрожащим голосом промолвил дед.—Я был на заводе. Наше желание исполнилось — аэроплан Юлдашбаю сделали.

Старушка не понимала его.

— Бог даст, вернутся твои внуки с фронта, принесут в наш дом много радости,— продолжал говорить старик, будто уговаривал жену, ступившую одной ногой в небытие, остаться на этом свете.— Аксакал Ахунбабаев спрашивал о твоём здоровье, обещал прислать самых лучших докторов. Ты поправишься. Скоро пройдет зима. Расцветет наш садик, ты посадишь цветы. Будешь варить шинни из нашего тутовника.

Поняла его старушка или нет, но взгляд ее остановился на портретах Юлдаша и Эргаша. Ойниса поднялась, сняла фотографии со стены и поднесла их поближе к глазам старухи. Бабушка некоторое время пристально смотрела на внуков, потом сомкнула веки.

Сердце деда Кулдаша сжалось: «Неужели все?» Не хотелось верить в это, но он чувствовал — пришел миг прощания. Полвека вместе, такой длинный и не легкий путь прошли. Почему же надо разлучаться в конце него? С той поры, когда молодая красавица очаровала силача Кулдаша, он ни на одну женщину не по-

смотрел. Рисолат была единственная, она заслонила всех. Сколько радости принесла она ему! Дед смотрел на морщинистое восковое лицо жены, но видел румяную, улыбающуюся шутницу Рисолат. Она всегда была для него такой, он не замечал ее старости, потому что любовь его не старела.

Как много пережили они вместе! Первая большая война, еще при царе, нужда, потом революция, и снова война — гражданская, голодали, хоронили детей, потом опять война. Почему же должно остановиться сердце, сумевшее все это перенести?

Вошла Гульназ, в руке ее был шприц. Дед поднял руку, остановил внучку:

— Не надо... Не мучь свою бабушку... она угасает.

Он набрал в ложечку кокчая и капнул на губы жены.

— Пей, дорогая...

Старушка открыла глаза.

— Ты меня видишь? Это я, твой несчастный Кулдаш. Если когда-то обидел тебя, прости, жена. Бог даст, скоро встретимся.

Рисолат долгим взглядом глядела на мужа, губы ее зашевелились. Она силилась что-то сказать. Дед склонился к ней подставил ухо.

— И ты прости... — выдохнула она.

Он понял.

Глаза ее тихо закрылись.

Все...

Дед положил голову на грудь жене, обнял ее, плечи его задрожали в беззвучном рыдании. Гульназ и Ойниса сначала тихо, потом все громче и громче запричитали:

— Бабуля моя!

— Дорогая бабушка, милая!

— Не дождалась внуков своих бабушка...

Старушка лежала, как живая, мягкая складка около губ придавала ее лицу доброе улыбочивое выражение.

Глава тринадцатая

ЗОВ СЕРДЦА

Старшина Холматов, гостя в Ташкенте, наслаждался всеобщим вниманием. Устремленные на него немигающие глаза, напряженная тишина, короткие приглушен-

ные вскрики и вздохи женщин все больше и больше распяляли красноречие и фантазию старшины.

Будучи по натуре человеком добрым и общительным, он не жалел красок, чтоб сыновья Ойнисы предстали перед слушателями бесстрашными героями. Холматов расписывал подвиги Таштемировых, превращая братьев в сказочных богатырей, а чтоб это не вызвало сомнений, приводил множество подробностей и деталей. Эргаш, например, косил врагов своим прикладом как косой, прокалывал штыком по нескольку фашистов одним ударом. Несведущие в военных делах женщины не могли поначалу знать, что на автомате нет штыка.

Ойнисе было приятно, что ее сын такой бесстрашный, но она больше думала не о геройстве Эргаша, а о том, что каждый из поверженных им врагов мог тоже выстрелить и убить сына.

О Юлдаше старшина говорил в особенно возвышенном тоне. Забыв о том, что летчик так и не рассказал ему о воздушном бое, в котором был ранен, Холматов расписывал его так, словно видел собственными глазами. Ему особенно нравилось, как, охваченный огнем, Юлдаш продолжал разить фашистские «мессеры».

— Горела не только одежда, но и тело, а Юлдаш все бросался на врагов. Он сбил два «мессера» и, обливаясь кровью, пошел на посадку.

Ойниса страдала: Юлдаш в огне, горит его тело, он весь в крови.

А старшина все распялялся. При пересказе Юлдаш сбил уже трех «мессеров». Тогда мать, думая о своем, тихо спросила:

— А кожа на нем горела?

— Не только горела, а прямо шкворчала, как баранье сало в казане!

Гульназ первой заметила, что старшина приукрашивает. Поэтому стала задавать конкретные вопросы, чтобы выведать истину. Больше всего ее интересовали сейчас не подвиги Юлдаша, а состояние его здоровья. Но и тут Холматов, желая подчеркнуть, в каком тяжелом положении летчик вел бой, много преувеличил:

— Весь израненный, обгорел, обе ноги перебиты, в гипсе. В госпитале ему продолжают делать операции, осколки вырезают.

Как врач Гульназ поняла, жизнь Юлдаша в опасности.

На следующий день, никому не сказав ни слова, Гульназ с утра пришла в военкомат.

Здесь все было знакомо. В этом просторном дворе она провожала Юлдаша. Вон в той чайхане они брали чай. Под тем деревом обменялись подарками. Гульназ посмотрела на часы, подаренные Юлдашем. Было это недавно, а кажется, что прошла целая вечность.

Во дворе непривычная тишина. Только на высокой орешине каркают вороны.

Гульназ вошла в большой гулкий коридор. В приемной военкомата выбивала на машинке частую дробь женщина в форме сержанта.

— Вы к комиссару?

— Да,— ответила Гульназ.

— Он на вокзале. Отправляет эшелон. Будет через час.

— Я подожду.

— Садитесь.

— Лучше на воздухе.

Она вышла сначала во двор, потом на улицу.

«Как отнесутся к моему отъезду родные? Ойниса-опа заплачет, но в глубине души ей будет приятно, что я еду помочь Юлдашу. Дедушка благословит. А Зулунбек обрадуется, скотина...» Об отце Гульназ старалась не думать. Но мысль о нем ни на секунду не угасала. «Бедный папа! Как он будет страдать. Ему так тяжело... Но я не могу поступить иначе. Он меня поймет».

Пока приехал военком, Гульназ передумала о многом. Беспокоило то, что ей могут отказать. И как попасть именно в тот госпиталь, где лежит Юлдаш? Ведь ее могут послать и в другое место. Кто станет вдаваться в такие детали, как любовь? Скажут так: хотите служить Родине, езжайте на фронт, какая разница, где лечить раненых?

Военком, видимо, был очень занят, поэтому, не сядя за стол и давая тем самым показать, что рассиживаться некогда, сразу сказал:

— Слушаю вас.

— Товарищ военком, пошлите меня, пожалуйста, на фронт. Я врач, лейтенант медицинской службы. Вот мой диплом.— Гульназ выложила все сразу.

Комиссар мельком взглянул на бумаги и посмотрел очень внимательно на Гульназ.

— Кто-то вас обидел?— участливо спросил он.

— Почему вы так подумали?

— У вас взволнованный вид. Решение поехать на фронт, мне кажется, возникло у вас вдруг.

«Какой пронизательный, много видит людей, умеет быстро их распознавать».

— Вы не ошиблись, решение возникло недавно. Но не подумайте, пожалуйста, что это легкомыслие. У меня на фронте... муж,— Гульназ запнулась при слове «муж»,— он летчик, тяжело ранен, обгорел. Находится в госпитале в Орехово-Зуево.

Девушке показалось: пронизательный майор гонял, что Юлдаш ей не муж, потому что он быстро взглянул на нее, когда дрогнул ее голос. Сейчас он проверит паспорт и, обнаружив обман, прогонит ее, как девчонку.

Майор действительно взял паспорт, посмотрел те страницы, где ставят штамп регистрации брака, и сказал все так же спокойно:

— Понятно. А как отнесутся к этому там, где вы сейчас работаете?

— Там будут только рады,— искренне воскликнула Гульназ.

— Следовательно, вас все же и обидели?

— То, что я вам сказала,— главная причина моей просьбы.

Майор подумал. Почесал затылок.

— Конечно, вам хочется попасть в Орехово-Зуево.

— Да.

— Понятно... а как это осуществить? Я могу послать вас в распоряжение военкома Московской области, а там уж вы все объясните, и, я думаю, вам пойдут навстречу.

— Спасибо, товарищ майор.

— На этом, значит, и остановимся.

— Спасибо, товарищ майор.

Майор лукаво взглянул на нее и тихо сказал:

— Надеюсь, после возвращения с фронта пригласите на свадьбу... с мужем?

— Обязательно.

В военкомате Гульназ выписали повестку, и она поспешила в поликлинику. На часах — одиннадцать! Это было ее первое опоздание на работу.

— У вас что-нибудь случилось?— встретила ее вопросом медсестра Нина.

Но, увидев радостное лицо Гульназ, тут же затараторила:

— Что было! Главврач расшумелся. Велел ваших больных распределить между другими врачами. Гром и молнии мечет! Будьте осторожны...

— Где он?

— У себя.

Увидев как Гульназ бесстрашно вошла в кабинет главного, Нина замерла — ну, сейчас будет баталия!

Как только Гульназ переступила порог, у Зулунбека заиграли желваки на скулах. Полагая, что у него достаточно оснований для того, чтобы накричать на эту ненавистную ему женщину, он все же сдерживал себя, растягивая удовольствие.

— Значит, вы здоровехоньки? А я думал — заболели. Больные ждут, а врач своими делами занят. Может быть, вы забыли, что идет война? Что дисциплина в военных условиях особая!

Гульназ без приглашения села. Зулунбека так и передернуло от этой вольности.

— Может быть, забыли, что по законам военного времени я могу отдать вас под суд за нарушение трудовой дисциплины?

Гульназ положила перед ним на стол заявление.

— Ага, хотите тихо-мирно уйти!— торжествовал главврач.— А если я не соглашусь? У меня есть основания не увольнять вас, а привлечь к ответственности... Помните, я предлагал вам жить и работать дружно? Вы не захотели. А почему я теперь должен вас вырывать?

Гульназ умышленно не говорила ему о главном — пусть разглагольствует. Все, что он плетет, через несколько минут обернется против него же.

— Ну, что же вы молчите? Как мне поступать?

— Очень просто,— спокойно сказала Гульназ.— Напишите резолюцию: в приказ, уволить по собственному желанию.

— Э, нет, уважаемая, так просто не выйдет, сначала я вам в том же приказе объявлю строгий выговор, а потом попробуйте куда-нибудь устроиться с таким «укра-

шением». И характеристику соответствующую я вам напишу.

Гульназ, ничего не говоря, достала из сумочки повестку и положила поверх заявления.

Зулунбек будто проглотил крупную персиковую косточку. Он очень боялся этой бумажечки. Однажды он видел такую со своей фамилией, но Лобар как-то все уладила...

— Где я должен расписаться?

— На заявлении наложите резолюцию: уволить в связи с призывом в Красную Армию.— И хоть знала Гульназ, что поедет в Орехово-Зуево, все же не упустила возможности подковырнуть ненавистного Зулунбека, добавила:— И в связи с отъездом на фронт!

Зулунбек послушно написал резолюцию, подпись его сегодня не была, как обычно, размашистой. Гульназ заметила: его рука дрожит. Теперь девушка торжествовала, тем же ироническим тоном, которым недавно говорил с ней Зулунбек, сказала:

— Что это вы волнуетесь, товарищ главврач? Ведь меня, а не вас призывают. Поберегите нервы, они вам еще очень понадобятся, чтобы поддерживать военную дисциплину в условиях военного времени в тылу!.. До свидания, товарищ главный врач.

Она взяла бумаги. И вышла. Оторопевший Зулунбек так ничего и не ответил.

Гульназ обошла всех родственников, попрощалась. Навестила и могилку бабушки Рисолат. Посидела с дедом Кулдашем и Сережей. И только потом пошла к отцу. Но не одна, а вместе с Ойнисой.

Отец старался выглядеть спокойным. Но Гульназ знала, чего это ему стоит. Сердце дочери разрывалось от жалости.

Чтоб не растягивать мучений, она достала билет на ближайший поезд. Поздним вечером все родственники провожали Гульназ.

«Вот уж и девушки потянулись на фронт»,— печально думала Ойниса. Ей и жаль было отпускать Гульназ и радостно, что она скоро увидит Юлдаша, поможет ему.

Дадавай-ака был молчалив, все время смотрел на дочь. Стараясь скрыть это, он отводил глаза куда-то в сторону, но они тут же возвращались к ней, единственному утешению его на свете.

После третьего звонка Гульназ всех расцеловала.
— Не плачьте. Я же еду к Юлдашу. Встречайте нас в день победы, мы приедем вместе. До свидания...

Глава четырнадцатая

БЕГЛЕЦ

Однажды ночью Назик проснулась от стука в калитку. «Кто это в такой поздний час?» Первая мысль: «Мухаммед!» Но муж на фронте, вчера только получила от него письмо. Он радовался, что она работает на «Красной Заре». Похвалил за оказанное гостеприимство русской женщине с пятью детьми: «Молодец, совсем серьезная ты у меня стала». Спрашивал шутливо: «Как мой трехмесячный наследник?»

«Нет, конечно, это не Мухаммед».

Проснулась и Нина Васильевна. Услышав, что Назик одевается, она шепнула:

— Я пойду с вами.

— Лежите, Нинахон, не беспокойтесь. Это, наверное, мой непутевый братец.

Назик вышла из комнаты. Ночь была морозная и ясная. На небе, словно льдинки, поблескивали звезды. Кутаясь в платок, Назик побежала к калитке.

В дверь опять постучали. Какой-то необычный был этот стук: и торопливый, и в то же время осторожный. Зулунбек стучал не так. Когда он являлся «под газом», то громко колотил в дверь и, если сразу не открывали, принимался опять тарыхтеть да еще кричал: «Эй проснитесь!» Но это было давно, еще когда он приходил вместе с Лобар. После того как Мухаммед уехал на фронт, Зулунбек явился однажды со своей подружкой. Назик, помня наказ мужа, не пустила их. С той поры Зулунбек не появлялся.

Подойдя к калитке, Назик спросила:

— Кто?

— Это я, сестра. Открой.

Назик помолчала.

— Я один. Лобар нет. Открывай скорее, промерз насквозь.

Голос его дрожал. Назик показалось, что сегодня у брата какой-то виноватый, заискивающий тон.

Она приоткрыла дверь, Зулунбек мигом проскользнул во двор, тут же захлопнул калитку, будто за ним гнались.

— Уф!— с облегченным вздохнул он, прислонясь спиной к двери.

Назик с изумлением смотрела на него.

— Кто у тебя дома?

— Гостья и пять ее детей.

— А черт,— выругался Зулунбек и умолк, о чем-то напряженно думая.

— Что у тебя случилось?

— Дело серьезное,— прошептал Зулунбек.— Ты должна меня спрятать.

— От кого? Зачем?

— Сейчас говорить некогда. Расскажу потом. Сначала спрячь. Только в доме нельзя, там чужие. Они не должны знать. Смотри, и соседям не проговоришь.

— От кого ты скрываешься, что-то я не пойму?..

— Потом узнаешь. Главное, чтоб никто не знал...

Назик стала догадываться, что произошло.

— Может быть, повестка пришла, и ты не хочешь ехать на фронт?

Зулунбек вдруг вспыхнул, зашипел, как раскаленное масло, на которое плеснули водой:

— Да, не хочу! Бежал! Мне жить хочется!

— А другим не хочется?— вдруг почувствовав в себе необычайную уверенность, спросила Назик.

Зулунбек не ожидал такого вопроса от своей веселой легкомысленной сестры, глаза его блеснули недобрым огнем:

— Вот как? Первый раз в жизни брат просит у тебя помощи, а ты мне такие слова...— Он шагнул к двери.— Ну ладно, я пошел... Запомни эту ночь!..— Он шагнул и тут же замер, ожидая, что она его остановит. Но сестра молчала, а за воротами на первом же углу может остановить патруль. Пробраться в хижину Лобар, что на окраине города? Но именно там его будут искать в первую очередь. Теперь уже вся махалля знает, что он скрывается. Надо остаться здесь, только здесь, переждать хотя бы первые дни.

— Вот до чего дожил!— сказал трагически Зулунбек.— Родная сестра выгоняет.

— Я тебя не гоню, пойдем в дом, как все порядочные люди, даже чаем напою.

— Да нельзя же, неужели ты не понимаешь!

— Я все понимаю...

— Сестренка, я же не прошу надолго. Оставь переочевать, а утром я уйду. Хорошо?

— Живи хоть десять дней, но не тайно, а в доме, открыто, как полагается брату. Идем, накормлю тебя и уложу спать.

— Нет!.. Нет!— Зулунбек замахал руками, словно на него надвигалось что-то страшное.— Ни в коем случае! Ты же знаешь, меня тогда поймают. Пошлют в штрафной батальон, и все — конец!

— Трус!— презрительно сказала Назик.— Ты же сам себя губишь! Одумайся! Брось эту глупую затею,— иди в дом, отдохни, а завтра отправляйся в военкомат.

— Нет, туда я не пойду.

— Ну, как хочешь. Я уйду. Замерзла...

Брат загородил ей дорогу.

— Если кому-нибудь скажешь...— грозно прошептал он.

Назик саркастически улыбнулась:

— Что ты мне сделаешь? Убьешь? Да ты же трус! Иди вон в хлев и дрыхни.

Зулунбек подумал, обидеться или нет, решил, что пожалуй, не стоит.

— Ну и за это спасибо, сестра.

Он побежал к сараю...

Нина Васильевна ждала.

— Кто там?— спросила она Назик.

— Да он,— Назик махнула рукой, стала раздеваться.— Спите.

— Случилось что-нибудь?

Назик села на постель, задумалась. Муж по первому зову отправился на фронт, все мужчины уходят и даже девушки. И Нина Васильевна говорила: «Если бы не эти пять ртов, ушла бы воевать». А Зулунбек, подлец, прячется! Конечно, его поймают. Не сегодня — так завтра, через неделю, месяц, но все равно попадетя. «Какой позор всей нашей семье! И я как сестра не должна скрывать его! Я обязана спасти его честь».

Не ответив Нине Васильевне, Назик спросила:

— Какое наказание полагается человеку, если он скрывается от армии?

— В военное время, наверное расстрел... Тот, кто пришел, прячется от службы?

— Да.

— Ваш брат?

— Да.

Женщины помолчали.

— Сам себя губит,— тихо сказала Назик.— Ну ладно, потревожила я вас, ложитесь, завтра на работу.

— До сна ли теперь? Надо как-то помочь вашему брату, растолковать ему, объяснить, что это наверняка — позорная смерть.

— Пробовала. Не смогла.

— Упрямый?

— Ужасно.

Так они и не легли спать, до рассвета проговорили, что им, слабым женщинам, сделать с этим обезумевшим от страха мужиком.

— Он врач,— говорила Инна Васильевна,— Значит, командный состав. Не рядовой боец. Человек с высшим образованием. Следовательно, и наказание будет самое суровое.

— Твердости мужской в нем нет, пропил он ее,— отвечала Назик.

— Не хватает твердости, надо поддержать.

— Не слушает. Дрожит с перепугу.

— А может быть, припугнуть его? Скажите, что пойдете в милицию и выдадите его.

— Как-то неудобно,— брат родной.

— Вы только попугайте...

— Попробую.

Назик оделась и опять вышла во двор. Светало. В хлеву, разглядев кучу соломы и не обнаружив на ней брата, Назик подумала: «Ушел уже». Но тут увидела ботинок, торчащий из сена... «Зарылся, как крыса!» Назик пнула в подошву.

— Эй, вояка, поднимайся!

Зулунбек выбрался из вороха, отряхнулся.

— Что скажешь, сестра? Рассвет прояснил твой рас-судок!

— Ты угадал. Иди в дом.

— Зачем?

- Будем пить чай.
- Но там эти!
- Они все знают.
- Рассказала?! Выдала?!

— Не выдала. Я спасла тебя. Мы посоветовались и решили: самое правильное, надо поспешить тебе в военкомат. Тебя простят. А может быть объяснишь свое опоздание и даже не накажут. Одно неизбежно — иди в армию, не позорь себя и нас, будь честным человеком.

Зулунбек хмыкнул:

— Они решили! И я должен идти подышать.

— Если же ты не пойдешь, я сейчас закричу, соберу махаллю и расскажу всем соседям!

Зулунбек притих, залепетал:

— Ладно, сестренка, пойду. Только не сейчас. Не сегодня. Попозже.

— Позже тобой будет заниматься суд.

Зулунбек посмотрел на часы — половина седьмого, патрули теперь не каждого останавливают, народ потянулся на работу.

— Ну ладно. Сам пойду в военкомат. Не хватало еще, чтобы меня бабы отводили! Вам на работу пора!

— А если не пойдешь?

— Клянусь, пойду.

Зулунбек еще раз оглядел себя, смахнул соломинки и направился к калитке.

Назик предупредила:

— Смотри, я проверю!

— Ладно, ладно.

Продрогшая Назик поспешила в комнату. Инна Васильевна одевала детей.

— А где же брат?

— Ушел. Пообещал, сам пойдет.

— Обманет.

— Поклялся.

— Изменив совести, не побоятся нарушить и клятву.

Назик уже раскисалась, что отпустила брата-беглеца. Конечно, права эта русская женщина: не явится он сам в военкомат. И в то же время теплилась надежда: «Может быть, и одумается, ведь нашей же он крови, а у нас в роду не было трусов».

Глава пятнадцатая

СВИДАНИЕ

Начальник госпиталя полковник Тихомиров некоторое время наблюдал за летчиком узбеком, который в роще, на берегу Клязьмы, занимался физкультурой. Со всем недавно этот лейтенант передвигался на костылях при помощи сестры, а теперь вон уже бегаёт. Да как старательно! Пар от него так и валит!

Полковник посмотрел на часы, он назначил встречу с лейтенантом Таштемировым в двенадцать. Значит, скоро будет здесь. Предстоит неинтересный разговор, какие начальнику приходится вести очень часто. Летчик просит в рапорте отправить его в часть, а ему нужно еще минимум пятнадцать дней укреплять организм.

«Как сговорились, все хотят на фронт. Ни смерть их не пугает, ни лишения. Вот и эта,— подумал он, взглянув на другой рапорт— женщина, а тоже просится на передовую!»

Полковник еще раз перечитал рапорт Зухры Мусаевой. «У нее причина уважительная — муж погиб, отомстить хочет... А что она практически сделает? Будет, как и здесь, лечить раненых. Но придется отпустить».

В дверь постучали.

— Разрешите?

— Да.

Вошла Зухра Мусаева.

— Садитесь... Вы не передумали?

— Нет.

— Вы нужны мне и здесь. Но отказать вам я не могу. У вас такое горе... В общем, я вас отпускаю.

— Большое спасибо, товарищ полковник.

Начальник госпиталя помедлил:

— Может быть, и попутчик у вас будет.

— Кто он?

— Ваш земляк.

— Лейтенант Таштемиров?

Полковник кивнул.

— Он больше чем земляк, он мой родственник.

— Ну тем более придется и его отпустить. Идите, собирайтесь.

Когда Мусаева ушла, полковник посмотрел в окно:

летчика под деревом уже не было. Ровно в двенадцать в дверь постучали:

— Лейтенант Таштемиров. Разрешите войти.

— Входите.

Они поздоровались. Юлдаш стоял навытяжку, стараясь выправкой понравиться полковнику.

— Хирург вас смотрел?

— Так точно.

— Какое заключение он дал?

— Годен к летной службе.

Начальник госпиталя ухмыльнулся, покачал головой:

— Прямо сразу годен к полетам? Может быть, он сказал просто: выписать вас для дальнейшего лечения при части?

— Ну это же и значит: подлечусь и буду летать,— улыбнулся Юлдаш.

— Ах, молодежь, торопитесь!— Полковник помолчал, разглядывая Юлдаша.— Я распорядился. Документы вам уже выписывают. Поедете вместе с нашей медсестрой Мусаевой через Москву. Есть у вас в столице знакомые? Где будете ночевать?

Юлдаш пожал плечами.

— Знакомых нет. Но не пропадем, где-нибудь устроимся.

— Не надо где-нибудь. Я спросил не случайно. В Москве у меня квартира. Жена там, у нее остановитесь и выполните одну просьбу.

— Пожалуйста, товарищ полковник.

— Жена моя Прасковья Петровна прибаливает. Мне кажется, состояние ее ухудшилось, но она это скрывает. Вот я и попрошу вас: посмотрите, пожалуйста, как все там, и напишите мне в двух словах.

— Все сделаю, товарищ полковник.

— Только один уговор.

— Какой?

— Написать правду.

— Можете не сомневаться.

— Ох, вы плохо знаете Прасковью Петровну! Она докажет вам, что у меня и так много забот, и сам я нездоров, и волновать меня нельзя. Но вы не поддавайтесь на эту удочку.

— Буду тверд, как сталь!— с напускной строгостью сказал Юлдаш.

— Ну-ну! Держитесь! Вот вам письмо для Прасковьи Петровны. Здесь же на конверте адрес. Недалеко от Красной площади есть кино «Ударник», пройдите по Большой Полянке, и тут наша улица Люсиновская. Поживите, отдохните. Спешить вам некуда, нужно долечиться.

Юлдаш встал. Тихомиров подошел к нему, пожал руку, добро сказал:

— Я серьезно вам советую, не спешите летать. Чем больше вы окрепнете, тем лучше будете чувствовать себя в воздухе. Желаю удачи. Пишите.

На следующий день Зухра и Юлдаш в шинелях, шапках, валенках, с чемоданчиками в руках вышли из ворот госпиталя. Проще всего было добираться попутными машинами. Ждать поезда на вокзале они не хотели. Направились к московскому шоссе.

— Как будем искать мы свои части?— спросила Зухра.— В военное время все адреса одинаковые: номер и все. Ни города, ни улицы...

— Найдем,— успокоил ее Юлдаш.— Доберемся до штаба фронта— там скажут. А пока общее направление — вперед на запад!— пошутил он, с наслаждением вдыхая чистый морозный воздух. Чувство свободы и легкости охватило его. Как приятно ощущать себя крепким и здоровым!

За городом они остановились у стрелки с надписью: «На Москву». Юлдаш стал «голосовать». Он поднимал руку, а машины проносились мимо. Все они были с грузом. Промчалась колонна с красноармейцами. Бойцы, одетые в белые меховые полушубки, сидели с поднятыми воротниками.

Потом показалась «эмка». Юлдаш даже не поднял руку: если грузовики не берут, то начальство не посадит. Потом еще одна колонна, на этот раз артиллерия. Автомобили тащили за собой зачехленные пушки. Юлдаш сосчитал их: двенадцать — значит, дивизион.

Зухра замерзла. Притопывая, прыгала на обочине. Юлдаш тоже чувствовал, как мороз пробирается под одежду. Особенно чувствовали холод раны. Зухра спросила:

— Может быть, я попробую? Женщине скорей остановят.

— Попробуйте.

Зухра беспокоилась не о себе, а о Юлдаше. Знала, что он выписался из госпиталя рано, может простудиться и заболеть. Она решительно вышла на середину дороги и подняла обе руки. Грузовик затормозил. Из кабины выглянула круглолицая курносая женщина. Хриплым мужским голосом спросила:

— В чем дело?

— Вы в Москву?— спросила Зухра.

— Ну и что?

— Подвезите лейтенанта, он из госпиталя.

Прихрамывая, подошел Юлдаш. Лицо женщины смягчилось.

— Давайте, пусть садится.

— Нет, поезжайте вы первой,— сказал Юлдаш Зухре.— Ведь вы торопитесь, а мне еще долечиваться.

Зухра хотела возразить, но женщина-шофер недовольно сказала:

— Ну, давайте быстрее, мне некогда.

— Садитесь,— Юлдаш посадил Зухру. Она встала на подножку. И, положив руки ему на плечи, сказала:

— До свидания. Увидимся ли...

— Конечно.

Машина двинулась. Зухра, не закрывая дверку, еще долго махала Юлдашу...

Чтоб согреться, Юлдаш похлопал себя по плечам растерянные раны.

Вдруг остановилась машина, которая шла со стороны Москвы.

— Товарищ военный, можно вас на минуточку?— позвала женщина-шофер.

Когда Юлдаш подошел, из машины выпрыгнула еще одна женщина— помоложе. На ее петлицах поблескивали три кубика— старший лейтенант.

— Вы не скажете, где находится госпиталь номер двести пятнадцать?

Это был тот самый, где лечился Юлдаш.

— Госпиталь вон за той рощей, на берегу реки белое здание,— сказал Юлдаш, а сам с волнением подумал: «Почему у нее такой знакомый голос?»

— Спасибо,— сказала женщина.

Она хотела уже сесть в кабину, но Юлдаш, прежде чем сообразил, что может случиться чудо, закричал:

— Гульназ!

Женщина с крайним изумлением вскинула брови и уставилась на лицо Юлдаша, покрытое шрамами. Потом кинулась к нему.

Покачав головой, шофер вынесла из кабины чемодан, поставила на снег и, махнув рукой, уехала.

Не выпуская из объятий Гульназ, Юлдаш говорил:

— Я же мог минуту назад уехать, и мы бы не встретились.

— Значит, судьба...

Гульназ плакала, Юлдаш вытирал с ее щек слезы, а она целовала рубцы на его лице.

— Как много у тебя ран, а писал, что все это пустяки. Хорошо сосед твой, старшина Холматов, рассказал нам правду. Вот я и примчалась.

— Представляю, каких небывлиц нагородил вам этот болтун... Почему ты в военном?

— Меня призвали. Уже вторую неделю служу. В Москве оформлялась. Вот приехала узнать, есть ли места в твоём госпитале, а ты, оказывается, уже выписался.

— Ну и хорошо. Двинемся дальше вместе. В Москве уладим твоё назначение. Как дома?

— Мама здорова. Дедушка купил тебе самолет. Папа шлет привет. Назокат приехала к твоей маме, живет у нее. От Эргаша давно нет писем.

— Так,— сказал Юлдаш.— Давай устроимся в машине и обо всем поговорим дорогой, а то замерзнешь.

Им удалось, наконец, поймать грузовик. В кабине был один старик шофер.

— Ты садись сюда, здесь теплее. А я в кузов.

Шофер поманил его рукой в старой рваной перчатке.

— Лезьте и вы, товарищ лейтенант. Поместимся. Они худенькие. Места много не занимают,— кивнул водитель на Гульназ.

Уселись втроем. Воздух в кабине быстро нагрелся, от мотора и их дыхания.

— На каждом шагу нам с тобой везет,— сказал Юлдаш.— Я на этой дороге с утра прыгаю. Зухру отправил, а сам никак не мог уехать. Но как только появилась ты, сразу же подкатил этот комфортабельный экипаж.

— Значит, нужно всегда быть вместе.

Юлдаш прижал к себе Гульназ, обняв ее за плечи.

Шофер не мешал им, только раз улыбнулся и сказал:

— Слушаю вас и не пойму, кто вы — муж и жена или брат и сестра?

Гульназ и Юлдаш засмеялись.

— А мы и сами этого не знаем.

— Скорее всего и то и другое.

В Москву приехали вечером. Распрощались со стариком шофером у Охотного ряда. Дальше пошли пешком. Прохожий им объяснил, где Люсиновская улица.

Дверь открыла высокая худая женщина. Узнав, что они от мужа, приветливо заулыбалась, пригласила в квартиру. Пока они снимали шинели, хозяйка читала письмо и тут же его комментировала:

— Тревожится о моем здоровье. А сам, наверное, еле ходит... «Чувствую себя хорошо». Конечно, обманывает...

— Выглядит он бодрым,— сказал Юлдаш.— Я с ним несколько часов назад разговаривал.

— Знаю,— Прасковья Петровна махнула рукой,— все знаю, он вас предупредил, чтобы вы меня не расстраивали.

Юлдаш улыбнулся, вспомнив наказ полковника написать правду о здоровье супруги.

Через несколько минут они сидели за столом, накрытым белой скатертью. Прасковья Петровна выложила пайковый хлеб и сахар, Юлдаш открыл банку тушенки, а Гульназ украсила все это привезенными из Ташкента изюмом и сушеным урюком. Пили чай, знакомились.

Тихомирова рассказала о том, что у нее сын и дочь на фронте, оба медики, пошли по стопам отца. От сына давно что-то нет писем.

«У всех одни печали и заботы,— подумала Гульназ.— Наши Ойниса-опа, Кумри, Назик, Нонна Матвеевна, Анна Николаевна говорят о том же».

Гульназ рассказала хозяйке дома о своей родне.

Когда пришло время спать, Прасковья Петровна вдруг задала им тот же вопрос, что и шофер старик.

— Извините меня, я не поняла, кто вы — муж и жена? Или... Как приготовить постель?

Юлдаш и Гульназ переглянулись: «Кто же они?» А глаза ответили: «Больше, чем муж и жена, мы бесконечно дорогие друг другу близкие люди!»

Хозяйка уловила их смущение и без долгих расспросов постелила Юлдашу в кабинете мужа, а Гульназ пригласила к себе в спальню.

Прежде чем заснуть, Юлдаш сел к столику и написал полковнику Тихомирову обещанное письмо.

Когда он лег в постель, дверь вдруг открылась.

— Товарищ лейтенант, разрешите войти?— игриво спросила Гульназ.

— Вы старше по званию, товарищ старший лейтенант медицинской службы, можете заходить, не спрашивая разрешения.

Гульназ порхнула через комнату и скользнула под одеяло к Юлдашу. Он обнял ее и тихо спросил:

— Что ты сказала Прасковье Петровне?

— Я сказала, что твоя жена.

Мы завтра же регистрируемся в ЗАГСе, нельзя обманывать старших,— с шутливой назидательностью сказал Юлдаш и надолго приник к ее губам.

Потом он гладил ее густые распущенные волосы, они пахли, как в день прощанья около водопада Кичкирика,— солнцем и цветами. Прижимался щеками к ее щекам. И думал: «Ведь этого могло и не быть. Всего несколько мгновений — и мы бы не встретились!»

Глава шестнадцатая

ОПЯТЬ В НЕБЕ

До своего полка Юлдаш добирался с трудом, на попутных машинах. Никто не знал, где располагается его часть. Только в штабе армии, проверив документы, наконец сказали, где находится аэродром.

В сосновом заснеженном лесу, на протоптанной дорожке, первым встретился Юлдашу боевой друг капитан Макаров.

— Кого я вижу?! Здоров! Ну как, подремонтировался? Говорили, тяжелый ты был...

— Порядок,— весело ответил Юлдаш.

— Как добрался?

— Еле нашел вас.

— Ну пойдем, наверное, о ребятах соскучился?

— Очень!

Они зашагали по хрустящей тропинке.

— Как поживает майор Попов?

— Хватай выше, подполковник Попов! Живет по-старому: летает, дает фрицам ляпису.

— Как лейтенант Русинов?

— Тоже молодчик — второй орден Красной Звезды получил. Да, ты о своей-то награде знаешь? Орден Красного Знамени тебе за тот бой дали.

— Читал в газете.

— В общем, скоро сам всех увидишь. Лектор из политотдела армии приехал. На лекцию весь полк соберется. Иди, докладывай о своем возвращении. Командирская землянка вон та.

Когда Юлдаш подошел к блиндажу, дверь вдруг распахнулась. Навстречу вышли командир полка и незнакомый Юлдашу пожилой полковник.

Юлдаш, как и полагается, встал смирно, приложил руку к головному убору, доложил:

— Товарищ подполковник, лейтенант Таштемиров прибыл из госпиталя для прохождения дальнейшей службы.

— Ну-ка покажись.— Попов осмотрел его внимательно.— Все на месте! Молодцы хирурги! Ну давай обниму тебя.— Он обнял Юлдаша, похлопал по спине. Опять отступил на шаг, любуясь им. Потом сказал:

— Прежде всего внесем поправку в твой рапорт: не лейтенант, а старший лейтенант. Недавно пришел приказ о присвоении тебе очередного звания.— После этого, обращаясь к полковнику, представил:— Вот познакомьтесь, пожалуйста. Наш старший лейтенант Таштемиров. Тот самый, которому дед подарил самолет!

Полковник сердечно пожал руку Юлдашу.

— Слышал, слышал...

— Мы идем на лекцию,— сказал Попов.— Товарищ полковник самые последние новости привез. Пойдем, тоже послушаешь, оторвался, наверное, от жизни? После лекции приходи ко мне, поговорим.

— Хорошо, Андрей Николаевич.

Знакомые летчики встретили Юлдаша веселыми улыбками. Он сел между Макаровым и Русиновым. Русинов тут же обнял его одной рукой и прижал к своему боку: разговаривать нельзя было — началась лекция.

Радостно было на душе Юлдаша, вокруг дорогие

сердцу боевые друзья. И лектор говорит о приятных делах. Наступление немцев под Москвой провалилось. Молниеносная война не удалась. Лектор называл внушительные цифры — сколько фашистов убито, ранено, взято в плен, сколько захвачено техники... Юлдаш, слушая лектора, видел перед собой сожженные дотла деревни, поля, усеянные еще не убранными мерзлыми трупами гитлеровцев, остатки сгоревших танков с белыми крестами, исковерканные машины и пушки. Все это он и видел по дороге в полк, проезжая по тем местам, где недавно отгремело большое сражение.

Полковник привел слова Гитлера, сказанные перед началом наступления: надо так окружить город, чтобы из него не вырвался ни один русский солдат, ни один мужчина, ни одна женщина или ребенок; пытающиеся покинуть город, должны быть уничтожены.

А Юлдаш думал: не сбылось! Столица живет по-прежнему. Недавно он расписывался с Гульназ в московском ЗАГСе на Красной Пресне. Юлдаш вспомнил этот солнечный морозный день. Ходили трамвай, носились поезда метро, люди спешили по своим делам. Все было как всегда.

На лекции Юлдаш впервые услышал о подвиге бойцов из дивизии генерала Панфилова, которые стояли насмерть на подступах к Москве. Ему стало немного стыдно: люди бились с отчаянным напряжением, а он лежал в постели. «Ну подождите, гады, мы еще встретимся с вами в воздухе. И на земле я вас достану. За все отплачу сторницей, и за себя, и за тех панфиловцев-ребят».

В заключение лектор сказал о героических делах летчиков авиаполка Попова. Полковник перечислил несколько знакомых Юлдашу фамилий и, что было совсем неожиданно, назвал и его — Таштемирова. Юлдаш почувствовал, как горячая волна залила лицо.

Вопросов лектору не задавали. Все было ясно. Летчики зашумели, обмениваясь мнениями.

Полковник Попов поднял руку, призывая к тишине. Он поблагодарил лектора и сказал:

— Товарищи, в нашу боевую семью возвратился из госпиталя старший лейтенант Таштемиров. Его давно уже поджидает в полку присланная из штаба армии награда. Позвольте мне от имени командования вручить

товарищу Таштемирову орден Красного Знамени и пожелать нашему боевому соратнику дальнейших успехов.

Юлдаш не помнил, как встал со скамьи, как шел к столу, накрытому красной скатертью. Казалось, какая-то легкая добрая рука подняла его и поставила перед командиром. Попов под аплодисменты летчиков прикрепил орден к груди старшего лейтенанта и по-отечески расцеловал.

Потом Русинов и Макаров повели Юлдаша в свой блиндаж:

— Пойдем, с нами жить будешь.

— Сейчас приду, командир велел зайти после лекции.

— Не задерживайся.— Русинов показал на орден.— Обмыть полагается.

Юлдаш отдал свои вещи друзьям.

— За мной не пропадет, вот залог.

В блиндаже командира было тепло и просторно. Попов с кем-то говорил по телефону, что-то записывал. Увидев старшего лейтенанта у порога, помахал авторучкой — заходи.

Закончив разговор, спросил:

— По небу соскучился?

— Очень, товарищ подполковник.

— Долго на земле не засидишься. Завтра же опробуешь подарок своего деда. Покрутись над аэродромом. Далеко не уходи. «Мессеры», как волки, рыскают. Послезавтра полетишь на задание.

— Готов хоть сейчас.

— Не горячись. Задание опасное и необычное для нас! Противник делает перегруппировку. Что-то готовит. Мне звонили из штаба армии, говорят: «Мы запарились, помогите найти один аэродром. Его немцы куда-то к фронту подтянули». Иди сюда.— Подполковник подошел к стене, отдернул занавеску, за которой открылась карта.— Наш аэродром здесь. Немецкие бомбардировщики базировались вот тут. Базировались! Наши их там два хорошо накрыли. А теперь их там нет. Сменили место. Ушли. А куда — мы не знаем. Вот ты и узнаешь. Задача ясна?

— Понятно,— ответил Юлдаш.

— Полетишь один. Как только немецкие бомбардировщики выйдут на бомбежку, ты поднимешься. Похо-

дишь в облаках. А когда они лягут на обратный курс, держись в сторонке и смотри, куда они возвращаются. Позволит обстановка — прямо до района посадки проследи...

В блиндаже Русинова и Макарова собралась веселая компания, шутили, курили, выпили. Юлдаш веселился вместе со всеми, а из головы не выходил предстоящий полет. Иногда он среди веселого шума вдруг задумывался.

На следующий день с утра Юлдаш отправился к своей машине. У истребителя, окрашенного в пепельный цвет, его уже поджидал техник.

— Сержант Иван Куприянов,— представился он.

— Здравствуй, Иван Куприянов, будем работать вместе,— сказал старший лейтенант, пожимая крепкую руку сержанта.

Потом Юлдаш обошел самолет. Это был обычный серийный «МИГ-3», но Юлдашу он казался необыкновенным. Он должен быть особенным, раз его подарил дед Кулдаш!

Весь день вместе с «технарями» Таштемиров готовился к полету. Несколько раз взлетал и садился. Проверял не только машину, но и себя: как действуют ноги после гипса, не притупилось ли чувство высоты, глазомер.

Еще через день, спозаранку прогрев мотор, Юлдаш в полной боевой готовности ждал сигнала на вылет.

Погода была для полета подходящая: слоистые облака высились друг над другом ярусами, в них удобно будет маскироваться. Но немецкие бомбардировщики все не появлялись. Юлдаш опасался, что ветер разгонит облака и тогда все осложнится. В ясном небе незамеченным не останешься.

В полдень Юлдаша вызвали на КП. Дежурный сказал:

— Посты докладывают: бомбардировщики прошли на восток вот в этом направлении.— Он показал на карте.— Назад обычно ходят другим курсом, так что ищите сами. Будут данные от наблюдательных постов — наведем по радио.

— Сколько их?

— Тройка.

Юлдаш вернулся к самолету.

— Ваня,— позвал Юлдаш Куприянова.

У авиаторов так бывает часто: по званию и фамилии не обращаются. В воздушном бою жизнь или смерть во многом зависит от техника. Доверие должно быть полное. Оно настолько сближает летчика и «технаря», что они называют друг друга по имени.

— Ваня, как наши дела?

— Полный порядок, Юлдаш... товарищ старший лейтенант,— смутился Куприянов.— Извините, я не знаю вашего отчества.

— У нас отчества не бывает. Не принято,— сказал Юлдаш.

— А как же?

— Ну меня, например, зовут Юлдаш-ака. Это значит — брат Юлдаш.

— Что же, у вас в Узбекистане все братья?

— Не только у нас...

— Разрешите, и я буду звать вас Юлдаш-ака?

— Называй, Ваня.

— Есть, Юлдаш-ака!— весело сказал сержант и серьезно добавил:— Ну ни пуха ни пера вам!

Как и полагается в таком случае, Юлдаш мысленно послал «технаря» к черту, устроился в машине, вывел ее на взлетную полосу, разогнался и взмыл в небо. Некоторое время он ходил по кругу, набирая высоту. Самолет был послушен.

«Хорошую машину подарил мне дедушка»,— подумал с нежностью Юлдаш. Он знал, что дед сдал деньги в банк и, возможно, не видел этой машины, но все же приятнее было думать, что самолет хорош именно благодаря умелому выбору деда. Юлдаш на минуту даже представил себе такую картину: идет дед Кулдаш по базару в старом городе и выбирает аэроплан, щупает, приценивается, долго торгуется и, наконец, покупает. Юлдаш улыбнулся. Однако сейчас не до фантазии. Скоро должны возвращаться «юнкерсы».

Юлдаш сосредоточился, нужно обнаружить самолеты во что бы то ни стало. Он вел свой истребитель на предельной высоте, надеясь увидеть их сверху.

Внизу лежала земля, леса, реки, деревни. Красиво. Как будто и войны нет. Ровно гудит мотор, как на учебных полетах в училище.

— Семнадцатый, «юнкеры» идут курсом 240,— прозвучал в шлемофоне голос дежурного по КП.

Юлдаш повернул направо и вскоре увидел вдали два черных силуэта. «Ага, одного сбили, наверное,— подумал летчик.— Сейчас за вами пригляжу, голубчики». Он повел машину, держась выше бомбардировщиков. Густая полоса пухлых облаков скрывала от них надежно.

— Семнадцатый, выше «юнкеров» тем же курсом идут два «мессера»,— предупредил голос с командного пункта.

Значит, с прикрытием ходили. Нет, не позволят они мне дойти до своего аэродрома. В первом же разрыве облачности обнаружат или те, снизу, или те, что сверху. А от двух «мессеров» не уйти! Неужели не выполню задание?»

Юлдаш лихорадочно думал, как быть. Проще всего скрыться в черной туче, покружить там, пока враги пролетят мимо и возвратиться назад. Никто не осудит за это. Превосходство сил у врага явное. Но не приучен Юлдаш выбирать в жизни легкие пути. «Нет, я не стану отсиживаться в облаках... Но и с двумя истребителями мне не справиться»,—размышлял Юлдаш. И вдруг его осенило: «Лучше всех знают, где находится аэродром, сами немецкие летчики! А что, если я срежу сейчас один из «юнкеров», пока они над нашей территорией. Глядишь, на земле поймают кого-нибудь из экипажа».

Не теряя времени на долгие размышления, Юлдаш пошел в атаку.

Пробив облачность, истребитель Юлдаша оказался прямо над желтыми спинами «юнкеров». Нажав гашетку, Юлдаш всадил в правого длинную очередь. Будто ударившись о какую-то невидимую преграду, бомбардировщик кувыркнулся и, дымя, полетел вниз. Юлдаш тут же юркнул в облака, чтобы избежать встречи с «мессерами».

По радио он кричал на КП:

— «Астра», я семнадцатый, в квадрате тридцать пять ловите пленного. Я вижу, спускаются на парашютах.

Он повторил это несколько раз.

«Мессеры», как осы, носились в поисках самолета, сбившего бомбардировщика. А Юлдаш, снизившись,

шел над самыми макушками сосен. Он знал, на фоне леса «мессеры» его едва ли увидят.

На аэродроме, как только самолет отвернул с посадочной полосы и медленно покотился к месту стоянки, Юлдаш увидел бегущего человека. Узнал — Русинов. Он что-то кричал, показывая большой палец.

Когда Юлдаш спрыгнул на землю, Русинов стиснул его в объятиях:

— Слушай, это же просто неприлично за каждый вылет орден получать! Ты еще не знаешь, обер-лейтенанта поймали. Уже везут сюда. Скоро будет здесь, еще тепленький после того, как ты им дал жару!

На командном пункте подполковник Попов, после доклада Юлдаша о возвращении с задания, пожал ему руку и весело сказал:

— Ничего другого от тебя не ожидал. Молодец!— Обращаясь к дежурившим на КП командирам и радистам, сказал шутливо:— Ну и черти же эти советские летчики — «языков» в воздухе брать начали! Слушай, Юлдаш, ты обязательно об этом напиши своему деду. Обязательно! Считай, что это мой приказ! Ну ладно, иди отдыхай. До Берлина еще далеко, сил набирайся!

Глава семнадцатая

С В Е Т

Ира Глушко после окончания курсов медицинских сестер поступила на работу в новый госпиталь. Он размещался в четырехэтажном здании школы, построенной перед войной. Первую неделю раненых еще не было. Ирина ходила по длинному, поблескивающему масляной краской коридору, осматривала чистенькие палаты с нетронутыми постелями. Персонал госпиталя был новый, работники не знали друг друга. Ходили слухи, что глазным отделением, в которое приняли Ирину, будет заведовать известный ученый Владимир Петрович Филатов, приехавший с Украины в Ташкент. Узнав об этом, Ира струсила: как она, неопытная, только окончившая курсы девчонка, сможет работать с всемирно известным профессором? Разве захочет он терпеть рядом с собой

новенькую беспомощную сестру? Работать с ним самая опытная медсестра посчитала бы за счастье.

И вот в начале января, ночью, пришел первый эшелон с ранеными. Всю ночь в темноте на холодном ветру перевозили их и размещали в палатах. Госпиталь ожил. Гул голосов, топот, стоны, стук дверей наполнили все этажи.

Утром, когда Ира разбирала истории болезней на прибывших, в комнату вошел пожилой доктор в сопровождении двух ассистентов. Все они были в белых халатах.

Ира сразу поняла: «Это он, Филатов!» Седая, ровно подстриженная борода, седые брови, пронизательные глаза.

Девушка мгновенно забыла об усталости и бессонной ночи, вскочила, растерянно задвигала руками, не зная, куда их деть.

Филатов понял ее состояние, приветливо улыбнулся.

— Здравствуйте.

Ира смутилась еще больше.

— Здравствуйте,— тихо и обреченно молвила она.

— Ну-с, давайте знакомиться. Как вас зовут?

— Ира. Глушко. Я приехала из Киева.

— Значит, мы земляки. Меня зовут Владимир Петрович. Ну что же, Ирочка, раненых всех разместили, места хватило?

— Да, профессор.

— Сколько их?

— Двадцать семь.

— А палат?

— Пять.

— Так-так... Тесновато. Ну, ничего не поделаешь. Ведите нас, Ирочка, в палаты.

Ира подхватила стопку историй болезней и повела профессора и ассистентов к раненым. После первого разговора волнение ее улеглось. Филатов оказался совсем не таким грозным, как она его представляла. Простой и, видимо, добрый человек.

В палате профессор быстро оглядел стены, окна, тумбочки и подошел к раненому, лежавшему на ближней кровати.

— Снимите повязку.

Филатов повернул лицо раненого к свету, долго и вни-

мательно разглядывал два кровавых углубления, которые открылись под повязкой. Что-то негромко говорил ассистентам, они кивали, коротко отвечали что-то на латыни, иногда записывали. Закончив осмотр, Владимир Петрович сказал помощникам:

— Забинтуйте,— и, обращаясь ко всем, громко сообщил:— Будем лечить, молодой человек. Я думаю, зрение вам восстановим.

— Спасибо, доктор,— дрогнувшим голосом сказал парень.

Раненый на соседней койке оказался с жутко обезображенным лицом. Оно было сшито из лоскутьев кожи. Рубцы пересекали его вдоль и поперек.

Когда Филатов садился около этого человека, в палату вошли две женщины в белых халатах. Владимир Петрович молча показал им на свои ручные часы, покачал укоризненно головой.

Филатов пристально стал рассматривать лицо раненого. Осторожно щупал длинными чуткими пальцами заплаты, приращенные к лицу, с явным удовольствием погладил нос, лоб, подбородок. Наконец, выпрямившись, сказал:

— Великолепное искусство! Хирург, который делал эту операцию, несомненный талант.— Поманив рукой, чтоб врачи подошли ближе, Филатов стал показывать и рассказывать:— Взрыв мины, очевидно, произошел неподалеку.— Чтоб не пугать больного, Филатов тихо сказал, обведя рукой вокруг своего лица:— Здесь все снесло, а хирург сделал ему новое. В полевых условиях сделать такую операцию, представляете? Так-то! Он нарастил ему не только ткани, но добавил и недостающие кости... Сынок, у тебя, должно быть, одного ребра не хватает?

— Да.

— Вот видите! Из ребра он ему сделал челюсть... Вам повезло, молодой человек, вы попали в золотые руки. Вас оперировал большой мастер. Как ваша фамилия?

— Таштемиров Эргаш.

— Теперь будем смотреть дальше.

Профессор нагнулся к больному и, подсвечивая круглым зеркальцем, которое было укреплено у него выше лба, стал исследовать глаза раненого.

Ира быстро отыскала в стопке историю болезни с

фамилией Таштемиров, и вдруг словно током ее ударило: Таштемиров! «Уж не нашей ли тети Ойнисы это сын?»

Филатов протянул руку, Ира быстро подала ему папку. Профессор перелистал бумаги, снова склонился к больному. Он долго разглядывал тусклые зрачки, окруженные кровавыми жилками. Наконец, приняв какое-то решение, коротко приказал:

— Готовьте Таштемирова к операции. Завтра в двенадцать.

Обход больных продолжался до вечера. Все устали. У Иры подкашивались ноги — она ведь и ночь не спала. А профессор все шел и шел от кровати к кровати. Он не успокоился, пока не осмотрел всех до единого. Ему не раз предлагали сделать перерыв на обед, но он отказывался.

— Мы можем потерять несколько минут, именно этих минут не хватит. Нет, друзья, первый обход надо делать без промедления.

Сделав все необходимые назначения, профессор устало опустил руки. Лицо его было бледно, усталость, видно, валила его с ног.

Весь день Ира ходила за врачами, делала, что ей полагалось, и все это время в голове ее стучала мысль: неужели это сын тети Ойнисы?

Сдав смену, Ира побежала домой. Она не знала, как рассказать обо всем Ойнисе. Если это ее Эргаш, от такой новости у нее разорвется сердце... А если нет...

Она не могла поговорить с раненым — на завтра ему назначена операция, его нельзя было беспокоить.

Терзаемая сомнениями, Ира пришла домой. Женщины еще не возвратились с работы, были только Назокат и Шура. Шура обрадовалась приходу сестры, налила ей постного борща, пододвинула кусочек хлеба.

Ира ела машинально, не ощущая вкуса пищи.

— Наверное, тебя в госпитале накормили чем-то вкусным? — спросила Шура.

— Да, я там ела, — не поняв иронии сестры, ответила Ира. Сделав знак Назокат, она сказала: — Ты посиди, пожалуйста, с детьми, а мы сходим с Назокат по делу.

— Ага, в кино пойдете, а я дома сяду? Не останусь, — Шура захныкала.

Ира погладила сестру по голове.

— Я правду говорю, глупышка, у нас очень важное дело.

Назокат ничего не поняла, но все же надела пальто и вышла за Ирой.

— Что случилось?— спросила она во дворе.

— Идемте. Потом скажу.

Ира взяла ее за руку и почти бегом потянула за собой.

Назокат поняла: случилось что-то очень важное. Волнение охватило ее.

— Скажите, в чем дело, не мучайте меня,— взмолилась девушка.

Ира пристально поглядела ей в глаза.

— Обещайте выполнить все, что я скажу и сохранить в тайне то, что увидите.

— Обещаю,— не задумываясь, ответила Назокат.

— Идемте. В наш госпиталь привезли раненого. Его имя Эргаш Таштемиров.

— Что?!— крикнула Назокат.

— Может быть, это не Эргаш. Я не могла опознать его. Видела только на портрете... У него повреждено лицо... и глаза.

Назокат едва устояла на ногах. Ира поддержала ее и, желая хоть чем-нибудь успокоить, сообщила:

— Завтра ему будет делать операцию сам Филатов!

— Он слепой?— слабым голосом спросила Назокат.

— Успокойтесь. Может быть, это не Эргаш. К тому же он не слепой, глаза только повреждены. Если взялся Филатов, все будет в порядке.

— Он! Он!— стонала девушка.— Сердце мне подсказывает — это он! Был бы он зрячий, написал бы письмо. А теперь не хочет нас обременять своей бедой, поэтому и не пишет. Это он!

— Пусть даже это будет Эргаш,— пожалуйста, не забывайте, у него завтра операция. Ему нельзя волноваться. Сам Филатов! Понимаете? Он открыл глаза тысячам людей! Вы должны радоваться, что он оказался в Ташкенте. Может быть, лучше завтра пойдем, после операции?

— Нет, нет, сейчас же, немедленно!

— Только еще раз обещайте молчать. Только посмотрите.

— Обещаю.

В госпитале Ира принесла девушке белый халат, провела по боковой лестнице в глазное отделение. Поддерживая Назокат под руку, Ира чувствовала, что ее спутница дрожит.

У двери палаты они остановились. Ира приложила палец к губам и осторожно открыла дверь. Они вошли в палату.

Несмотря на то, что лицо Эргаша было перевязано, Назокат шагнула именно к его кровати. Ира до боли сжала ей руку.

— Таштемиров, вас кормили?— спросила сестра.

— Да... спасибо.

Назокат чуть не кинулась к нему: «Его голос!»

— Постарайтесь хорошо выспаться, завтра будут делать операцию. Вам нужны силы,— говорила Ира, стараясь придать своему голосу больше официальности.

— Я знаю. Буду спать крепко.

Назокат приблизилась к кровати Эргаша. Ира приложила ладонь к ее раскрывшимся губам.

— Вы обещали,— прошептала она.— Ради него!

Вдруг Эргаш насторожился.

— Сестричка, кто с вами рядом?— спросил он.

— Да так... няня убирает...— стараясь быть спокойной, ответила Ира.

— А...

Сестра решительно потянула Назокат к двери. В коридоре Назокат прислонилась к стене, закрыла глаза, побелевшими губами вымолвила:

— Это он!

* * *

Утром, когда Ойниса вернулась с подругами из ночной смены, Шурочка торопливо рассказала ей о непонятных событиях, происходящих в доме.

Вечером Ира пришла с работы, они пошептались с Назокат и куда-то ушли. Я думала, в кино. Но они пришли такие расстроенные. Потом Ира ушла. Сказала: буду всю ночь в госпитале. Назокат тоже хотела идти, но Ира сказала: «А с кем же дети?» Тогда Назокат осталась с нами, всех уложила спать. Потом она тихонько оделась и тоже ушла. Она думала, что все уснули, а я не спала, видела.

Ойниса и Нонна Матвеевна тут же собрались и поехали в госпиталь, к Ире. В садике у входа они увидели Назокат. Девушка сидела на скамейке, подперев голову руками, и о чем-то напряженно думала. Сердце Ойнисы почуяло неладное.

— Почему ты здесь, доченька?

Назокат сначала удивленно посмотрела на Ойнису: «Как она узнала, что я здесь?» Потом мысли замелькали, путаясь: «Что ей сказать? Как объяснить?» Девушка растерянно глядела на Ойнису, не в силах сдержать слезы.

— Эргаш?— спросила одними губами Ойниса.

Назокат кивнула.

— Жив?

— Теперь все хорошо. Он сейчас на операции. Будет видеть. Сам Филатов делает операцию.

Ойниса не знала, кто такой Филатов. В этом большом доме ее Эргаш! Он в опасности. Мать кинулась к двери. Но дорогу ей преградила дежурная у входа.

— Сюда нельзя.

— Там мой сын, ему делают операцию.

— Очень хорошо. Значит, будет здоров,— спокойно ответила женщина.

— Только взглянуть, милая, пустите. Вы, наверное, тоже мать?

— Не могу. Вы будете мешать, поймите... Да, я мать, и у меня сын на фронте. Вы счастливая — ваш уже здесь. Израненный, но он здесь. Доктора вылечат. Успокойтесь. Садитесь и ждите.

Нонна Матвеевна и Назокат усадили на скамью Ойнису.

Сердобольная дежурная позвонила в глазное отделение, чтобы узнать о состоянии Эргаша.

Вскоре на крыльцо выбежала Ирина.

— Все идет хорошо. Настроение у него бодрое. Шутит, когда повезли в операционную. Я побегу, что будет новое — сообщу.

Ойниса посмотрела на Назокат и с укором покачала головой:

— Почему вы мне вчера не сказали?

— Я узнала поздно вечером, вы были на работе, а я сразу побежала сюда. Ира не была уверена, что это он.

— А кто такой Филатов?— спросила Ойниса.

— Неужели вы не слышали? Он известный ученый, глазник. Весь мир его знает. Он просто чудеса творит. Большое счастье, что Эргаш к нему попал.

— Ой, уж лучше бы он ни к кому не попадал, а был здоров. Зачем ему чудеса и спасение, у него все было свое — и глаза и здоровье.

— Вы правы, дорогая,— согласилась Нонна Матвеевна,— но если уж так случилось, то лучше Филатова никто не поможет.

Операция длилась три часа. За это время Ира выбегала дважды. Она сама не знала, что происходит в операционной, ее туда не пускали. Но каждый раз, чтоб поддержать страдающую Ойнису, она говорила:

— Все хорошо, не волнуйтесь.

Наконец, она выбежала, возбужденная, раскрасневшаяся:

— Операция кончилась. Эргаша привезли в палату. На глазах повязка. Я сказала профессору, что вы здесь, он захотел с вами, Ойниса-опа, поговорить.

Ира повела Ойнису в отделение.

Филатов сидел в кабинете один. Увидев Ойнису, он подошел к ней и поздоровался за руку.

— Вы мать Таштемирова?

— Да.

— Глаза вашего сына будут видеть. Мы сделали все, что могли. Это было не легко. Поздравляю вас.

— Благодарю вас, профессор. Вы спасли и мои глаза, теперь и я буду глядеть на мир иначе.

Филатов был тронут словами этой простой женщины.

— У меня к вам просьба. Вы не должны приходить к нему, пока не будет снята повязка. Сейчас малейшее напряжение или волнение может все испортить. Если он узнает, что рядом стоите вы, конечно, разволнуется, а это недопустимо! Потерпите, пожалуйста, десять дней. Я знаю, вам нелегко, но иначе нельзя.

— Хорошо, доктор, я буду ждать.

— Ну и прекрасно. До свидания. Скоро мы с вами встретимся.

— До свидания, дорогой человек, тысячу лет вам жизни!

Профессор улыбнулся:

— Неплохо бы даже одну десятую!

Как и обещал профессор, повязку сняли через десять дней. Волновались все — и Эргаш, и мать, которая ждала в саду, и соседи по палате, и сам профессор.

Когда Эргаш вскрикнул: «Вижу дерево!» — мир засиял не только для него, но и для всех окружающих.

Потом он ходил по комнате, щупал и разглядывал графин на столе, тумбочку, ложки, хлеб. Глядел на людей, которых знал прежде только по голосу, называл их имена:

— Вы — Владимир Петрович, вы — Ира...

Через неделю его уже выписали. Эргаш пришел домой, с любовью смотрел и гладил каждую знакомую с детства вещь. Начал он с калитки. Было как-то странно: произошло столько невероятных событий в жизни, а калитка стояла прежняя, довоенная, крашенная рыжей, облупившейся под дождями масляной краской.

Вечером Эргаш сам приготовил плов и угощал мать, деда Кулдаша, Дадавая-ака, Назокат, Нонну Матвеевну и ее детей. И конечно же Эргаш чаще всего и дольше, чем на других, смотрел на милую Назокат.

А вскоре воинский долг опять призвал солдата в путь. Надо было возвращаться в свою часть, к боевым друзьям.

Глава восемнадцатая

РАННЕЕ УТРО

В один из зимних дней 1942 года на перроне Казанского вокзала в Москве представители Военного Совета и Политического управления Западного фронта ждали поезд из Ташкента. Это был не обычный поезд — он вез на фронт делегацию и подарки узбекского народа.

Было снежно. Город окутал туман. Несколько месяцев назад фашисты непременно использовали бы такую погоду для налета. Но противовоздушная оборона отучила их от этого.

Два паровоза подтянули длинный состав к перрону. Военные вышли встречать гостей.

В двери вагона показался Юлдаш Ахунбабаев. Он был одет в черное драповое пальто, круглую шапку, отороченную темным мехом, и белые бурки. Заулыбался военным, пошел им навстречу. За ним спустились другие члены делегации.

Старший по званию среди встречающих, черноглазый, с квадратиком черных усиков на губе, протянул руку, представился:

— Генерал Говоров.

— Много слышал о вас и героизме войск, которыми вы командуете,— сказал Ахунбабаев, пожимая крепкую руку генерала.

Затем глава делегации представил посланцев Узбекистана. Среди них были старые большевики, колхозницы, матери солдат, воюющих на фронте. Когда очередь дошла до Ойнисы, Ахунбабаев сказал:

— Жена первого красного командира-узбека, начальник цеха швейной фабрики «Красная заря» Ойниса Таштемирова. Два ее сына — летчик и пехотинец — сражаются на фронте.

Говоров познакомил гостей с встречающими. Затем всех пригласили в машины, которые ждали у подъезда. Ойниса оказалась в зеленой «эмке» между двумя военными. Она с интересом смотрела на оживленные московские улицы, на огромные дома, каких ей прежде не доводилось видеть. Один из военных спросил:

— Вы в Москве не бывали?

— Нет.

— Сейчас ее красоты не увидите — маскировка многое изменила. Есть разрушения от бомбежек. И улицы не такие оживленные. Люди на фронте и в эвакуации.

Однако Москва и такой нравилась Ойнисе: огромная и величественная. Ойниса увидела высокую зубчатую стену — Кремль и Мавзолей рядом с ним.

— Красная площадь! — радостно воскликнула она.

— Мой младший сын участвовал здесь в параде.

— Вы не знаете фамилию командира вашего сына?

— Знаю, он писал, таджик Назаров его командир.

— А какое у него звание — генерал или полковник?

— Я плохо разбираюсь в чинах. Когда они уезжали на фронт в товарном вагоне, сын познакомил меня с этим таджиком. У него были на воротнике два треугольника.

Военные переглянулись.

— Наверное, командир отделения, — сказал один из них и пояснил Ойнисе: — Если бы вы знали фамилию командира дивизии или хотя бы полка; мы поискали бы, нет ли ваших сыновей где-то поблизости.

— Хорошо бы повидать. Оба недавно из госпиталя вернулись на фронт, беспокоюсь об их здоровье. Старший сын Юлдаш — летчик, вот его командира помню — Попов, он мне письмо присылал.

— Ладно, мы поищем.

Делегатов разместили в гостинице «Москва». После короткого отдыха гости, разбившись на группы, разъехались по разным соединениям.

Ахунбабаев со своей группой — в ней была и Ойниса — поехал к генералу Говорову. Это было Можайское направление.

Война длилась уже много месяцев, Ойнисе казалось, что она с первого дня сама живет только этой войной. Но ее представления оказались очень далекими от того, что увидела она своими глазами. Деревни, разрушенные до основания, кирпичные трубы, торчащие над бывшим жильем, как надгробные камни. Подбитые танки, изуродованные автомобили, пушки, уткнувшиеся длинными стволами в землю, обгоревшие остовы самолетов. Братские могилы вдоль дорог то справа, то слева. И в каждой мог остаться ее сын. И Эргаш и Юлдаш прошли через ад, который совсем недавно клокотал в этих местах. А бедный Абдулхай остался тут навеки...

Не доезжая до Можайска, машины свернули в лес. Гостей принимали на широкую поляну, вдоль которой громоздилась военная техника с черными крестами, незнакомыми Ойнисе знаками и буквами: танки, минометы, брочетранспортеры, пушки, мотоциклы, пулеметы и много такого, чему Ойниса не знала даже названия. Высокий военный пояснил:

— Еще вчера это было в бою. Сегодня, как видите, превращено в металллом.

Когда вернулись на дорогу, по ней тянулась длинная колонна пленных. Ойниса с нескрываемым интересом

стала их разглядывать. Они шли медленно. Многие с опущенными головами. Все они были одеты в бледно-зеленые шинели, без ремней, ежились от холода, прятали застывшие руки. У большинства в глазах была растерянность. Они шли по четыре. Ойниса насчитала двадцать один ряд.

— Эти взяты в плен несколько часов назад,— пояснил тот же военный, который показывал технику.— Те самые «герои», что собирались гулять по Москве.

Машины двинулись дальше, теперь уже не по шоссе, а по узкой дороге, с колеями, полными жидкой грязи. Где-то неподалеку бухали орудия. Частой дробью стегали пулеметы. В небе промелькнуло несколько истребителей. «Может быть, на одном из них Юлдаш. Он даже не подозревает, что рядом мама!»

Машины опять свернули в лес и вскоре остановились на улочке уцелевшей деревни. Дома были деревянные, окна распахнуты, без стекол, кое-где рамы вывалились.

— Пойдемте в блиндаж, товарищи, в домах находиться нельзя, опасно,— пригласили хозяева.

Прошли мимо зениток, устремивших стволы в небо. По ступенькам опустились в траншею, в конце ее распахнулась дверь. «Вот что значит блиндаж»,— подумала Ойниса, оглядывая подземное помещение. Здесь было довольно просторно. Вдоль стены на столах лежали бумаги и карты, стояли телефоны и мигали цветными лампочками радиостанции. Это была одна из штабных землянок. Для гостей был приготовлен стол на середине. Вошел Говоров, он приветливо улыбался.

Говоров сел за стол напротив Ахунбабаева, стал рассказывать:

— Подарки повезли в части. Для встречи с вами мы пригласили с передовой фронтовиков. Они уже в дороге.

У нас много бойцов из вашей республики. Может быть, даже знакомых увидите. С большим удовольствием сообщаю вам, товарищ Ахунбабаев, о том, что бойцы и командиры, прибывшие из Среднеазиатского военного округа, показывают высокий героизм и стойкость. Вот, к примеру, есть у нас батальон, сформированный в Ташкенте. За короткое время он уничтожил больше тысячи гитлеровцев, не раз попадал в окружение и выры-

вался из него. На подступах к Москве стоял насмерть! Люди с гранатами вступали в единоборство с танками и не пропустили врага. Командует этим батальоном узбек, отличный, опытный командир майор Абдуллаев, он тоже ташкентский.

Ахунбабаев посмотрел на Ойнису.

— Уж не наш ли это Алиджан?

— Правильно, его зовут именно так,— подтвердил один из командиров.

Теперь Ахунбабаев принялся рассказывать Говорову об Алиджане:

— Я хорошо знаю этого человека, он старый коммунист, участник гражданской войны, бил басмачей бок о бок с мужем нашей уважаемой Ойнисы-апа.

Ойнисе было очень приятно слышать похвальные слова о близком человеке, она поглядывала на дверь — не войдет ли сам Алиджан, ведь он где-то здесь, рядом.

Говорову доложили, что вызванные с передовой бойцы и командиры прибыли.

— Пусть заходят.

В клубах пара, которые врывались в блиндаж снаружи, стали появляться фронтовики. Они щурились от света, осторожно расходились в сторону от двери. Их было человек тридцать. Обветренные, суровые лица, а глаза живые, любопытствующие. Все сразу узнали Ахунбабаева, радостно заулыбались ему.

А Ойниса внимательно всматривалась в лица — где же Алиджан. Ей казалось, он обязательно должен быть здесь, раз о нем говорили. Однако Алиджана не было. Один из красноармейцев с покрытыми инеем усами подошел к Ойнисе.

— Ассалям алейкум, апа, не узнаете Мухаммеда Карвона?

— Ой, милый, вы ли это?— Ойниса едва обхватила руками широченные плечи соседа арбакеша.— Как вы изменились, такой здоровенный! Вот Назик обрадуется, когда-я ей расскажу о нашей встрече! Она здорова, работает на нашей фабрике.

— Спасибо, апа. Я знаю, это вы повлияли на нее, очень вам благодарен. Обо мне пусть не беспокоится, я, как видите, цел и невредим. Добью фашистов и приеду домой.— Отерев подтаивающий иней с усов, Мухаммед

спросил:— Я слышал, она взяла в дом приезжих гостей, как они устроились?

— Места всем хватило. Ваша Назик, оказывается, очень любит детей, все время с ними возится.

Карвону, видимо, очень хотелось о чем-то спросить, но он стеснялся. Даже пот выступил на лбу от смущения. Все же он решился:

— А как этот... братец ее со своей...

— Вытурила она их... А потом Зулунбека призвали в армию, а Лобар попала за спекуляцию куда следует.

К ним подошел командир, похлопав по плечу, весело попросил:

— Расскажи, как ты скрутил и приволок живьем немецкого офицера.

Подошел Ахунбабаев, поздоровался с Карвоном, похвалил его:

— Молодец, показал, на что способны наши земляки.

— Стараемся, Юлдаш-ата, подвернется случай — и самого Гитлера скручу, собаку!

Ахунбабаев засмеялся и перевел слова Мухаммеда присутствующим.

Все разместились вокруг стола. Кому не хватило места, стояли плотным кругом. Говоров рассказывал о боевых делах на фронте.

После генерала говорил Ахунбабаев:

— Мы очень рады, сыны наши, видеть вас своими глазами. Пробудем здесь и в других частях еще несколько дней. А потом возвратимся в свои края и всему народу расскажем о нашей встрече, о благородных делах ваших, о победах, которые вы одерживаете над врагом. Узбекистан день и ночь трудится для фронта. Дела идут у нас хорошо. Все, что вам потребуется, мы дадим. Главное, конечно, хлопок. А вы, сынки, бейте врага до тех пор, пока не падет на землю последний фашист.

Бойцы ответили на простые душевные слова Ахунбабаева обещанием сделать все ради победы. Передали приветы своим родным и близким. Беседа продолжалась долго. Наконец Говоров приподнялся:

— Ну что ж, друзья, нас ждут дела. Всем вернуться по своим частям. А вас, уважаемые гости, приглашаю на наблюдательный пункт посмотреть своими глазами, как мы воюем.

Некоторое время ехали на машинах. Потом шли пешком по лесной тропке. Остановились у подножия холма. В этом холме и был НП. Концы толстых бревен в несколько накатов возвышались над дверью. Стена, обращенная в сторону врага, была с широкой прорезью. Гостям подали бинокли.

Говоров, глядя в окуляры, пояснял:

— Вон там, за широкой ложиной, позиция немцев. Видите окраину города? Это Можайск. Его тоже пока занимают фашисты.— Генерал посмотрел на часы и, обращаясь к полковнику, приказал:— Начинайте.

Не успела захлопнуться за полковником дверь, как земля дрогнула от грохота множества орудий. Блиндаж затрясся, как бегущий по рельсам трамвай, с бревен над головой посыпался песок.

Ойниса испуганно втянула голову. Она видела, что у Ахунбабаева шевельнулись губы, он что-то ей говорил, наверное, успокаивал, но голоса аксакала не было слышно.

Ахунбабаев показал на бинокль, и Ойниса приложила его к глазам. Вдали, там, где недавно была широкая ложица и окраина города, все кипело от взрывов. Ойниса видела, как пошли в атаку бойцы. Отсюда они казались темными точками. А Ойниса думала: «У каждой этой маленькой фигурки есть мать, любимая, своя большая жизнь». Но вот упала одна фигурка, другая... Ойниса опустила бинокль, она не в силах была смотреть на это. «Еще одна вдова, еще одна несчастная семья, еще сироты».

А земля все дрожала, гул не прекращался. Где-то в этом аду бились Юлдаш, Эргаш, Алиджан, Мухаммед Карвон и тысячи других людей. И Ойниса мысленно благословляла их и молила бога сохранить им жизнь — ведь они бились за правое дело...

* * *

Рано утром Ойниса вышла на веранду. Солнце только поднималось из-за домов. На яблоне блеснули первые маслянистые листочки. Земля была влажной от росы. Очень любила Ойниса эти ранние часы, когда нарождается новый день. Она вспомнила, как по утрам беззаботной девушкой прыгала по камням в Кураминских горах,

когда жила с отцом в кишлаке Хайдалик. На рассвете выходила она на дорогу встречать Таштемира, возвращающегося после боев. И дети у нее появились на свет утром. И когда она была особенно чем-то обрадована, всегда поднималась пораньше и выходила со своим счастьем навстречу встающему солнцу.

Вот и сегодня легко и тихо было у нее на душе. Где-то гремела война. Летали самолеты, горели танки. Но именно сегодня, в первый день весны, в этот час прохладного солнечного утра Ойниса почувствовала — все будет хорошо.

Произошел какой-то перелом. Она не знала, в чем именно, но была уверена, война покатилась под гору. Ее сыновья победят. Все кончится благополучно.

Утро никогда не обманывало Ойнису... Все сбудется.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая. Ойниса	3
Глава вторая. Бессонная ночь	12
Глава третья. Свааты	20
Глава четвёртая. В саду	29
Глава пятая. Война	39
Глава шестая. Клятва	48
Глава седьмая. Мать и сын	54
Глава восьмая. Проводы	65
Глава девятая. Швей	73
Глава десятая. Тропинки жизни	78
Глава одиннадцатая. Встреча	83
Глава двенадцатая. Семья	89
Глава тринадцатая. Преданность	101
Глава четырнадцатая. Зигзаги жизни	105
Глава пятнадцатая. Лётчики	111
Глава шестнадцатая. Эшелон	119
Глава семнадцатая. Просвет в тучах	124
Глава восемнадцатая. Вкусившие змеинный яд	129
Глава девятнадцатая. Последние рубежи	136

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая. Печальные будни	144
Глава вторая. Думы деда Кулдаша	151
Глава третья. После работы	158
Глава четвёртая. Эргаш	165
Глава пятая. На приёме у аксакала республики	172
Глава шестая. Печник Муса	178
Глава седьмая. Стихи	183
Глава восьмая. День из жизни	188
Глава девятая. Вестник	196
Глава десятая. Сердце матери	203
Глава одиннадцатая. Сильнее смерти	210
Глава двенадцатая. Смерть доброй бабушки	218
Глава тринадцатая. Зов сердца	222
Глава четырнадцатая. Беглец	228
Глава пятнадцатая. Свидание	233
Глава шестнадцатая. Опять в небе	239
Глава семнадцатая. Свет	246
Глава восемнадцатая. Раннее утро	254

ГУЛЯМОВ ХАМИД УБАЙДУЛЛАЕВИЧ

ТАШКЕНТЦЫ

Роман

Переиздание

Перевод с узбекского

Редактор *А. Липкина*

Художественный редактор *М. Рейх*

Технический редактор *В. Барсукова*

Корректор *Т. Красильникова*

Сдано в набор 12/Х—76 г. Подписано в печать 3/11-77г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 8,25. Усл. печ. л. 13,86.
Уч.- изд. л. 14,5+0,37 (7 вклейка). Тираж 30000. Изда-
тельство литературы и искусства имени Гафура Гуля-
ма. Ташкент, Навои, 30. Договор № 135—76.

Отпечатано на полиграфкомбинате Государствен-
ного комитета Совета Министров УзССР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли на бумаге № 1. Ташкент, ул. Навои, 30.
Заказ № 400. Цена в переплете № 7 1 р. 47 к.,
в переплете № 5 1 р. 16 к.

Гулямов Х. У.
Ташкентцы. Роман. Пер. В. Карпова, Т., Изд-во лит. и
искусства, 1977 ©.
264 с.

Это роман о Ташкенте военной поры — суровом, трудовом и еще больше гостеприимном городе, под чьим кровом нашли приют тысячи эвакуированных; городе, пославшем лучших сыновей своих на фронт и кующем победу в тылу.

Уз2